

ISSN 0130 3600

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГРУЗИЯ 9

1982

10.335/
1982/

80

Ежемесячный литературно-художественный
и общественно-политический журнал

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГРУЗИЯ

Орган Союза писателей Грузии

ИЗДАЕТСЯ С ИЮНЯ 1957 ГОДА

СОДЕРЖАНИЕ

В ЦЕНТРАЛЬНОМ КОМИТЕТЕ КПСС. Цент-
ральный Комитет КПСС принял Поста-
новление «О творческих связях литера-
турно-художественных журналов с прак-
тикой коммунистического строительства» 3
Быть в гуще жизни 8

ПОЭЗИЯ

ИРАКЛИИ АБАШИДЗЕ. Стихи. Перевод На-
тана Баазова 10
АННА КАЛАНДАДЗЕ. Новые переводы Вла-
димира Еременко 15
ПААТА НАЦВЛИШВИЛИ. Стихи. Пере-
вод Натальи Дардыкиной 41

ПРОЗА

СОЛОМОН САМХАРАУЛИ. Полнолуние.
Рассказ. Перевод Зураба Дарсаве-
лидзе и Георгия Бендукидзе 19
ДЖЕМАЛ ТОПУРИДЗЕ. Рассказы. Перевод
Александра Златкина 46

9

1982

- ГУРАМ АСАТИАНИ. О грузинском. Перевод Виктории Зининой. Окончание . . . 202
- ГУРАМ КАНКАВА. Мера вины и наказания 136

К 180-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
МАРИ БРОССЕ

- ГАСТОН БУАЧИДЗЕ. Мари Броссе . . . 155

РЕЦЕНЗИИ

- ВИКТОР КАХНИАШВИЛИ. Совместный
сборник 157
- Л. ДОЛИДЗЕ. О днях нашей жизни . . . 160

ПУБЛИЦИСТИКА

- ГУЛКАН ЖОРЖОЛИАНИ. Свидетельствуют
архивы... 163

К 60-ЛЕТИЮ КИНОСТУДИИ «ГРУЗИЯ-ФИЛЬМ»

- ГАРРИ КУНЦЕВ. Корни духа. Очерк . . . 174

К 200-ЛЕТИЮ ГЕОРГИЕВСКОГО ТРАКТАТА

- БОРИС АНДРОНИКАШВИЛИ. Волжское се-
ло 183

ДОКУМЕНТЫ. ПИСЬМА. ВОСПОМИНАНИЯ

- МАРК ЗЛАТКИН. Немногое о них . . . 213

- ХРОНИКА 14, 156, 173, 224

В ЦЕНТРАЛЬНОМ КОМИТЕТЕ КПСС

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ КПСС ПРИНЯЛ ПОСТАНОВЛЕНИЕ «О ТВОРЧЕСКИХ СВЯЗЯХ ЛИТЕРАТУРНО - ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ЖУРНАЛОВ С ПРАКТИКОЙ КОМУНИСТИЧЕСКОГО СТРОИТЕЛЬСТВА»

СОЮЗ писателей СССР, его печатные органы, говорится в постановлении, проводят значительную работу по развитию и углублению творческих связей литераторов с жизнью народа, с практикой коммунистического строительства. Это способствует дальнейшей консолидации литературных сил, активизирует участие писателей в решении задач, поставленных XXVI съездом КПСС. Возросла роль журналов Союза писателей СССР в организации литературного процесса.

В постановлении отмечается, что опубликованные в журнальной периодике книги воспоминаний тов. Брежнев Л. И., ярко и проникновенно отображающие героику строительства социализма, богатство духовного мира советских людей, величие созидательных свершений Родины, явились важным событием в общественной жизни страны и вдохновляющим примером для нашей литературы.

Редакции журналов при содействии партийных комитетов и писательских организаций поддерживают творческое содружество литераторов с коллективами промышленных предприятий, крупных строек, колхозов и совхозов, с воинами армии и флота. Связь с трудящимися, литературные посты, шефская работа на важнейших народнохозяйственных объектах, обсуждение совместно с читателями вопросов социально-экономической и духовной жизни обогащают литературу современной тематикой, повышают уровень компетентности журнальных публикаций.

121.024

Д. БИРЮКОВ СДБ. СДБ. СДБ
СДБ. СДБ. СДБ. СДБ. СДБ.

Статьи и очерки о положительном опыте хозяйствования, о проблемах социального переустройства, об охране окружающей среды вызывают широкий читательский интерес. По некоторым из них приняты решения партийных и государственных органов.

Вместе с тем ЦК КПСС считает, что работа литературных журналов нуждается в улучшении. Возросшая общественная активность, политическая зрелость и профессиональное мастерство писателей позволяют литературно-художественной печати полнее проявлять себя в решении задач коммунистического строительства, в удовлетворении культурных запросов народа. Писательские организации, редакции журналов пока еще недостаточно настойчиво привлекают одаренных литераторов к работе над произведениями актуальной направленности. Новые поколения советских людей нуждаются в близком им по духу и времени положительном герое, который воспринимался бы как художественное открытие, влиял на поступки людей, отражал бы судьбы народные.

Редколлегии, партийные организации журналов и авторский актив, указывается в постановлении, призваны работать с большей мерой ответственности. Нельзя мириться с тем, что в некоторых журналах опубликованы произведения, в которых события отечественной истории, социалистической революции, коллективизации изображены с серьезными отступлениями от жизненной правды. Отдельные публикации содержат предвзятые, поверхностные суждения о современности. В ряде периодических изданий принижена роль редколлегий. Руководители журналов не всегда проявляют должную требовательность в работе с авторами. Печатается немало произведений слабых в художественном отношении, страдающих мелкотемьем.

На страницах журналов появляются историко-литературные и литературно-критические работы, авторы которых явно не справляются со сложным материалом, обнаруживают мировоззренческую путаницу, неумение рассматривать общественные явления исторически, с четких классовых позиций. Литературной критике подчас недостает определенности и принципиальности в оценках.

Центральный Комитет КПСС рекомендовал Союзу писателей СССР, руководителям литературных журналов сосредоточить внимание и усилия творческих работников, художественные средства литературной печати на коренных вопросах внутренней и внешней политики, на решающих направлениях социально-экономического развития страны в соответствии с решениями XXVI съезда КПСС. Совершенствовать связи с трудовыми коллективами, исходя из того, что главная цель этой работы — обогащение искусства актуальным жизненным содержанием, создание высокохудожественных произведений о современности.

Литературно-художественная периодика, говорится в постановлении, призвана идти в ногу со временем, замечать и поддерживать новое, передовое в жизни советского общества, неуклонно руководствоваться принципами партийности и народности. Писательским организациям, редколлегиям литературных журналов надо поощрять разработку тематики, связанной с курсом КПСС на интенсификацию экономики, совершенствование производственных отношений, развитие социалистического соревнования. Новые задачи развития советской экономики неразрывно связаны со всей сферой общественных отношений, с формированием нового человека. Это открывает большой простор для художественного творчества.

В постановлении указывается, что Союз писателей СССР и редакции литературных журналов должны помочь творческим работникам определить свое место и роль в реализации задач, выдвинутых тов. Брежневым Л. И. в докладе на майском (1982 года) Пленуме ЦК КПСС, в осуществлении Продовольственной программы СССР. Перестройка сельского хозяйства на основе ускоренного внедрения достижений науки и передового опыта обязывает литераторов сосредоточиться на художественном освоении реальностей, связанных с созданием новых условий производства и быта на селе. Литература может многое сделать для воспитания у молодежи любви к земле, к природе, к сельскому труду.

ЦК КПСС рекомендовал Союзу писателей СССР, редколлегиям и редакциям журналов, литературной критике активнее поддерживать художественные поис-

ки в сфере социально значимой проблематики, утверждать достойные советского человека жизненные цели, последовательно развенчивать аполитичность и потребительскую психологию.

Следует использовать, говорится в документе, все возможности для повышения воспитательного значения художественного слова, создания произведений высокого патриотического звучания, поэтизирующих служение Родине, делу партии. Для искусства социалистического реализма нет более важной задачи, чем утверждение советского образа жизни, норм коммунистической нравственности, красоты и величия наших моральных ценностей — таких, как честный труд на благо людей, интернационализм, вера в историческую правоту нашего дела. Журналы призваны полнее отражать художественный опыт союзных и автономных республик, уделять внимание качеству перевода произведений братских литератур на русский и другие языки народов СССР, содействовать дальнейшему сближению и взаимообогащению культур социалистических наций, идейному и политическому сплочению советского многонационального общества, укреплению дружбы народов стран социалистического содружества.

Союзу писателей СССР, его печатным органам необходимо шире привлекать советских литераторов, прогрессивных деятелей зарубежной культуры для выступлений за прекращение гонки вооружений, за мир и безопасность народов, за предотвращение угрозы термоядерной войны, воспитывать трудящихся в духе готовности к защите революционных завоеваний советского народа.

Художественное слово, отмечается в постановлении, всегда было острейшим оружием в борьбе за торжество марксизма-ленинизма, в идеологическом противоборстве двух мировых систем. Партия высоко ценит международную деятельность писателей, их умение вести наступательную полемику с идейным противником, активную роль в борьбе с антикоммунизмом. Большой успех политического романа, публицистического фильма, драмы и поэзии показывает, что это направление в художественном творчестве отвечает духу времени.

ЦК КПСС обращает внимание Союза писателей СССР, республиканских союзов, редколлегии журналов на необходимость и впредь развивать художественную публицистику. При этом уделять особое внимание молодым литераторам. Творческие командировки, подготовка ответственных материалов по заданиям редакций могут стать для них серьезной жизненной и профессиональной школой, направить их талант по верному пути.

В постановлении ЦК КПСС подчеркивается необходимость повысить роль первичных партийных организаций журналов в работе редакционных коллективов. Они должны активно влиять на тематическое планирование, на содержание публикуемых материалов, участвовать в подборе и воспитании кадров работников редакций, поддерживать атмосферу высокой ответственности за порученное дело, содействовать развитию в коллективах редакций критики и самокритики.

ЦК компартий союзных республик, крайкомам и обкомам партии, МГК КПСС предложено уделять повседневное внимание идейно-творческой деятельности литературно-художественных журналов, поощрять сотрудничество литераторов с трудящимися города и села, по-деловому реагировать на выступления литературной печати, активнее использовать журнальные публикации в идеологической работе.

Союзу писателей СССР, Госкомиздату СССР совместно с Госпланом СССР и Министерством финансов СССР поручено осуществить меры по дальнейшему совершенствованию материально - технической базы издания журналов, их полиграфического исполнения, тиражирования и распространения.

БЫТЬ В ГУЩЕ ЖИЗНИ

**ПОСТАНОВЛЕНИЕ ЦК
КПСС «О творческих
связях литературно-художественных журналов с практикой коммунистического строительства»** затронуло множество актуальных, животрепещущих вопросов и вызвало горячий отклик не только среди редакционных работников, но и в широких писательских и читательских кругах.

Значимость и своевременность постановления неопределены, поскольку в нем определены пути и средства практического воплощения в жизнь поставленных задач по развитию и углублению творческих связей литературы с жизнью народа, с практикой коммунистического строительства, а также важнейшие аспекты работы, направленной на дальнейший подъем общего литературного дела и идеологическое обеспечение экономической политики партии.

Постановление нацеливает наше внимание на целый ряд недостатков, все еще имеющих место в деятельности литературно - художественных журналов.

Недостаточно настойчиво к работе над произведениями с актуальной направленностью привлекаются одаренные литераторы, в некоторых журналах публиковались произведения, где события отечественной истории, социалистической революции, коллективизации изображены с серьезными отступлениями от жизненной правды, а отдельные публикации содержат предвзятые, поверхностные суждения о современности.

На страницах журналов появляются историко-литературные и литературно-критические работы, авторы которых явно не справ-

ляются со сложным материалом, обнаруживают мировоззренческую путаницу, неумение рассматривать общественные явления исторически, с четких классовых позиций. Литературной критике по час недостает определенности и принципиальности в оценках.

Специфика журнала «Литературная Грузия» заключается в том, что в нем должен найти наиболее полное отражение литературный процесс, происходящий в нашей республике. Все, достойное читательского внимания как в смысле своей актуальности, так и высшего художественного уровня, опубликованное в грузинской прессе — журналах, газетах, выходящее в издательствах, будет находить свое место на страницах «Литературной Грузии», чтобы представить многомиллионной всесоюзной аудитории и возможно даже за рубежом лицо современной грузинской литературы.

Журнал систематически публикует переводы с абхазского, осетинского и других языков — произведения работающих в нашей республике авторов, стремится активно привлекать к сотрудничеству русских литераторов, живущих в Грузии, а также использовать все возможности для организации материалов, специально написанных для «Литературной Грузии».

Сейчас, в условиях широко развернувшейся борьбы за выполнение решений XXVI съезда КПСС и майского (1982 года) Пленума ЦК КПСС, одобрявшего Продовольственную программу, нами задумано проведение выездных заседаний редакционной коллегии и коллектива «Литературной Грузии» на крупных строительных, промышленных и сельскохозяйственных объектах, создание там «постов» нашего журнала.

Стать органом боевым, динамичным, быть в гуще народной жизни — вот девиз, непосредственно вытекающий из постановления ЦК КПСС о литературно-художественных журналах, которому будет следовать в своей дальнейшей работе коллектив «Литературной Грузии».

Критически обзрев пройденный путь, редакция решила придать особую заостренность освещению коренных вопросов внутренней и внешней политики СССР, основных направлений социально-экономического развития республики, совершенствованию творческих связей с трудовыми коллективами, исходя из указания постановления о том, что главной задачей подобной работы является обогащение искусства актуальным жизненным содержанием, создание высокохудожественных произведений о современности. А то, что постановление ЦК КПСС совпало с 25-летием существования журнала, накладывает на нас еще более высокую ответственность.

Ираклий АБАШИДЗЕ

Перевод Натана БААЗОВА

ГОРОД ХОНИ

...Всем существом,
дыханьем всех времен —
я вновь с тобой,
 пройдя и зной и холод;
я снова бодр
 и снова утомлен,
опять я собран
 и опять расколот...

Я бился
 с легионом слов и фраз,
как с полчищем
 свирепых великанов;
за мною
 путь взвихрялся,
 и — не раз,
и многое
 ушло, в забвенье канув...

Всегда я жил борьбой —
 добра со злом,
отрады с горем,
 света с темнотою,
мольбы с проклятьем,
 пламени со льдом,

Настоящая подборка составлена из авторизованных переводов, выполненных специально для фильма, посвященного Ираклию Абашидзе.

нектара с ядом,
праздника с бедою;

ягненка с волком,
горлицы с орлом,
любви с враждой,
доверия с наветом, —
всегда я жил борьбой
добра со злом,
и в трудном,
долгом поединке этом —

мечтами полный,
с отроческих лет
в грядущее
направил я решимость,
на вражеский окованный хребет
обрушивал
меча несокрушимость.

Я прорывался в мрачные углы,
я всех драконов
доводил до краха,
срывал и разбивал я кандалы
тысячелетних
трепета и страха..

Я мог взорвать
любую цитадель —
законов волчьих вечную опору;
я в этом видел жизненную цель,
и был я предан
свету и простору.

Я, словно бог,
играл своей судьбой,
как мячиком...

Удел мой
был заманчив...
И вновь с тобой я,
вновь и вновь с тобой,
я — рыцарь твой,
а ты —
моя Ла-Манча!

ОТЕЦ

Когда-то, под солнцем моей Имерети,
В ничем не приметном, обычном селе,
Незрячий и, может, забывший о свете —
Родной мой отец проживал на земле.

Однажды глаза его смерть повстречали,
И в них она вечный оставила след,
А после, с погашенным взором, в печали —
Пятнадцать провел он под крышею лет.

В чохе, что оттенка поблекшего сена,
Порою стремился он неба глотнуть:
Меж жизнью и смертью шагая степенно,
Бамбуковой палкой прокладывал путь.

Он умер — и смерти, сухой и костлявой,
Во мгле не узрел в предначертанный срок;
Он умер — и жизни земной величавой
В глаза поглядеть на прощанье не смог.

Уйдя, он на мир не остался в обиде —
На синие доли, на горы в снегу...
А я? В оба глаза — я мир этот видел,
И как с этим всем я расстаться смогу?!

Я ЖДУ ВИДЕНЬЯ...

Вскипает кровь,
и дни бегут быстрее,
а бог грозит
извечным приговором...
Я жду виденья,
сна я жду,
в котором
слепой отец
возникнет у дверей.
Нарядным,
гордым —
он ко мне войдет,
но никуда
от прошлого не деться:

ведь это я,
легко идя сквозь детство,
под светлым небом
вел его вперед.

Со старой палкой,
снова на виду,
со старыми
вопросами
и ладом...

Он скажет:
стань опять со мною рядом, —
сегодня я
во мгле тебя веду!

В ПОВТОРЁННОЙ ТРАГЕДИИ ВИДИТСЯ ФАРС...*

В повторённой трагедии видится фарс...
Так за нашу трагедию!

Молча
мы эту
выпьём чашу,
не надо напыщенных фраз,
без трагедии
жить ли на свете поэту?

Не шатнется вовек
человечий престол,
мы стоим
перед ним
с этой полною чашей...
Славен тот,
кто впервые трагедией счёл
появление певца
в повседневности нашей.

Ни гвоздику,
ни маску поэта —
не тронь,

* В названии стихотворения использовано изречение К. Маркса.

промедленье и спешку
не трогай в поэте...
Мы уносим в могилу
сердечный огонь,
оставляя
короткую вспышку
на свете.

Выпьем чашу до дна,
выпьем молча
и враз —
за извечную правду,
за истину эту...
Без трагедии
жить ли большому поэту?
В повторённой трагедии видится фарс...

АБАШИДЗЕ Ираклий Виссарионович. Род. в 1909 г. Поэт-академик. Герой Социалистического Труда. Печатается с 1928 го-

да. Книжки И. Абашидзе издавались на грузинском и русском языках, многих языках народов СССР и ряда зарубежных стран.

ХРОНИКА

ИНТЕРЕСНОЕ ИЗДАНИЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «Молодая гвардия» выпустило в свет сборник «Молодые поэты Закавказья», в который включены лучшие стихи молодых поэтов Азербайджана, Армении и Грузии.

В это интересное издание вошли стихи молодых грузинских поэтов Д. Бедианидзе, Б. Арабули, В. Чхиквадзе, Т. Бекишвили, А. Таба-

тадзе, Н. Кутателадзе и других.

В предпосланной этим стихотворениям статье Гурама Асатиани «Мир входящим!» кратко характеризуется поэтический мир молодых поэтов Грузии. «Хочу подчеркнуть, — пишет Г. Асатиани, — что жажда правды и правды — самая яркая черта и самое большое достоинство грузинской молодой поэзии 70-х годов».

Анна КАЛАНДАДЗЕ

Перевод Владимира ЕРЕМЕНКО

* * *

О, ты бездонно, небо родное,
Небо родное...
Вещая бездна сна и покоя,
Гари и зноя.
Все растворило: слезы и золы.
Вымыло раны.
Персы входили, были монголы,
Были османы...

Слышишь моления Ошки и Зарзмы,
Мцхеты и Тао?..
Шепот лазурный, воля и нега,
Небо родное...

ШУАПХОЙСКАЯ НОЧЬ

Мариамула стихла.
А что же Арагва не спит?
Вот луна отстраняет туман,
Равнодушна на вид,
И над смуглой Кутхի,
Где закат не оставил следа,
Возникает и тает,
Мерцает и гаснет звезда...

* * *

Солнце приветит — с улыбкой склоняешься долу,
Ветер суровый сплетает шатровые травы,
Цепкие детские руки отводит лукаво.

Сам прикоснется украдкой и прячется снова...
Только мгновение: дрогнут лиловые веки,
Тихо раскроются, тихо лучи принимая...
Долго живи, синеглазая... Нега лесная...
Видишь, как много на свете тепла золотого...

* * *

Знала светлоглазой и красивой,
С волосами, как плоды каштана...
Я ее любила... Но однажды
Голубь наделил ее крылами...
Как она ушла, вбирая небо!
Где ее найти за облаками...
Знала светлоглазой и красивой,
С волосами, как плоды каштана...

* * *

Поминальное блюдо, к которому я позвана,
Поминальное блюдо чужое и жертвенный хлеб.
И тяжелое масло... И тени вокруг...
И одна...

В ИКАЛТО

...И ранящая сердце тишина.
И только дятел в пестром оперенье
Просыпал дробь... Лесная глубина
Откликнулась и затвориться хочет...
Повисла мышь — возлюбленная ночи —
В тени камней. И полдень над землей...
Алаверды в долине Алазани
Царит, как осиянный столп небес!
И снова стук. И вздрагивает лес.
И чуткий ствол застыл перед глазами.
И снова стук...

* * *

О чинара, ушедшая ввысь величаво,
Пережившая бури над миром окрестным,
Облаченная тайной Халдеи и Тао,
Неделимым молчаньем земным и небесным.
В скольких душах любви ослепительной лава
Потечет, лишь сведет она брови надменно.

О чинара, ушедшая ввысь величаво,
О скала, недоступная ветру и грому...

* * *

Эти розы — шатер мой. Внутри —
Все дыхание майской земли,
Душ владенья и бликов лесных...
Вот фиалки — икона весны...

* * *

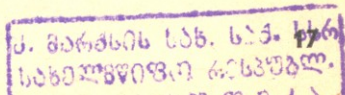
Я полагаю, реки рая
Светлей текущих предо мною.
Леса, прекрасному внимая,
Хранят блаженство неземное.
Там горный снег, цветы и птицы
Непостижимые... Послушай,
Я все же верю, что напиться
Вновь в Шуапхо вернутся души...

* * *

О, как ушел он необъяснимо,
Без дуновенья.
Как от поляны ирисов сонных
Вымысел лунный...

* * *

И неба сизая душа
Являет синие глубины..
По векам, скрипами дыша,
Стекают шорохи осины.
(О, сколько плакать за нее,
И верить дрожи увяданья?
Охватит счастья забытье,
Смогу ли удержать рыданья?..)
...И он приходит, этот час!..
Я взгляд его встречаю взглядом.
И почва отпускает нас,
И в небо мы уходим рядом.
И сквозь деревья, не спеша,
Бредем, счастливы и едины
Туда, где синие глубины
И неба сизая душа...

* * *

Только миг, и в дом ворвется тута!¹
Закружит, волос моих коснется.
Улыбнусь печальная чему-то.
В глубине небесного колодца.

Что за шепот, жаркий как простуда?
Отчего молчу, ему внимая?..
Входит древо цвета изумруда
И дрожит листва полунемая.

* * *

Памяти Галактиона Табидзе

Теплые крылья чуткого духа,
С тихой тревогой, плавно и глухо
Тронув цветущие сливы купины,
Всходят под небо вешней долины...
Следом — фиалки — око Бетани,
Ангел, несущий древний пергамен,
Роз колесницы, росы — лугами,
Чтобы присниться за облаками...
Бледные бусы дивного света
Вновь облакают землю поэта...
Вот и царица лунного рая!
Он возвратится! Правда, родная?
Ты отвечаешь. Отблеск твой странен...
Ангел сжимает теплый пергамен.
Свиток Вселенной полон цветами.
Близится небо. Тает Бетани...
Там, где пасутся синие кони,
Шепот нетленный в вечности тонет,
Тайно колеблет тень кипариса,
Долго плукает в стрельчатой кроне...

¹ Тута (груз.) — шелковица.

КАЛАНДАДЗЕ Анна Павловна.
Окончила ф-т востоковедения ТГУ.
Печататься начала с 1946 года.
Автор нескольких сборников на

грузинском и русском языках.
Стихи А. Каландадзе переведены
на многие языки народов СССР,
публикуются за рубежом.

ПОЛНО- ЛУНИЕ

Рассказ

ДОБРАВШИСЬ до альпийских лугов, я обрадовался, что вырвался наконец-то из плена лесов. Минуя петляющую стежку, вышли к скалистому откосу. Взмыленные лошади с облегчением выгибали шеи. Удивительный мир открывался глазам и сердцу.

Долина осталась далеко внизу. Смутно различались погруженные в теплое марево, затерявшиеся на дне ущелья деревни. Черепичные крыши утопали в зелени. Мы пересекли наискось пологий склон, обошли нагромождения камней и стали взбираться выше. Белые вершины и отсюда были далекими и дикими. Солнечный свет, отраженный их жемчужными гранями, слепил глаза. Казалось, что за хребтом открывается долина. Но и там громоздились высокие горы. Горы, горы, горы, а за ними—ледяные вершины...

— Вот он, наш лагерь! —заведующий фермой указал кнутовищем на равнину, выдвинутую, подобно лоджии, перед Ламазгорской возвышеннос-

Перевод Зураба
ДАРСАВЕЛИДЗЕ
и Георгия
БЕНДУКИДЗЕ

тью. По склону горы разбрелись овцы. Вверху, возле большого валуна, прислонившись к нему спиной, полулежал пастух. Заслоняя от солнца глаза ладонью, он смотрел на нас. Это—дядя Шакро, или, как его прозвали, Чонка. Он уже узнал нас и стал спускаться по склону, опираясь на палку. Встретил нас возле лагеря.

— Здорово, дядя Шакро!— кричит заведующий фермой и, быстро спешившись, протягивает Чонке руку.

— Здравствуйте!— отвечает пастух.

Я спрыгиваю с лошади, от усталости у меня подгибаются колени. С непривычки ноги онемели. Я ковыляю к Чонке и подаю ему руку. Он, не глядя на меня, нехотя протягивает старческую сухую руку. У него с заведующим фермой идет неторопливый деловой разговор.

Я снял с лошадей поклажу, разнуздал их и пустил пастись. Чонка и заведующий присели и долго делились новостями. Я внимательно слушал разговор.

Чонка несколько раз украдкой взглянул на меня, а затем, повернувшись ко мне, с интересом спросил:

— Ты ведь сын нашего Георгия?

Получив утвердительный ответ, он с досадой покачал головой, палкой ковырнул корень травы и тихо сказал:

— Мне простительно, сынок, даже своих детей не узнавать. Летом я в горах, зимой— в Шираки.

— Хороший парень, — вступил в разговор заведующий. — Привел его к тебе, чтобы обучил «овечьему» делу.

— В добрый час, — громко сказал Чонка. После некоторого молчания прибавил, чертя палкой: — Не пожалей того, что знаю... Посмотрим... было бы у него желание...

— Главное, сам хочет. Вырастет— будет надежная смена. Обучишь парня делу— его оставим здесь, а ты перейдешь на главную базу. В последнее время сыр не тот, что при тебе был, не хватает опытных рук.

— Эх, состарился я, сынок, ноги не те, глаза плохо видят.

— Что делать, дядя Шакро, война; детям и старикам приходится кормить страну. Прежде всего научи его лечить овец; молодой он, сметливый, быстро освоит.

Чонка испытующе посмотрел на меня, потом долго чертил палкой по земле, соображал.

— Чего не знаю — того не знаю, а что до овец, то этому делу я его обучу, — сказал он и опять еще более внимательно оглядел меня.

Много бед поджидает эти невинные создания. То мор их губит, то простуда, а то и со скал срываются, и бог его знает, что еще может с ними произойти. Больных овец переводят в отдельный лагерь, лечат, а затем возвращают в стадо.

Чонка еще долго чертил палкой по земле, на его обветренном лице блуждала улыбка, он искоса посмотрел на меня и вкрадчиво спросил:

— Это ведь ты навел нас в Шираки в позапрошлом году?

Меня бросило в жар. Говорит, будто внуков не узнает, а то, что было два года назад, помнит!

...Это было весной. Я узнал, что колхозная машина должна была отвезти пастухам кое-какие строительные материалы. Я давно мечтал побывать в Шираки, попросили водителя, и поехал.

У пастухов кипела работа. Они согнали годовалых баранов и обламывали им рога. Я сразу присоединился к пастухам, схватил кави¹, вошел в стадо и стал помогать. Когда снял рога с последнего, Чонка мне крикнул:

— Парень, заодноними и с того, холощеного!

Я обрадовался, что получил поручение. Подкравшись к барану, обеими руками вцепился в его кривые рога. Он замер, попятился назад, затем неожиданно двинулся на меня и повалил на землю. Я не хотел сдаваться. Тогда баран попытался удрать. Я изо всех сил вцепился в него, тряс, крутил рога, но разве смог бы я оторвать окаменевшие, заплывшие кольцами рога! Я долго с ним боролся, устал, испачкался в грязи, пот с меня лил градом. Пастухи собрались вокруг и веселились, глядя на нас. Я продолжал бороться с еще большим азартом. Но когда баран стал крутиться вокруг ме-

¹ Палка с крюком для ловли баранов.

ня, невольно разжал руки, и он убежал. Пастухи хохотали, держась за животы. Эта-то картина и всплыла сейчас в моей памяти.

Заведующий фермой вскоре ушел. Чонка прилегла поспать под кустом. Перегнав стадо на пологий склон, я поднялся на соседние холмы и оглядел окрестность.

Вечером я и Чонка пошли пригнать овец. Отара разбрелась по склонам, и надо было успеть собрать овец до темноты. Наконец мы собрали их и погнали по склону. По дороге Чонка знакомил меня с овцами, говорил об их болезнях и между прочим рассказывал о себе. Вспоминал к слову и прошлое.

— У этой ярочки в двух местах был перелом ноги, — указал он на овцу где-то в глубине отары. — Я по-нашему обвязал ей ногу, теперь скачет. Говорят, что хорошие лекари при переломе накладывают лубки. А кости, срастаясь, все равно трещат. Разве так сращивают перелом?

— Сколько времени требуется на лечение?

— А это, парень, смотря у кого. У ягненка кости срастаются быстро. От лекаря тоже зависит. Когда я лечу — через неделю поправляется. У того, красноухого, копыта погнили. Дня три-четыре, и он встанет на ноги... Я тебя всему научу. Ты слушай, поймешь — хорошо, не поймешь — вина не моя.

— А я смогу?

— Кто его знает! Иные быстро все схватывают, другим хоть кол на голове теши, все равно ума не прибавится.

Тем временем мы подошли к лагерю.

— Опять белого нет, — сердито проворчал он, оглядев отару.

Загон находился на склоне над лагерем. С одной стороны он был огорожен живой изгородью из кустарника, с наветренной стороны — плетнем, а с третьей — каменными глыбами. Одна из глыб была особенно большой: и десять человек вряд ли смогли бы обхватить ее руками. Пастухи называли ее «великан-глыба».

К лагерю ведут две тропинки. Одна спускается с горы и проходит рядом с «великаном-глыбой», вторая — вдоль холма, пересекает ручей и сливается с петляющей дорогой. В ручье — очень холодная вода. Перепрыгивая с камня на камень, изумрудная вода журчит,

пересекает тропинку и вдруг срывается в бездонную пропасть. Трава вокруг лагеря была объедена до корней. Местами росли кусты. Шагах в двадцати, в основании скалы, была пещера. У входа — следы костра.

Чонка вернулся с опозданием. С ворчанием он снял со спины овцу и втолкнул ее внутрь загона, затем задвинул плетень и подпер его жердью. Овцы стали ложиться. Чонка снял заплечный мешок и принялся готовить ужин.

— Справа, в ущелье, ведет тропинка, — сказал Чонка. — Пройди под скалой, и увидишь родник. Принеси воды.

Я взял кувшин и пошел по тропинке. Родник оказался не так уж и близко. Я с трудом спустился по тропинке. Наверх пришлось карабкаться на четвереньках. Я еле дышал. Чонка расправил усы, приложился к кувшину и пил воду с таким наслаждением, что я забыл об усталости.

Чонка разговорился. Сперва об овцах, потом вспомнил о сельских делах. Легли за полночь.

Чуть рассвело, Чонка был уже на ногах.

— Вставай, парень, пора к овцам, — сказал он мне и пошел к загону.

Я с трудом поднялся.

Вытащив из кожаных ножен свой операционный инструмент — старенький обоюдоострый ножик, Чонка обтер его о штанину и приступил к операции.

Я ловил овец, валил их у ворот загона и держал за ноги. Чонка добросовестно осматривал их, ставил диагноз и приступал к операции. Овцы рвались, брыкались.

— Остерегайся задних ног, — говорил Чонка, — если ударит — будет несладко.

Овца рвалась и блеяла. Слои за слоем стачивал он пораженное копыто и, вскрыв опухоль, стал выдавливать гной. Овца жалобно стонала.

— Хватит, жалко, — сказал я.

— Если не выпустить полностью испорченную кровь, копыто опять загноится.

Чонка долго возился с овцами. Потом мы открыли ворота и выпустили измученных животных из загона.

— Перегони их на склон, — сказал Чонка, — утром у овец нет аппетита, надо их вести на сочную траву. Цветочная трава — самая лучшая. Равнинная, может, и выше сортом, но не так полезна. Отведешь их туда после водопоя.

Овцы разбрелись по склону. Больных овец пасти трудно. Те, кто набрался сил, идут быстро. Больные потихоньку ковыляют. Некоторые ложатся тут же и нехотя щиплют траву вдоль тропинки. Нужно смотреть за каждой, чтоб не скатилась по склону, чтоб не промокла в лежке от росистой травы.

Пока я занимался стадом, Чонка уже успел прибраться.

— Теперь ты здесь будешь прибираться, — сказал он, — навоз в загоне нужно присыпать с утра, чтобы к вечеру подсохло. И всегда суши бурку на солнце, иначе она быстро испортится.

Окончив дела, мы поднялись на холм, согнали овец в кучу. К полудню овцы легли отдыхать. Мы тоже присели и разговорились.

— А ну-ка, парень, что с тем желтоухим? — спросил Чонка.

— Опухоль под копытом передней ноги.

— А как лечить?

— Сточить копыто и выдавить испорченную кровь, присыпать лекарством.

— А эту от чего мы лечили?

— Кажется, у нее копыто было раздроблено.

Чонка, довольный, улыбнулся:

— Мы с тобой как профессор и студент.

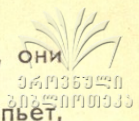
— Ты в своем деле и профессор и академик.

Чонка ответил комплиментом на комплимент:

— Из тебя выйдет толк, всего день тут, а уже отличаешь друг от друга овец. Пойди принеси мне холодной воды.

Воду из ручья он не пил, считая ее безвкусной, и даже если родниковая вода постоит минут десять, он и ее пить не будет.

В родниковой воде много солей, и камни у истока пожелтели от них. Вода журчит, выбиваясь из-под зем-

ли, и в ней танцуют красные крупинки. Крутясь, они оседают на дно.

Чонка сперва посмотрит в кувшин, потом выпьет, расправит усы и скажет: «Да здравствует твой исток, родник, особая в тебе сила, благодатный».

Однажды я принес из родника горсть желтого песка. Когда Чонка попросил воду, я взял кувшин и пошел к нашему ручью. Набрав в него воды, высыпал туда немного желтого песка. Когда пришло время возвращаться, я, тяжело дыша, прибежал к лагерю. Чонка по своему обыкновению посмотрел на песчинки и приставил кувшин ко рту. Вытерев усы, он, довольный, благословил исток родника:

— Совсем особый в тебе дар, благодатный!

По прошествии недели Чонка спросил:

— Что делать будем, парень, справишься без меня?

— А как ты думаешь?

— Если захочешь — сможешь. Я буду заходить к тебе. Если что понадобится, не ленись, спускайся ко мне.

Чонка собрал свои пожитки и приготовился уходить.

— Не уходи пока, — попросил я. Схватил кувшин и принес ему родниковой воды. Затем взвалил себе на спину его пожитки и проводил до ущелья.

Чонка скрылся с глаз, и меня сразу же охватило неприятное чувство одиночества. Я остался один у подножия молчаливых горных вершин. Тяжело, когда не с кем поговорить, посоветоваться. Остались только овцы... и мечты. Немного, правда, гордился: ну-ка, попробуйте провести в одиночестве долгие месяцы в этом безбрежном мире. К тому же целое стадо — серьезная работа. Но работы я не боялся. Издали она всегда кажется более трудной.

Вечером я загнал отару и лег, закутавшись в бурку. Но глаз сомкнуть не удалось. Овец что-то беспокоило. Некоторые искали удобное место, другим удалось выбраться из загона, и они тащились куда-то в темноту. Когда был рядом Чонка, я спал спокойно. А в ту ночь про-

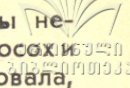
сыпался от каждого звука. Вставал, загонял обратно овец, поправлял ограду, укреплял колья. Далеко за полночь овцы снова завозились. Я заглянул в загон. Овцы повскакали, наострив уши и вытянув шеи, встревоженно вглядывались в темноту. Я ничего подозрительного не заметил. Довольно долго стоял, весь превратившись в слух. Глаза уже привыкли к темноте, но кроме камней и кустов я ничего не видел. Овцы стояли насторожившись.

Животные без причины не стали бы беспокоиться. От страха меня проняла дрожь. Предчувствие опасности парализовало меня. Хотелось крикнуть, но я почему-то не мог издать ни звука. Наконец я взял себя в руки и свистнул. Потом напряг слух, но подозрительных звуков не было слышно. Овцы тоже притихли.

Невольно вспомнился рассказ Чонки. Его дед в молодости тоже пас овец. Повадился в лагерь какой-то неведомый зверь. Каждую ночь крал овец. Удивительнее всего было, что овцы не пугались, как это бывает при приближении обыкновенного зверя. Не помогли и его знаменитые собаки. Они даже не лаяли. Пастух не спал ночами, обходил лагерь, но достаточно было отвести глаза от загона, как сразу, будто земля поглотила, исчезала овца. Как-то ночью собаки залаяли и бросились к ущелью. Пастух побежал за ними, но собаки, жалобно скуля и поджав хвосты, поползли обратно. Тогда пастух пробрался за загон и спрятался у скалы. И вдруг в лунном свете показался черт с овцой за спиной. Пастух замер от испуга, ноги будто приросли к земле. Черт спустился к ручью и скрылся за скалой. Вскоре он снова появился, ползком передвигаясь по утесу. Пастух собрался с духом и подстрелил его. Черт так и покатился в ущелье.

Всю ночь, боясь пошевелиться, простоял пастух. Черт не двигался, однако пастух не сводил с него глаз. Только на рассвете он осмелился подойти. На земле лежал голый человек. «Черт явился ко мне в человеческом облике», — уверял он после этого всех.

Овцы постепенно успокоились, разбрелись и легли головами к горе. Но страх не оставлял меня. Вдруг овцы разом зашевелились, я вскочил, схватил посох и пошел к загону. Прижимаясь к ограде, овцы толкались, фыркали. Несомненно они чуяли зверя. Преодолевая

страх, я закричал во все горло: «Э-ге-гей!». Горы несколько раз отозвались на мой крик. Я оперся о посох и ждал, что будет дальше. Опасность, кажется, миновала, но меня обуяло любопытство.

«Была бы собака, — думал я, — она быстро все разузнала бы».

Я смотрел на гору, ожидая появления зверя. Среди глыб мелькнула тень. Я стал вглядываться, но она не шевелилась. Наверно, показалось, или ветерок качнул куст. Ветра не было — значит, я обманывал себя. Природа затихла, а я глаз не мог оторвать от тени. Чем больше я вглядывался, тем больше она становилась похожей на человека.

«Наверно, мне это мерещится от усталости», — подумал я, протер глаза и снова уставился на тень.

Постепенно я убедился в том, что за глыбой кто-то прячется, какой-то человек в бурке. Волосы у меня встали дыбом, дрожь прошла по телу.

«Может быть, это сон», — подумал я и провел рукой по лицу. Нет, это не сон, передо мной и в самом деле кто-то стоял. Сердце колотилось где-то в горле. Я не знал, что предпринять. Тень зашевелилась. Овцы дрожали. Послышался протяжный свист. Я обмер, только сердце громко стучало. Свист повторился. Овцы, смешавшись, кинулись на ограду. Тень медленно двинулась вперед, что-то бурча, будто собирая овец на соль. Сжав в руке кави, я собрался с силами и не своим голосом закричал:

— Кто там?

Тень остановилась и затихла.

Однажды нарушив молчание, я смог и повесить голос:

— Ты что, не слышишь, что ли? — стукнул кави о глыбу и пошел вперед. Тень повернулась, опустилась на четвереньки и спокойно стала карабкаться по склону.

— Проваливай отсюда, косолапый, — крикнул я, осмелев, и, нащупав под ногой камни, стал бросать ему вслед. Постепенно успокаиваясь, я уже праздновал победу и грозил медведю:

— Появись только здесь, проломлю тебе голову, так и знай!

Медведь скрылся за горой. Я повернулся к заго-
ну. Расширенными от ужаса глазами овцы выглядывали
из-за прутьев ограды.

УДК 37.000.00
302.001.003.00

— Собака нужна обязательно! — вслух сказал я. —
Была бы собака, он бы и ногой сюда не ступил.

Утром, управившись с делами, я ходил в сосед-
ний лагерь и привел оттуда собаку. Ботвера, так звали
пса, был величиной с теленка, на ошейнике у него были
длинные стальные зубцы, чтобы зверь не смог схватить
его за горло. Хвост его был острижен лесенкой и на
конце торчал пучок волос. Это придавало ему смешной
вид. Что поделаешь, у собаки чутье ослабнет, если она
будет прикрывать пышным хвостом свой нос. У Ботве-
ры умный взгляд. Только взглянет мне в глаза и чув-
ствует, что мне нужно. Он очень любит, когда с ним
разговаривают, скулит или громко лает в ответ.

Отара перевалила через гребень холма и спуска-
лась по северному склону. Северные склоны почему-то
притягивают всех животных, и это непонятно. Находить-
ся же на северной стороне, тем более для овец, вред-
но. Солнечные лучи их закаляют, раны быстро затяги-
ваются.

К ужину ко мне спустился пастух из лагеря, где на-
ходятся ягнята. В хурджине¹ у него лежал козленок и
поглядывал вокруг грустными черными глазами.

— Где Чонка? — спросил пастух.

— Его здесь не будет больше.

— Что же делать? У козленка сломана нога.

— Давай его сюда!

— А Чонку я не смогу увидеть?

— Увидишь в главном лагере. Давай козленка.

Пастух, ни слова не говоря, осторожно вытащил за
рога козленка из хурджина. Черноглазый замекал и по-
пробовал убежать. Камнем ему раздробило сустав зад-
ней ноги, пастух просто обвязал ее. Я снял тряпки. Ко-
пыто держалось только на сухожилиях и коже. Козле-
нок жалобно блеял, пытаясь вырваться. Пастух держал
козленка, временами недоверчиво поглядывая на меня.
Я старательно выправил кость, наложил шину. Козленок
жалобно стонал. Когда мы отпустили его, он быстро
вскочил, пробежав несколько шагов вскачь, огляделся

¹ Заплечный мешок, состоящий из двух частей.

и начал щипать траву. Больная нога, на которую он боялся ступить, от усталости дрожала. Потом козленок медленно опустил ногу на кончик копыта. У меня отлегло от сердца.

— Через неделю все забудет! — уверенно сказал я. Пастух, видно, поверил и вскоре уехал, забрав вместо козленка двух окрепших ягнят. Козленок далеко не уходил. Он без аппетита щипал траву, жалобно блеял. Мне захотелось приласкать его. Я осторожно подошел и предложил ему кусок хлеба. Он недоверчиво посмотрел на меня и собрался было бежать. Я не шевелился, чтобы не пугать его. Козленок почувствовал запах хлеба и приблизился ко мне. Хлеб ему понравился. Он сразу забыл страх и позволил погладить себя по голове.

В сумерки овцы уже были в загоне, и мы с Ботверой принялись за ужин. Можно было не беспокоиться: Ботвера был рядом.

Ночью я проснулся от громкого лая Ботверы. Овцы фыркали, возбужденно косились на гору. Определенно, это опять был медведь. Науськав Ботверу, я побежал следом за ним. Возле «великана-глыбы» пес остановился и стал с яростью кидаться на кого-то. Я взбежал по склону. Медведь, поднявшись на задние лапы, шел на нас. Ботвера с яростным лаем пятился от него. Медведь шел медленно, но уверенно. Держась позади, я размахивал кави, громко кричал, подбадривая собаку. Оглядываясь на меня, собака сделала несколько шагов вперед. Зверь медленно приближался к нам. Вдруг он бросился на Ботверу и попытался ударить его лапой. Ботвера отпрыгнул и забежал было со спины. Медведь сел на задние лапы и, поворачиваясь во все стороны, отбивался передними. Ботвера отчаянно лаял, медведь приходил все в большую ярость. И вдруг он стал загребать камни и комья земли и швырять их в собаку. Я кричал во весь голос, размахивая кави, но медведь не обращал на меня внимания. Ботвера отступал от него. Медведю все же удалось достать Ботверу лапой. Визжа от боли и прихрамывая, Ботвера подбежал ко мне. Я почти почувствовал в плече ту боль, кото-

рую он испытывал. Мы уже собирались отступить, но вдруг медведь повернулся и стал карабкаться вверх по склону. Ботвера провожал его победным лаем. В лагерь он возвращался хромая, не мог ступить на правую лапу. В ответ на мои благодарные слова он скулил и махал хвостом. Все никак не мог успокоиться и потом, подняв морду к небу, завыл.

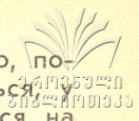
Лагерь затих поздно. Ботвера держал ухо востро. Ловил любой шорох, вскакивал, лаял, часто-часто принюхивался. Мы улеглись у огня. Ботвера во сне поскуливал. Видимо, ему снился медведь. Я подстелил ему войлок, но он не посмел лечь на него и прилег рядом. Я силком уложил пса на подстилку, приговаривая, что он заслужил это. Наконец все успокоилось. Вокруг было тихо. Вдруг за полночь Ботвера снова залаял и побежал к ущелью. Схватив кави, я побежал за собакой. Ботвера стоял у подножия скалы. Он явно трусил. Я стал подбадривать его, но в лае собаки чувствовалась неуверенность. Поджав хвост, он пятился. Медведь появился бесшумно и уверенно пошел к нашему загону, легко перелез через плетень и метнулся к овцам. Перебив одной из них хребет лапой и оглушив ударом по голове, он схватил ее за загривок, легко перемахнул через ограду и ушел к ущелью.

Я кричал, бросал ему вслед камни. Ботвера, прихрамывая, бегал вокруг, но медведь даже не взглянул в нашу сторону. Только изредка глухо рычал. В отчаянии я бросился за ним. Медведя уже не было видно. Откуда-то из глубины ущелья доносился глухой шорох. Скоро затихли и эти звуки. Я не знал, на что решиться. Уверенность в себе, в собаке исчезла.

— Что это... Что он со мной сделал? — повторял я вслух. — Что скажут люди? Ведь на смех поднимут.

Я представил себе Чонку. Опустив глаза, он насмешливо улыбнется, потом скажет: «Нет, парень, толку из тебя не будет...»

Пошатываясь от горя, я пошел к костру, устало повалился на бурку и закрыл глаза. Перед глазами появился медведь с кривыми лапами, непомерно большой головой, маленькими глазками, со свалывшейся на зад у шерстью. Закончилось все это первой встречей — было бы о чем рассказать Лии. Как с Ботверой встретили медведя и как он ушел ни с чем. Интересно, что

она скажет, если ей рассказать правду? Наверно, посмеется. Когда я подумал, как она будет смеяться у меня невольно запылало лицо. Сейчас я сердился на нее тоже. Никто не знает, как коварен медведь. Хотя, может быть, она поймет меня, посочувствует. Но во всяком случае для рассказов эта история не годится. Если бы мать узнала об этом, не позволила бы от дому и шагу ступить, посох отняла бы и бурку. Теперь учись или дома сиди. Ей и так никогда не нравилась моя мечта стать пастухом. А ведь была война. Мужчин не было. Села опустели и затихли. Женщины обрабатывали поля и виноградники. А мы, парни, пасли скот. Целые дни проводили в лесах. Лишь по вечерам в деревне становилось шумно. Раздавалось мычание коров и блеяние овец. В сумерках во дворах загорались костры. Женщины ставили на огонь закопченные котелки. В этом огне была жизнь, надежда, которую может понять только голодный человек. Потом, падая с ног от усталости, приходила мама. Ставила мотыгу у входа. Иногда у нее не было сил развести огонь. Она вытаскивала из сумки хлеб и, разломив пополам, делила одну половинку между нами — нас было пять человек детей, а другую оставляла на утро. Мы уговаривали ее тоже поесть. Она уверяла, что уже ела. Мы говорили, что не будем есть, если она не поест с нами. И она соглашалась отщипнуть немного хлеба от нашей доли.

На рассвете в селе поднимался шум. Мы, парни, гнали стадо на пастбище. Дядя моего друга Гурама был старшим в лагере. Когда они ставили лагерь близ деревни, мы были у них частыми гостями. Оставив телят пастись возле лагеря, мы помогали пастухам. Начиналась дойка овец. Парное молоко только соберутся переливать в бидоны, а нас уже мучит голод. Дядя Миша ставил большой чан на огонь и начинал готовить сыр. Одновременно он прибирал в лагере, успевал заниматься по хозяйству. Нам казалось, что он делает все очень медленно. Наконец он вынимал глиня-

ные миски, и мы оживлялись, в нетерпении глотая слюнки. Он мыл миски и раскладывал в них далама². Миски мгновенно пустели.

Мы все завидовали дяде Мише. Ведь он мог есть далама сколько угодно, хотя мы почему-то этого никогда не видели.

«Да не беспокойте вы пастухов», — часто ворчала мама. Она думала, что меня тянет к ним голод.

Интересно, встречал ли дядя Миша медведя? Я вспомнил медведя, и у меня снова испортилось настроение. Во всем был виноват я сам. С тех пор как Чонка ушел, я ни разу не разжигал огня ночью. Зверь боится огня, и я злился на свою беспечность.

Утром я выгнал овец пастись, потом пошел в лес и заготовил дров. В тот же день перетаскал две связки. В полдень пошел за стадом. Ботвера, увидев меня, обрадовался, вскочил, махая хвостом. Я приласкал его. Он, прихрамывая, бежал за мной по тропинке. Мы погнали овец к воде. Козленок поздно увидел, что мы уходим. Он долго догонял нас, блеял, наконец, семеня ножками, прибежал ко мне.

— Давай назовем эту егозу Беко, — сказал я Ботвере.

Ботвера шевельнул хвостом.

Медведь сыт и сегодня не придет. Нападения нужно было ожидать дня через три-четыре. Честно говоря, я сомневался, что огонь может отпугнуть медведя. Поэтому искал другие средства обороны. Воткнув за глыбой в землю палки крест-накрест, я натянул на них свою телогрейку так, что получилось пугало. А вместо головы одел ведро и повесил в нем камень, наподобие языка и колокола. Я дернул за шнур, и ведро глухо загремело. Ботвера с лаем кинулся к глыбе. Овцы испугались. Я остался доволен своей выдумкой.

Утром пришел Чонка, пригнал овец. Взяв в руки посох, я отправился встречать его подальше от лагеря. Не хотелось, чтоб он раньше времени увидел мое пугало и обо всем догадался.

— Как дела, парень?

— А как по-вашему? — ответил я вопросом на вопрос и перевел взгляд на овец.

² Далама — овечий творог.

Он посмотрел на овец, обошел их и осмотрел каждую.

საქართველოს
ხალხთა ეროვნული
ბიბლიოთეკა

Сняв с себя хурджин, сел и развязал его:

— Это хинкали мясные, это творожные, вот хаш-лама, пальчики оближешь.

— Ты приготовил?

— А ты думал, невеста приготовила? Если б мне такие разносолы в лес приносили, из меня не овечий лекарь вышел бы, а колдун.

Я принес ему родниковую воду и пригласил к завтраку. Вода ему понравилась, но завтракать он не захотел.

— Трудно было? — спросил он после некоторого молчания.

Я чуть не рассказал ему все, но в последний момент уклонился от ответа.

— Что нового в селе... не знаешь?

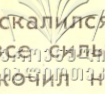
— Как не знать. Одна девушка велела передать: не могу, мол, без него, пусть приедет или пусть возьмет меня с собой. — Губы у него растянулись в улыбку, и он хитро спросил: — Что ей передать?

Что Чонка врет, это было ясно, но сердце все равно забилося. Я бы продолжил разговор, но Чонка тут же отвлекся, глаза его смотрели на овец.

Выздоровевших овец мы отделили, и Чонка погнал их вниз.

В сумерки я развел костер, лег на бурку... и погрузился в сон.

...На опушке леса появилась Лия. Я протянул ей букет цветов. Она смущенно улыбалась. Мы пили родниковую воду, бежали вниз по склону, держась за руки, сидели друг против друга у костра. Она покраснела от огня. В это время появился мой медведь. Он не боялся огня. Он прыгнул в загон и схватил овцу. Я не мог пошевелиться. Лия протянула мне ружье. «Быстрее, — кричала она, — стреляй». Я нажал на курок, но ружье не выстрелило. Я рвал курок, но мед-

ведь уходил невредимый. Он нес овцу и скалился. Увидев ружье, он повернул к нам. Я собрал все силы, замахнулся на него ружьем и с криком вскочил на ноги...

В лагере царил тишина. Ботвера тоже вскочил. Он глухо ворчал. Костер едва горел. Я пошел к загону взглянуть на овец. Темно. Тихо. Я казался себе очень маленьким среди молчаливых гор. Хотелось бежать куда-нибудь, нарушить это одиночество. Послышалось глухое жужжание, может быть ворчание, мне казалось, что этот звук усиливается и приближается. Вот-вот загрохочет, горы взорвутся, зашевелются, но они стояли и молчали. Из ущелий доносился грохот водопадов. Звук то затихал, то усиливался благодаря ветру. Горы безжалостно молчали.

— Э-ге-гей! — закричал я изо всех сил.

Ночь прошла благополучно. Утром я приступил к лечению овец. Не будь медведя, дела мои были бы хороши. Я умылся в ручье и позавтракал. Беко подошел ко мне. Нога его поправилась, но он по привычке все еще опасался ступить на нее.

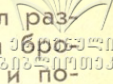
К заходу солнца мы вернулись в лагерь. Беко не отходил от меня. Я уже знал, что он не отстанет, пока ему не почешешь вокруг рожек. Я посадил его на колени и почесал ему лобик. Он этого и хотел. Потом я поправил ему лубки на больной ноге.

Разжег костер, прилег.

Услышал сквозь сон, как заволновались овцы, лаяла Ботвера. Я вскочил и начал ворошить костер. Во все стороны полетели искры. Ботвера, пятясь назад, отступил к загону. Я крутил над головой выхваченной из костра головешкой, загремел ведром на пугале. Медведь повернул назад. Ботвера обрадовался, побежал следом за ним. Возвращаясь, он часто останавливался, поворачивался и лаял. Он был очень доволен собой.

Но я чувствовал, что от медведя так просто не избавиться.

— Отстань, косолапый! — просил я. — Разве не хватит тебе одной овцы! Я признаю твою силу. Давай забудем прошлое. У меня нет к тебе ненависти. Я не хочу ненавидеть тебя. Живи так, как живут твои сородичи. В лесу всегда много вкусных ягод и корней.

Вскоре медведь возвратился. Вскочив, я стал размахивать головешкой. С ревом, оскалив зубы, он бросился на меня. Я отпрянул. Медведь отвернулся и полез в загон. Удар лапы, обреченный крик овцы. Медведь медленно уходил, волоча за собой овцу. Я схватил камень и запустил ему вслед. Медведь обернулся и насмешливо посмотрел на меня. Вскоре он скрылся с глаз.

Я долго не мог прийти в себя. Глаза болели и слезились. Наконец я понял, что это дым от костра, и плюнул в него с отвращением: «Ты тоже ничего не стоишь». Потом, сильно дернув за веревку, поломал пугало.

«Разве можно было что-то сделать, — оправдывался я сам перед собой. — Если бы я не отступил, медведь убил бы меня. Кто бы рискнул остаться лицом к лицу с разъяренным зверем?».

«Медведь не у всех уводит овец, — говорил мне другой голос. — Ты слаб, он тебя победил».

Может быть, перенести в другое место лагерь? Но из-за медведя еще никто не переносил лагерь. Я долго думал, как мне быть, и решил остаться.

За этими мыслями меня застал рассвет. В небе показался беркут. Он долго кружил над ущельем. Вскоре к нему присоединились и другие. Чонка говорил, что беркуты — друзья пастухов. Они находят останки сорвавшейся со скалы или убитой зверем овцы. Беркут никогда не нападет на ягненка, оставшего от стада, не выключает ему глаза.

Когда я добрался до места, где валялись останки несчастной овцы, пир был в полном разгаре. Не обошлось и без драки. Медведь так освеживал овцу, что иной пастух позавидует. Я постоял немного, посмотрел и пошел напрямик через заросли. Кругом было полно птиц. С громким чириканьем они прыгали на ветвях. Заросли были густые, идти становилось все труднее. Я встретил несколько поломанных кустов — след, оставленный моим медведем. Встреть я его сейчас, я бы не имел возможности даже замахнуться на него кави. Чтобы подбодрить себя, я громко свистел, кашлял, разговаривал с собакой, которая оста-

лась со стадом. Тут я услышал какой-то шорох и взглянул направо. В нескольких шагах от меня лежал медведь и спокойно глядел на меня своими круглыми глазами. Волосы у меня встали дыбом. Он мог броситься на меня в любую минуту, однако почему-то лежал неподвижно. Отступая назад, я запутался левой ногой в колючих кустах, колючки не отпускали меня, выпутываясь, я рванулся и упал. Он и тут не пошевелился. Продираясь сквозь заросли, я уходил в сторону лагеря. Брюки были порваны, руки и ноги ободраны, но об этом я уже не думал. «Мой» это был медведь или нет, но я был побежден в третий раз. Он даже не пошевелился — победил одним взглядом, не разжигая костра, не крича во все горло, не изобретая пугала.

В мое отсутствие овцы выбрались из загона. Бек как предводитель вышагивал впереди. Конечно, это он был виноват во всем. Наказав Ботвере пасти овец, я отправился к Чонке. Кроме Чонки в лагере было еще пятеро. Я выждал, пока Чонка остался один, и подошел к нему.

— Как дела, парень?

Я поздоровался и, не зная, как начать, стал греть руки у костра. Чонка ни о чем не спрашивал. Я молчал, боясь расплакаться. Чонка изредка на меня поглядывал.

— Без надобности ты бы не спустился, парень! — наконец сказал он.

— Ружье нужно, — сказал я, глядя в огонь.

— Для чего?

— Медведь повадился и...

— Унес что-нибудь?

— Унес.

Чонка поставил табла¹ и пригласил меня поесть. Спросил, что буду пить.

Я разломил шотиспури² и запил кахетинским.

— Занимайся своим делом. Вечером пришлю охотника. Он поглядит.

— Мне никто не нужен, — сказал я настойчиво, — дай мне ружье.

¹ Табла — низкий столик.

² Шотиспури — грузинский хлеб.

Он поднял рог, произнес тост за горы и долины и покати́л пустой рог по табла. Поправил усы и **сказал** раздельно:

— Парень, если ты его ранишь, он тебя не пощадит. Много охотников на совести у медведя. Говорю тебе, отступись.

— Тогда не быть мне пастухом.

— Сам решил убить?

— Нет, убивать не думал.

— Хорошо, сынок, тогда стрельни в воздух — отстанет.

Я пообещал, взял ружье и пошел обратно в лагерь. У меня и в мыслях не было убивать медведя, мне важно было победить.

Беко издали увидел меня и засеменял навстречу. Нога его зажила, и я скоро верну его в стадо. Но скучно будет без него.

Первым долгом я пересчитал отару.

— Скоро ты увидишь что-то интересное, — сказал я на ухо Ботвере. — Теперь наш черед его попугать. Удирать будет так, что не догонишь.

Пес смотрел на меня с удивлением. Тогда я снял с себя ружье и, чтоб он понял, закричал: бах-бах. Он сочувственно вильнул хвостом.

Вечером я погнал овец к лагерю. По дороге встретил Пажо. Он брел вразвалку. Двустволка висела у него на плече. Патронташ обвивал пояс. Пажо — молодой пастух. Чуть заикается. Он считался хорошим пастухом и охотником. Я сразу понял, что его прислал Чонка.

— Гостя примете?

— Почему же нет.

Я хотел, чтобы Пажо сам завел разговор о медведе, но, как видно, Чонка предупредил его. Говорили только об овцах.

— Где ты был, Пажо? — спросил я.

— Охотился, думал развлечься.

— А здесь как очутился? Пажо, я знаю, зачем ты здесь. За своими овцами я сам присмотрю. Иди обратно в лагерь.

Пажо заколебался, но возражать не стал. Вскоре он ушел.

Ночью я почти не спал. Об опасности помнил в сне.

Я проснулся, когда уже светало. Целый день не мог найти себе места. И на свирели играл, и пел, и на родник ходил. Но страх портил настроение. Не подбодрили меня и стихи Важа¹.

Вечером я пораньше загнал в загон овец. Беко это не понравилось. Он прискакал ко мне. Меня удивило, что он все еще хромает. Сняв шины, я помассировал ему ногу, почесал вокруг рожек. Он ласкался ко мне.

— Глупенький, ешь побольше соли. Что ты все время за мной бегаешь. Посмотри на других, — я протянул ему на ладони соль. Сперва ему не понравилось. Потом он стал жадно лизать. Его язык щекотал мне ладонь.

Я вымыл посуду и сел ужинать. Беко обошел меня сбоку и начал бодаться. Вдалеке слышались раскаты грома. Сверкнула молния. Посыпался частый дождь. Я отвел Беко в загон и укутался в бурку.

Дождь шел весь вечер. Все покрыл туман. Мне было беспокойно. Я мечтал, чтобы туман рассеялся до «его» прихода. Поднялся ветер, и туман рассеялся. Показалось чистое небо. Над горными вершинами повисла луна. Медведь не появлялся. Видимо, он предчувствовал беду.

Сегодня полнолуние.

Луна будет свидетелем нашего поединка. Я поднимусь на «великан-глыбу». Ружье будет наготове. Я посмотрю ему в глаза так, как он смотрел на меня из зарослей. Он должен испугаться моего спокойствия, а не ружья. Ружье будет в противовес его челюстям и клыкам.

Забеспокоились овцы, залаял Ботвера. Я сбросил бурку и зарядил ружье.

— Э-гей! Пришел? Я знал, что ты придешь.

Медведь направлялся к лагерю. Ботвера пятился назад. Оглядываясь на меня, он беспрерывно лаял и ждал поддержки. Послышался глухой свист. Медведь шел не останавливаясь. Я нащупал курок. Игра лунно-

¹ Важа Пшавела.

го света на стволе ружья успокоила меня. Время тянулось бесконечно медленно. Я чувствовал, что он рядом, но не видел его. И вдруг испугался внезапного падения. Медведь нападает так стремительно, что даже лошадь не всегда убежит от него. Я даже не успею выстрелить.

— Ты ведь мужчина, — твердил я себе, но ничего не мог с собой поделать.

«Жаль, что Пажо не остался», — мелькнула мысль.

Из лагеря донесся шум. Я обернулся, но ничего не увидел в темноте. Шум повторился. Медведь не мог пройти незаметно. Я испугался: а вдруг медведь пришел с подмогой? Опасность поджидала меня всюду. Собака лаяла в сторону, откуда должен был появиться медведь. Было ясно, что медведь за «великанглыбой». Луна вышла из-за облаков, и это подбодрило меня. На хижину вдруг посыпался град камней. И тут я понял, в чем дело: медведь не заметил меня, он бросал камни, чтобы я себя обнаружил. Ботвера залаял еще громче. Овцы жалобно блеяли. Я напряженно ждал появления медведя. Он все не появлялся. Вдруг слева мелькнула какая-то тень, покатился камень. Шум в загоне усилился. И я услышал душераздирающий крик козленка. Я бросился к загону. Медведь волочил за горло Беко. Вот он легко перемахнул через ограду.

Я встал у него на пути. Про ружье я забыл.

— Отпусти его! — крикнул я.

Чувства страха как не бывало. Я был готов руками вцепиться в него, лишь бы спасти Беко. Глядя на меня, разъярился и Ботвера. Он набросился на медведя сзади, кусая за лапы. Медведь бросил Беко и попытался лапой достать Ботверу. Ботвера отступил. Воспользовавшись этим, медведь подхватил козленка и побежал. Мы бежали следом. Я бросил в него камень. Медведь обернулся и пошел на меня. Ботвера заставил его повернуться к себе. Я замахнулся на него ружьем, но медведь ударил меня лапой по плечу. Я упал и покатился, плечо горело огнем.

Собака, повизгивая, укрылась за глыбой. Я кинулся к ружью. Огонь грянул из обоих стволов. Пуля по-

пала медведю в бок. Грохот, казалось, всколыхнул горы. Медведь отпрянул и глухо зарычал. И вдруг он с ревом бросился на меня, но остановился при виде поднятого ружья. Он был побежден. Из стволов поднимался дымок. Мне показалось, что даже руки у меня в крови. Ботвера лаял и кидался на зверя, но медведь уже не обращал на него внимания. Пятясь, он скрылся в темноте.

Горы успокоились. В лагере было тихо. Из ущелий доносился шум водопадов.

— Э-ге-гей! — раздался голос Чонки.

Послышались выстрелы.

Я молчал. Чонку обеспокоило мое молчание. Его голос выдавал волнение:

— Где ты, парень?

— Здесь я, здесь!

Горы подхватили наши голоса, многократно их повторяя.

САМХАРАУЛИ Соломон Иванович. Род. в 1935 г. Закончил механико-машиностроительный ф-тет ГПИ. Работает заместителем директора бюро пропаганды художественной литературы при Сою-

зе писателей Грузии. В 1981 году вышел сборник его рассказов «Вот и я!». Его рассказы неоднократно премировались на различных конкурсах.

Мое детство ускакало,
на меня не оглянувшись,
на моем велосипеде
из открытого окна.
Никогда я не узнаю,
где же мчится безоглядно,
по каким летит дорогам
трехколесная пора.

СНЕГ

Я приду после полночи, к свету,
притаюсь возле каждой стены,
чтобы утром дивились все снегу,
неожиданности белизны.

Поднимусь и легко и привольно,
осторожно начну я парить,
чтоб земле вдруг не стало больно,
чтобы города не разбудить.

Не вспугну его сон прихотливый
и к земле в тишине припаду,
полный нежности, а не силы,
я в твой город тихонько войду.

Ты проснешься от светлого света,
с изумлением раму толкнешь:
белый двор, белый мир — и все это
просто снегом сама назовешь.

На невинном снегу бело-синем
ищешь детские ты письма.
На меня взор задумчивый кинешь —
отпечатает знаки весна.

Не расспрашивай, что я и кто я,
ты узнай меня в городе днем.
Пусть мороз все скует и накроет —
я один буду полон теплом.

Долой любовь!
 Возвысьтесь над страстями:
 любовь — лишь путь,
 и крут ее подъем.
 А мы — глупцы,
 любовь рождается с нами —
 любовью живы,
 для любви живем.

КОШКА

Забыто все, но теплится во мне
 вид комнаты, где в тишине простора
 висит одно творение Моне —
 изменчив свет Руанского собора.

Резвился март ребячливо, легко,
 качал, терзал весеннее оконце.
 Там на кровати — красное пальто,
 и зеркало ломало блики солнца.

Я комнате — привычное: «Впусти» —
 и комната меня своим считала.
 Мне было трудно от тебя уйти:
 шаги вели — душа моя плутала.

Так и живу, нисколько не скорбя,
 что никогда в глаза твои не гляну.
 Прости меня, я помню не тебя,
 а комнату... Обманывать не стану.

НАЦВЛИШВИЛИ Паата Тей-
 муразович. Род. в 1952 г. Окон-
 чил отделение журналистики ГГУ.
 Автор книги очерков «Бумажный
 журавлик». Публикуется с 1971

года. В издательстве «Мерани»
 готовится к изданию первый сбор-
 ник его стихов «Продолжение лю-
 бви». Стихи П. Нацвлишвили пе-
 реведены на русский и многие
 языки народов СССР.

Вечер слоню подошел толстокожим,
 город примял, ничего не щадя.
 Облако холоду на лоб положит, —
 город глотает лекарство дождя.

Там, за домами, Мтацминда тонет,
 небу уставшему края нет.
 Серых деревьев трепещут ладони —
 ветками лунный молотят свет.

Хочется слова, как будто впервые.
 Что ж, телефон, онемело молчишь?
 А на экране цветы полевые
 маленькой девочке носит малыш.

Где-то веселье гуляет, наверно...
 Ночь моя всходит — то день голубой.
 Вечер, как слон, несуразный, безмерный,
 трется боками о город мой.

ХРОНИКА

ГРУЗИИ ПОСВЯЩАЕТСЯ

ВЫШЕЛ в свет седьмой номер журнала «Пуналиппу» — органа Союза писателей Карельской АССР, который посвящен Грузии.

В журнале представлены стихи грузинских поэтов Р.

Маргиани, Ш. Зоидзе, З. Кухианидзе и Т. Бадзага, очерк И. Месхи о Грузии, интервью с лауреатом Ленинской премии, писателем Н. Думбадзе.

Журнал богато иллюстрирован фотографиями, рассказывающими о прошлом и настоящем республики.

Джемал ТОПУРИДЗЕ

РАССКАЗЫ

Перевод
Александра
ЗЛАТКИНА

МУЖЧИНА
ՀԱՅԳԵՅՈՒՄ
ՅՈՋԱՊՐԻՈՅՅՅ

КТО-ТО забарабанил в дверь. Датуна в темноте широко раскрыл глаза. «Наверное, он», — от этой мысли сердце забилось быстрее.

— Кто там? — спросила женщина.

— Кто еще может быть, — слышался осипший мужской голос.

«Он», — подумал Датуна и от страха сунул голову под одеяло.

— Оставь меня в покое, Шукрия.

— Отопри, мне нужно кое-что тебе сказать.

— Говорить днем надо, испорченный ты человек, убирайся отсюда.

— Молодая женщина встала с постели.

«Если бы отец был здесь, он не посмел бы прийти», — подумал Датуна.

— Ты же знаешь, Шукрия, я не открою. Никому не говорю, что ты сюда ходишь, не хочу, чтобы у тебя неприятности были, так отстань, оставь нас в покое, — Датунина мать уже стояла у двери и оттуда упрасивала пришедшего.

— Э, птичка, открой мне, скажу тебе кое-что,

а потом хоть убивай меня, если хочешь.

— Говори оттуда, — женщина плакала, в одеяло.

— Тут холодно, птичка.

«Убивай, если хочешь», — когда он произнес эти слова, у Датуны словно что-то вспыхнуло в голове. Он выглянул из-под одеяла, потом спустил ноги на пол.

— Уходи, Шукрия, умоляю, неужели у тебя сестры нет, бессовестный? — взмолилась женщина.

— При чем здесь сестра. Я тебя люблю. Открывай, а не то высажу дверь.

Датуна так подкрался к висевшему на стене ружью, что мать, которая стояла у двери, ничего не услышала. Он снял ружье, снова лег в постель; с трудом, еле-еле отодвинув затвор, пальцем нащупал пую, затем положил указательный палец на курок, на правил ружье на дверь и замер.

— Уходи, Шукрия, ради бога, уходи, — женщина опустила на колени перед дверью...

Дошатая дверь дрогнула под ударом ноги. Датуна оробел и убрал палец со спуска. В дверь снова ударили ногой. Женщина оглянулась на ребенка и сказала: «Не бойся, маленький, это дядя Шукрия».

«Был бы отец, этот не пришел бы сюда», — хотел сказать Датуна, но не смог издать ни звука.

Женщина взглянула на стену, туда, где должно было висеть ружье; не найдя его, она начала тревожно оглядываться по сторонам, и Датуна опять осторожно потянулся к курку.

— Где ружье, сыночек? — тихо спросила мать.

Он не ответил. Даже если бы он и захотел что-нибудь сказать, страх помешал бы ему вымолвить слово.

Дверь снова затряслась, и в комнату вломился огромный мужчина. Женщина закричала, верзила кинулся к ней. Датуна зажмурился и нажал на курок.

Звук выстрела и вой раненого он услышал одновременно.

Падал снег, он покрывал крыши деревни, и за снеженные крыши сверкали на солнце. Поднимающийся из труб дымок понемногу таял в воздухе.

— Входи, уважаемый Шалва, чего ж у калитки-то стоять, — приглашала гостя женщина с черной повязкой на лбу.

— Вы давеча выстрел слышали? Не знаешь ли, в чем дело?

— Еще бы не слышать, родненький, — усмехнулась женщина с повязкой. — Шукрия ворвался к Ладушиной Цице, мол, хочешь не хочешь, давай... — ухмыльнулась женщина.

— Э, послушай, скажи толком, не тяни.

— Я говорю, уважаемый Шалва, он ворвался, а Ладушин Датуна выстрелил из ружья, и я очень извиняюсь, но не моя вина, он попал ему прямо в задницу, и тот так орал, что все село переполошил.

Мужчина хлопнул себя по колену, и оба долго смеялись.

— А что еще оставалось делать Ладушиному парню! Молодчина он, молодчина, — повторял мужчина, и губы его прыгали от смеха.

Датуна с матерью жили в маленьком домике на окраине села. Когда раздался выстрел, в деревне оказалось всего двое мужчин, они выбежали во двор и, услышав от воющего Шукрии брань в адрес матери и сына, направились туда, узнали, в чем дело, и всю ночь провели, утешая и успокаивая оставшуюся без хозяина семью. На рассвете Датуна уснул, и ему приснился отец. На нем была та самая кожаная куртка, что так нравилась Датуне; он держал Датуну на руках, подбрасывал его вверх, ловил, а мальчик хохотал и спрашивал: «Как же так, говорили, что ты ТАМ?»

Открыв глаза, Датуна первым делом увидел мать, она сидела у его постели и улыбалась. На стуле сидел дядя Валенти и тоже улыбался.

— Он умер? — спросил Датуна.

— Нет, браток, только зад поранил. Его так просто не убьешь, — усмехнулся Валенти. — Но он вас больше не потревожит.

— Одевайся, сынок, сходи к тете, — сказала мать. При слове «тетя» Датуна просиял, но тут же о чем-то забеспокоился.

— А ты? — спросил он мать.

— Ведь здесь Валенти, сынок.

— Иди, браток, иди.

Мать нагнулась, надела на него носки и башмаки облупившимися носами, поцеловала его колени и тихо проговорила: «Защитник мой!»

Датуна вскочил с постели и дальше уже оделся сам. Потом подбежал к маленькому зеркалу, примощенному у окошка, заглянул в него и провел рукою по глазам.

Затем он обернулся к матери. У женщины в руках была старая, потертая кожаная куртка отца.

Мальчик осторожно погладил рукой кожу, поглядел на нее...

— Надень, сынок, — сказала мать, — ты у меня уже мужчина.

Датуна сунул свои маленькие руки в рукава куртки, застегнул пуговицы; куртка была слишком длинна и широка. Руки утонули в рукавах, Датуна опустил глаза и принялся разглядывать истертые полы куртки, болтавшиеся у самых ног. Потом выпрямился, одернул куртку, расправил плечи.

— Это ведь отцовская? — обрадованно спросил он.

— Теперь твоя будет, — мать подогнула рукава внутрь.

— А что наденет отец, когда вернется оттуда? — мальчик не мог сдержать радостного смеха.

— Он новую привезет, Датуна.

Датуна чмокнул мать в щеку, направился к двери, открыл ее и уже с порога обратился к Валенти:

— А правда же, дядя Валенти, он бы не посмел ходить по ночам, если бы отец был здесь?

Он еще раз погладил кожу и вышел.

Тетка жила на другом конце деревни. Датуна радовался, что прогнал Шукрию и надел отцовскую куртку. А еще больше его радовало то, что в этой куртке предстояло пройти через все село. Он шел по-мужски, широким шагом, часто поглядывая на свои рукава и бросая украдкой взгляд по сторонам — все ли видят, как он идет.

— Эй, Датуна! — окликнул его какой-то мужчина из своего двора. — Ты вправду ранил этого бешеного Шукрию?

— А что еще было делать, — ответил Датуна и огорчился, что его не спросили о куртке. — Вот, отцовская, куртка-то.

— Дай бог тебе счастья в жизни, Датуна.

— Дядя Григол, ведь если бы отец был здесь, Шукрия не пришел бы.

— Не пришел бы, сынок, он и так больше не придет.

— Не придет, — повторил Датуна. — Красивая?

— Замечательная, таких только две было во всем мире, одну носил в Петербурге Керенский, а другую Ладуша...

Отец Датуны умер год назад. Датуна один не знал об этом. Мать говорила, что он уехал куда-то далеко. Когда мальчик спрашивал, куда уехал отец, все отвечали: «Туда». Датуна тосковал по отцу. Теперь он не помнил никого и ничего. Он шагал очень быстро и мечтал лишь о том, чтобы тетка как можно скорее увидела его в отцовской куртке.

СКАЗКА ДЕДУШКИ МУРЗЫ

— ЗНАЧИТ, любит, да? — со смехом говорил князь. — Говорит, очень.

— Что этот голодранец может знать о любви! Управляющий поклонил голову.

— Попроси его подождать до завтрашнего утра, я пока приданое соберу, — князя до слез рассмешили собственные слова. Он взглянул на стоявшего перед ним человека.

— Слыхал?

— Воля ваша.

— Так ему и передай, — князь снова расхохотался.

— Что передать, князь?

— Скажи, дескать, очень вас просят подождать до завтрашнего утра, — он вытащил из кармана платок и вытер влажные глаза, все еще не переставая смеяться. Успокоившись, он снова взглянул на управляющего.

— Ты что, оглох? — на сей раз его голос прозвучал жестко.

— Большое унижение получится, князь!

— С этими разбойниками иначе нельзя, на голову сядут.

— Все-таки они князя.

— Таких голопузых князей на всех дорогах полным-полно, эти до сих пор не вернули долг Макашвили.

— Вообще-то, — замылся управляющий, — вообще-то род у них бешеный. Как бы не похитили барышню.

Князь бросил на него такой взгляд, что он поспешил убраться из комнаты.

Двое седовласых князей и один молодой, обливаясь потом, подавленные оскорблением, ехали верхом по горящей от солнца дороге.

«Эх, если бы не нужда...» — думал старик-отец.

«Плохи наши дела, миновали счастливые денечки», — думал старый дядюшка.

«Все равно моею будет», — думал Мурзакан, глядя на дорогу глазами цвета морской волны.

На третье утро после сватовства усадьбу Чолокашвили подняли на ноги пронзительные вопли. Князь сначала хлопнул себя кулаком по лбу, а затем распорядился послать погоню за похитителем. Преследователи по дороге наткнулись на части Красной Армии, иначе эти молодцы перерыли бы небо и землю и наверняка отыскали бы скрывшегося в лесу Мурзу Джандиери.

— Утро уже, ласточка, — сказал Мурза златовласке, спавшей на его плече в пронизанном первыми лучами солнца лесу, и сорок лет подряд каждое утро солнце и женщина вместе входили в его жизнь.

Старик проснулся. Протянул худую руку к стаявшей рядом кушетке.

— Утро уже, ласточка, — сказал он и вспомнил, что вчера вечером похоронил ту, к которой относились эти слова.

Он некоторое время глядел в потолок. Потом

встал, оделся. Прошелся по двору. Уселся на деревянную скамейку у дороги. Вытащил из кармана курево и согрел легкие дымом.

— Здорово, дедушка Мурза! — сбежал по лестнице соседский мальчик в коротких штанишках и с портфелем в руке.

— Здравствуй, миленький! — отвечал ему вдогонку старик. Он следил за ним, пока мальчик не перебежал дорогу.

— Славный малыш, верно? — спросил он, обернувшись к забору, где, по заведенному обычаю, всегда в это время стояла жена.

Старик покачал головой и уставился в землю. Потом снова начал глядеть на дорогу.

«Сейчас выйдут мальчики Георгия», — подумал он, и на дороге действительно показались пятеро ребят, как бы соперничавших друг с другом худобой и блеском глаз.

— Здравствуй, дедушка!

— Как поживаешь, дедушка!

— Привет, Мурза-дед!

Все пятеро приветствовали старика по-разному, старик улыбнулся всем пятерым и снова оглянулся на забор.

Встал, бросил на землю окурок, растоптал его, немного прошелся и снова вернулся на скамейку.

На дороге показался человек в шляпе и с чемоданом. Старик еще издали узнал его — это был переехавший в город и защитивший диссертацию старший сын Парвизы. Тот его тоже заметил и, даже не успев подойти, сорвал с головы шляпу.

— Здравствуйте, Мурзакан-батона!

— Здравствуй, здравствуй, — сказал старик.

— Я виноват перед вами, но эти консультации, миллион апробаций... Я очень интенсивно занят, — кокетливо оправдывался «профессор», как называли его в деревне.

— Ничего, сынок, все ваши приходили.

— Крепитесь, главное — это крепиться и держаться. Это всегда помогает.

«Вот дурачок, — подумал Мурзакан, — что тут может помочь».

— Послушай, — окликнул девушку в красном платье худой, в распахнутой на груди сорочке парень с золотым зубом. Девушка быстро деловой походкой шла по дороге, чуть покачивая соблазнительными бедрами.

Девушка, не отвечая, прошла мимо.

— Ты куда это? — не отставал преследователь.

«Сколько времени он за ней бегаёт», — подумал Мурзакан.

— Почему ты не отвечаешь, что я такого сделал.

— Что тебе надо? — девушка резко обернулась к нему.

— О-о-о, — с иронией протянул парень.

Старик улыбнулся и вновь оглянулся на забор.

— Здравствуй, — голос друга заставил его вздрогнуть.

— Здравствуй, Георгий, — отвечал он.

— Хорошая нынче погода, — сказал мужчина.

— Хорошая, — согласился Мурзакан.

— Лето скоро.

— Скоро.

— А вот осень у нас — одно название.

— Ага.

— Знаешь, что я тебе скажу, — вдруг сердито начал Георгий. — И я, и ты тоже скоро там будем. Так что нечего убиваться.

Мурзакан со слезами на глазах взглянул на друга.

— Тоскливо мне без нее, — сказал он.

Они помолчали.

— Заходи вечерком, таким вином угощу!..

— Тс-с, — перебил Мурзакан и украдкой посмотрел назад, во двор. Он только-только собрался сказать, что старуха, как известно Георгию, в последнее время совсем не дает ему пить, — как вдруг снова вспомнил...

— Что такое? — удивленный Георгий, в свою очередь, заглянул во двор.

— Ничего.

— Так я пошел, вечером жду.

«Поеду-ка я к мальчику в город», — чуть погодя думал Мурзакан, подходя к дому.

— Дай перекусить чего-нибудь, ласточка, — окликнул он балкон и застыл от страха. Приоткрыл допотопный посудный шкаф. Поставил на стол тарелку. Опять подошел к шкафу, достал мясо, соль, хлеб. Сел, посолил холодное мясо, сунул кусок в рот и едва не задохнулся от слез. Он встал, снес во двор коврик и заснул в тени орехового дерева.

Когда он проснулся, солнце заходило.

— Почеши-ка мне спину, — сказал он и открыл глаза. Затем потерся спиной о дерево.

На третий день старик в синем кителе, застегнутом на все пуговицы, в черных сапогах и с маленьким сундучком в руке стоял посреди платформы и прощался с Георгием.

— Хозяйство — сам знаешь.

Было жарко, стальные рельсы сверкали на солнце.

— А может, все-таки?.. — еще раз попытался удержать друга Георгий.

— Нет, внук — совсем другое дело.

Несмотря на сильное сопротивление — «нет, я буду спать в лоджии», — сын с невесткой выделили Мурзакану отдельную комнату. Кроме комнаты, ему дали две тарелки, стакан, вилку, ложку, полотенце и небольшой комод. «Комод мне не нужен, — сказал старик, — хватит и моего сундучка», — и заставил унести комод обратно. Вечером он лег в белоснежную постель, сказав при этом: «Так-то, ласточка моя».

Два дня Мурзакан нянчился с внуком, куда он только не водил его, — а в обе последующие ночи подробно рассказывал обо всем жене.

На третий день вечером деда с внуком оставили дома одних. Мальчик не унимался — хочешь не хочешь, рассказывай ему сказку. Все известные Мурзакану сказки он уже успел рассказать внуку и теперь ничего больше вспомнить не мог.

— Ну расскажи, расскажи, — хныкал малыш. Старик взял его на руки, потом посадил на колени.

— Что ты будешь делать, ничего не вспоминается, будь оно неладно, — пробормотал он и начал так, как обычно начинаются все сказки:

— Было или не было ничего, родненький мой, что могло быть лучше бога¹, — он сказал это просто так, не зная, что говорить дальше, однако, неожиданно для самого себя, продолжал: — Жил в одном селении один юноша. — Старик посмотрел куда-то в неведомую даль, немного помолчал и заговорил снова: — Он был сыном бедного князя и жил в маленьком селении за горой. В один прекрасный день через то селение проезжал царь со своей дочерью и свитой. Юноша вместе со всеми побежал на них смотреть, и так ему понравилась золотоволосая девушка, что он рот раскрыл от восхищения. Девушка это заметила и улыбнулась ему. И с того дня потерял юноша покой. Однажды ранним утром снарядился он на поиски своей красавицы и покинул родное селение. Долго ли, коротко ли, набрел он на дворец за каменной оградой. Пробрался юноша во дворец и нашел там ту, кого искал. Взял он ее за руку, но тут подросел царь, отобрал у юноши золотоволосую девушку, а его самого прогнал опять в то далекое селение. Но не успокоился на том бедный юноша. Сел он на волшебного белого коня и помчался ко дворцу... — старик умолк, задумавшись о чем-то.

— А дальше, дедушка? — спросил мальчик.

— Чтобы долго не тянуть, похитил он ту девушку, увез ее в другую страну, и зажили они счастливо.

— А потом?

— Потом? — вопрос смутил старика. — Потом они построили себе дом, родился у них такой же ангелочек, как ты, и стали они жить-поживать, потом этот ангел подрос и уехал в город, а старик остался в деревне со своей золотоволосой старушкой. Они еще сильнее полюбили друг друга, друг без друга и минуты прожить не могли. А однажды он вернулся домой и не нашел там своей золотоволосой подруги. Чуть с ума не сошел.

— Дальше не надо, а то заплачу,—сказал мальчик.

Дальше уже нечего было плакать. Долго еще в глазах Мурзакана Джандиери стояли слезы.

¹ Традиционное начало грузинских сказок.

— Утро уже, ласточка! — старик снова сидел на лавочке у себя во дворе.

— Здорово, дедушка Мурза! — соседский мальчишка едва успел поздороваться на бегу.

— Вот торопыжка, вылитый отец, — сказал Мурзакан и взглянул на забор.

— Так и знал, что ты там не выдержишь, — услышал он голос Георгия.

— Не выдержал.

— Так я и думал.

— Я и тут не выдерживаю.

— Чего же так-то?

— Все время с ней разговариваю.

— До сороковин так бывает, не переживай.

— Ничего я не переживаю, хочу только, чтоб и она мне что-нибудь сказала.

— Приходи ко мне вечером, — сказал Георгий и ушел.

— Привет, Мурза-дед!

— Как поживаешь, дедушка?

По дороге шли пятеро братьев. Мурзакан улыбался каждому, и непрошеные слезы катились по его щекам.

Сороковин он дождался. Они с Георгием и на могилку ходили. Когда же на другой день Мурзакан, проснувшись, снова сказал ей, что уже утро, он не стал долго думать. Поднялся, подошел к окну, распахнул его настежь и глубоко вдохнул утренний воздух. Потом пододвинул к окну стул и снял со стены ружье. Проверил пулю, сел. Еще раз взглянул в окно на мир; прости меня, господи боже великий, — сказал он беззвучно, только чуть шевельнул губами. Затем вложил в рот дуло ружья, еще глубже наклонился, чтобы достать рукой до курка, но ствол был длинный, старик никак не мог дотянуться, тогда он обеими руками схватился за ствол, оперся на ружье; пальцем ноги нашарил курок и что было сил нажал на него. Удар опрокинул его назад.

— Не выдержал ты все-таки, бедняга, не выдержал, — тихо повторял Георгий, глядя на теплое еще тело Мурзакана Джандиери, лежащее на полу в луже собственной крови.

— Куда идешь, а? — парень с золотым зубом преследовал деловито шагавшую по улице девушку. Не хочешь со мной разговаривать? А ты слыхала?

— О чем ты? — остановилась девушка.

— Мурзакан застрелился, Джандиери.

— Да ты что!

— Ей-богу.

— Дедушка Мурза, — еле слышно проговорила девушка, и на глазах у нее показались слезы.

— Ну!

Девушка пошла дальше. Парень снова догнал ее.

— Знаешь, из-за чего он застрелился?

Девушка не отвечала.

— Оказывается, он все время разговаривал со своей старухой, так мне Георгий сказал. Он ее, оказывается, очень любил. Ну, а как она могла ему ответить? Вот он взял и застрелился.

Девушка по-прежнему молча шла дальше.

Парень остановился. Больше он не стал ее догонять.

— Он-то, слава богу, оказался настоящим мужчиной. Все-таки по-своему сделал, — с обидой сказал он, не сводя глаз с уходившей по пыльной дороге и уже довольно далеко ушедшей девушки в красном платье.

ОЖИДАНИЕ

ИЗ ГОРОДА удавалось добраться только под вечер. Еще с дороги я замечал дедушку. Он обычно сидел под деревом; завидев меня издали, вставал и тяжело шагал мне навстречу.

— Приехал? — спрашивал он, словно сам не видел.

— Приехал, — отвечал я. Так и происходила наша встреча. Он не целовал, не обнимал меня, только произносил единственное это слово и шел рядом со мной, у калитки пропускал меня вперед, клал мне сзади ру-

ку на плечо, и лишь по этому пожатию я чувствовал, что очень уж он меня любит.

Дедушка Георгий был невероятно большого роста, у него были огромные руки. Всегда гладко выбритый, с чисто вымытыми складками худого, крупно вылепленного, морщинистого лица, он и одевался столь же чисто. Если ему приходилось за чем-либо идти в деревню, он непременно надевал черные, сверкающие сапоги, подпоясывал свой любимый синий китель широким кожаным ремнем и не спеша выходил со двора.

— Интересно знать, кому это ты, старый, хочешь понравиться, а? — смеясь, будто бы в шутку, спрашивала бабушка. Однако очевидно было, что она и впрямь ревнует.

— Да кому уж мне нравится, это я чтобы враги лопнули от злости, — с достоинством отвечал дедушка. «Чтобы враги лопнули от злости», — говорил он, хотя на всем белом свете не было у него ни одного врага, кроме Гитлера.

Когда началась война, отец ушел на фронт. Увидав в руках у дедушки письмо, мы все бросались к нему, но дедушка не распечатывал конверт, прежде чем не усядется на стул посреди комнаты, тогда только он с присущей ему степенностью начинал читать письмо. Четыре года приходили в дом треугольные конверты и согревали всю семью.

Война заканчивалась, когда мы получили последнее письмо. «Целую всех вас», — так начал дедушка чтение и оглядел всех слушателей, словно это он нас приветствовал.

— «Очень уж я по всем вам соскучился, родные мои». Я-то знаю, по ком он соскучился, — добавил дедушка и посмотрел на мою мать. Мать смущенно потупилась.

— «Как вы там живете, я очень волнуюсь за вас, а сам я тут уже привык слушать, как пули жужжат». — Дедушка постучал рукой по колену. — «Победа уже близко, отец, скоро будем в Берлине, своими глазами увижу, как будет драпать от нас Гитлер со своей бандой. Обо мне не беспокойтесь, вот вернусь домой, отосплюсь маленько недельку-другую, а потом мы с моим парнишкой нашу развалюху во дворец превратим.

Больше писать нет времени, отец, поцелуй всех, маму Тамро, Романа. Побереги Тамро, она славная девушка, а я обязательно вернусь, я по всем вам так соскучился, что одно это меня домой приведет.

Ваш Тамаза».

Я вскочил, чтобы взять у дедушки письмо.

— Погоди, не спеши, тут еще есть, — сказал дедушка.

«Папа, чуть не забыл, я теперь командир взвода».

— Поглядите-ка на этого сукина сына, взводом командует, — с гордостью сказал дедушка, оглядев всех нас.

Война кончилась. Многие не вернулись в нашу деревню.

Два месяца прошло после окончания войны, когда однажды вечером к нам зашел Макбет, ровесник и друг отца, очень маленький и худой человек. Правой руки у него не было, пустой рукав аккуратно заправлен под ремень, в левой он держал палку — хромал. Мы все выбежали ему навстречу.

— Макбет, ты, что ли? — спросил дедушка.

— Кто ж еще, дядя Георгий.

Дедушка обнял Макбета так, что едва не задушил его.

— Вернулся? — спросила бабушка и тоже обняла Макбета.

— Разве не видишь, тетя Тэкле?

— Тебя, дядя Макбет, и раньше-то не очень видно было, а теперь и вовсе...

Мать дала мне подзатыльник вместе с проклятием.

Мы вошли в дом.

— Есть у меня для вас приятная новость, — начал Макбет, — хотя, наверно, вы уже знаете.

— Что случилось? — спросила мать.

— Что такое? — повторил дедушка.

— Я Тамазу видел.

— Где?

— Под Берлином.

— Чего ж ты до сих пор молчал?

— Издали ведь не стал бы кричать, дядя Георгий!

— Ну и что он, как?

— Мы с ним всего минуту виделись, расцелова-
лись прямо посреди огня, вот и все, он взводом ко-
мандовал.

— Жив, значит? — спросила бабушка.

— Какое там «жив», лев, настоящий лев!

Мы все помолчали.

— Тамро, — снова нарушил молчание дедушка. —
Принеси-ка, девочка, вина.

Много выпили в ту ночь дедушка Георгий с Мак-
бетом, потом дедушка Георгий взвалил Макбета на
спину и отнес его домой.

Время шло, а отец все не показывался. Прибли-
жалась годовщина окончания войны, когда вместо от-
ца пришел Михо—почтальон и устался в землю.

— Что такое, Михо? — спросила бабушка.

Михо молчал, не поднимая глаз. В протянутой ру-
ке он неловко сжимал какую-то бумажку.

— Все в порядке, Михо? — вопрос скорее был
похож на мольбу.

Михо сунул ей в руку бумажку и ушел.

Дедушка поспешно развернул бумагу. Потом этот
огромный человек вдруг сгорбился, поник, уменьшил-
ся.

Я взял из его руки бумагу. «Пропал без вести», —
было написано там.

Я, мать и бабушка оплакали отца. Не плакал толь-
ко дедушка. Спустя несколько дней опять пришел од-
норукий Макбет. Дедушка с Макбетом тихо сидели в
комнате.

— Нет, ты мне скажи, разве может потеряться ко-
мандир взвода? — спросил наконец дедушка.

— Что я могу сказать, дядя Георгий.

— Он же не овца, чтобы потеряться.

— Что я могу сказать, дядя Георгий, родной.

— Я еще верю, что он вернется, — помолчав не-
много, словно наперекор кому-то, сказал дедушка.

— Дай-то бог, дядя Георгий...

Годы шли. Дедушка выбрал то самое персиковое
дерево в конце нашего виноградника, у которого
обычно встречал меня, когда я приезжал из города; с
этого места лучше всего была видна сельская дорога.

Он собственноручно сколотил скамеечку и поставил ее под деревом. Отработав целый день, он сажал скамеечку под персиковым деревом и смотрел на дорогу до тех пор, пока ее можно было различить в темноте. За целый день он мог сказать лишь два-три слова, и то лишь моей матери. Я вырос, и его бесконечное ожидание действовало мне на нервы.

Однажды вечером я подошел к нему и хотел сердито крикнуть, что его Тамаза уже никогда не вернется. Он взглянул на меня снизу вверх, должно быть догадался, что вертелось у меня на языке, и тогда впервые в жизни я увидел маленькую слезинку на его ресницах.

Старик сидел под деревом, которое сам когда-то посадил, и ждал сына, которого никто, кроме него, уже не ждал.

Отец не вернулся. Кто знает, сколько прошло лет. В тот год я поехал в деревню ранней весной. Повез с собой своего маленького сына. Еще до полудня дедушка Георгий поднялся и направился к двери.

— Ты куда, Георгий? — спросила бабушка.

— Схожу в виноградник, погляжу, как там, — сказал дедушка, взял прислоненную к дверному косяку мотыгу и вышел.

— И так каждый день. И не подумаешь, что постарел, — сказала мне бабушка. — А потом сядет под персиковым деревом и снова на дорогу глядит.

Мальчик ласкался к бабушке. Темнело. Бабушка окликнула дедушку Георгия. Ответа мы не услышали.

— Георгий, слышишь, иди домой, хватит! — опять позвала бабушка.

В ответ мы по-прежнему ничего не услышали.

Мы вошли в виноградник, прошли к персиковому дереву. Старик лежал на земле; падая, он сломал дерево, и корни были наполовину вырваны из земли.

Его уложили в горнице, и вскоре вся деревня знала, что Георгий умирает.

На другое утро дом был полон соседей.

— Это я, Георгий, Тебро, взгляни на меня, родненький, я тетки твоей дочка, бедненький ты мой, — не отставала от умирающего Тебро.

Дедушка глубоко дышал.

— А сколько ему лет? — спросил меня кто-то ще-
потом.

— Сто пять, — ответил я.

— Э, сынок, всем бы нам столько прожить...

Темнело, когда дверь открылась и вошла какая-то женщина. Она направилась прямо к дедушке, дотронулась рукой до его лба, потом подошла и села рядом со мной.

— Ох, смерть проклятая, Георгий, бедный ты мой, на кого ты нас покинул! — громко завопила она.

— Послушайте, он еще жив, он, может, все слышит, жалко, — едва осмелился сказать я.

— Что он уже может слышать, сынок, что! Несчастливая ты моя, как же ты теперь без него-то будешь! — принялась она оплакивать бабушку, словно бабушка собиралась прожить еще лет сто на этом свете.

— Георгий, неужто так скоро-то, а! — спросила она снова.

Не знаю, почудилось мне, или на лице стопятилетнего умирающего и впрямь промелькнуло подобие улыбки. Я всю ночь не мог уснуть, под утро написал письмо и поспешил к постели дедушки Георгия.

— Дедушка, я Роман, сын твоего Тамазы, — громко сказал я.

Дедушка с трудом приоткрыл глаза.

— Дедушка, твой Тамаза, мой отец, возвращается, вот, я получил письмо... — сказал я и испугался собственных слов.

Дедушка взглянул на бумагу, которая была у меня в руке.

— Возвращается, — уже смелее сказал я. — Прочитать?

Старик закрыл и вновь открыл глаза.

— «Папа, — начал я читать свое письмо, и все, кто был в горнице, притихли. — Не знаю, встретит ли меня кто-нибудь из вас, но все-таки пишу, я вас заставил долго ждать, родной мой, но иначе я не мог, в письме рассказать не могу, а когда ты получишь письмо, через неделю и я сам приеду. Целую тебя крепко — твой Тамаза».

Дедушка приподнялся, потянулся за письмом, передал ему бумагу, он взглянул, тихо опустил ее на подушку, закрыл улыбающиеся глаза и скончался.

— Убил ты его, парень! — сказал кто-то.

— Убил его этот мерзавец, — повторило несколько человек. Только бабушка ничего не сказала.

Мы похоронили дедушку Георгия. Редко доводилось мне видеть на лице умершего такую спокойную и светлую улыбку...

НЕИСПРАВИМЫЙ

ЭНВЕР Джиджавадзе стоял на автобусной остановке маленькой деревушки. В руке он держал небольшой чемодан; было жарко, и Энвера ужасно злило, что ни одна машина не останавливается перед ним. Энвер полчаса тому назад вышел из тюрьмы.

Начальник тюрьмы, краснощекий Шалико Катамадзе крепко пожал Энверу руку, еще больше покраснел от нахлынувших чувств и сказал:

— Ты просто ангел, а не парень, Энвер, такого, как ты, у меня еще не было. В общем, если снова попадешь сюда, сумею тебя уважить.

Он обнял Энвера, расцеловал его и вытащил платок, чтобы утереть слезу.

Шалико Катамадзе имел все основания плакать. Дело в том, что во вверенной ему тюрьме не было вора «в законе», и каждый делал что кому заблагорассудится. Целыми днями заключенные бранились и дрались друг с другом, и Шалико ничего не мог с этим поделать. Всего несколько месяцев назад его понизили в должности, сняв с поста начальника колонии, и это обстоятельство еще сильнее умаляло его престиж в глазах заключенных.

Когда появился Энвер Джиджавадзе, дела пошли совсем по-другому. Нет, Энвер не был вором. Он попросту был дьявольски силен и терпеть не мог несправедливости...

За неделю он видел столько насилия среди заключенных, сколько не встречал на свободе за всю свою жизнь. Казалось, вся грязь, все ужасы бытия сконцентрированы были в этой маленькой тюрьме. Энвер некоторое время наблюдал, потом не выдержал, и месяц спустя отцеубийцы, люди, проигравшие собственных жен, сбежавшие от семей, карманники и хулиганы разговаривали друг с другом чуть ли не на «вы».

Энвер сидел четыре года, и немудрено, что Шалико Катамадзе огорчался, отпуская на свободу такого человека, — иначе и быть не могло.

Впервые про Энвера сказали, что он в недобрый час родился на свет, когда он избил Читинового брата. Чита был известный в Батуми садист и убийца. Чита резал людей оружием с крючком на конце, наподобие удочки. После удара «инструмент» оставался в теле. Если рана оказывалась не смертельной, все равно требовалась операция, чтобы извлечь оружие. Чите стукнуло сорок лет, он был очень смуглый и невероятно худой, он дважды сидел за убийство. Раненых на его счету было множество даже по официальным сведениям, а сколько он изуродовал людей на самом деле, знали только господь бог и он сам.

В то утро Энверу Джиджавадзе приснилась покойная мать. Он обнимал, целовал ее, улыбался во сне. Потом мать внезапно оттолкнула Энвера, открыла дверь комнаты и сказала, что должна уйти. Энвер и во сне знал, что больше никогда ее не увидит. «Не бросай меня, мама, не бросай меня», — плакал мальчик, уткнувшись в колени матери...

— Энвер, Энвер, что с тобой, проснись, Энвер, чего ты плачешь, — тоже плача, будил его друг детства Темур.

Энвер открыл глаза.

— Мама, — сказал он.

— Успокойся, Энвер, успокойся, — всхлипывал Темур.

Энвер мотнул головой, вытер слезы и уставился в одну точку. «Мама», — подумал он, и снова так сжалось сердце, что он едва не умер от горя. Он взглянул на Темура.

— А ты чего реवेशь?

— Ничего, — Темур продолжал плакать.

— Как это «ничего», — Энвер сел на кровати. Темур опустил на стул и уткнулся головой в ладони. Энвер подошел к Темуру и встряхнул его.

— Что случилось?

— Амиран.

— Какой еще Амиран?

— Читин брат.

— Ну?

— Гулял с моей Лейлой, — с трудом выговорил сквозь плач Темур.

— Ну и что же? — улыбнулся Энвер.

— Изнасиловал он ее, — еще сильнее разрыдался Темур.

Темур молился на Лейлу, он был по уши влюблен и не мог представить себе, чтобы в мире могла быть другая такая девушка.

Энвер сначала побледнел, побелел как стена, подошел к окну, выглянул на улицу, мокрую после дождя, и вдруг какое-то спокойствие разлилось по всему его телу.

— Амиран, говоришь? — совершенно обычным тоном спросил он.

— Да, — продолжал плакать Темур.

— Перестань, — сказал Энвер.

В голосе его было что-то, заставившее Темура перестать плакать; теперь он только вздрагивал от сдерживаемых рыданий и икал.

— Точно знаешь? — спросил Энвер.

— Точно.

— Пошли.

Они встретили Амирана в порту. В плаще с поднятым воротником он сидел на длинной скамейке, курил сигарету и смотрел на море.

— Амиран! — позвал Энвер. Амиран лениво встал и подошел.

Энвер отвел его в сторонку.

— Может, врут люди? — спросил Энвер.

— Кому? — спросил Амиран.

— Темуру, говорю, может, люди врут?

— Насчет чего?

— Насчет того.

— Нет, правда.

— Ты уверен?

— На все сто.

— Вы же так дружили с Темуром.

— Ну и дальше что?

— Как это, а? — Энвер снова побледнел.

— Если тебе дадут бриллиантовый перстень, Энвер, разве ты откажешься? — с видом опытного бабника спросил Амиран и сплюнул.

— А как же Темур?

— Женщина, Энвер, это паролог, никто не знает, когда он выйдет из порта и кто успеет на этот корабль, тот и доплывет на нем до ближайшей пристани, — повторил Амиран глубокую философскую мысль, по-видимому, слышанную им от какого-то болвана, и сплюнул еще раз.

— Вы же вместе выросли.

— А разве теперь мы не стали еще ближе друг другу?

Энвер нанес ему резкий удар, и склонный к глубоким рассуждениям покоритель женских сердец распростерся на влажных булыжниках. Энвер поднял его и ударил еще раз, возвратив Амирана в прежнее положение.

— Завтра опять буду бить, — обнадежил Энвер Темура и увел его из порта.

— «В недобрый час он родился на свет».

— «Кому же Чита спустит избиение Амирана».

— «Убьет».

Через два часа весь Батуми знал, что Читиного брата избили, и почти все мысленно называли Энвера «тот бедняга».

«Того беднягу» Чита встретил вечером на берегу.

Чита заулыбался от удовольствия. Достаточно опаленные солнцем ребята при виде Читы совсем почернели.

— Поди-ка сюда, — осклабясь, сказал он Энверу. Энвер вышел из кучки ребят.

— Ты за что моего брата избил? — усмехнулся Чита и похлопал завернутым в газету «инструментом» по ладони левой руки.

— Сам знаешь, — ответил Энвер.

- За это, значит?
- Да.
- А еще за что?
- За то же самое.
- Значит, за то же самое?
- Да.

Чита взглянул на почерневших мальчиков, опустил-ся на одно колено и расхохотался. Потом выпрямился и со страшной быстротой взмахнул отточенным «инструментом». Энвер отскочил, оружие задело пиджак и сорочку, а в следующее мгновение он ударил, и Чита упал без сознания. Парни издали какой-то странный звук.

Через месяц Читу из больницы выписали. Энвер знал: убьет. Он подстерег Читу у больницы, прячась за углом дома, и, когда Чита совсем этого не ждал, вдруг отделился от стены, подбежал, ударил и возвратил Читу в больницу.

На этот раз Чита пролежал два месяца. Выйдя из больницы, он зыркнул глазами по сторонам, заметил притаившегося в засаде Энвера и убежал обратно. На другое утро к Энверу пришел незнакомый пожилой человек, такой же темнокожий и худой, как Чита, и, не говоря ни слова, передал Энверу клочок бумаги.

«Энвер, выпусти меня из больницы. Не будем ссориться. Ты меня не знаешь, я тебя не знаю. Чита» — говорилось в записке.

Действительно, Чита больше не искал встреч с Энвером. Если они случайно сталкивались на улице, Чита улыбался, наклонял голову и быстро проходил мимо.

Энверу было тогда семнадцать лет.

Дрался Энвер часто, но в тюрьму, благодаря какому-то везению, не попадал. Его арестовали, когда ему исполнилось двадцать три. Он возвращался вечером с завода домой. На углу улицы Ленина и улицы Сталина двое верзил топтали ногами мальчика лет пятнадцати-шестнадцати.

«Бедняга», — подумал Энвер и помог мальчику, в результате чего оба верзилы оказались в главной городской больнице, а Энвер — в «стране чудес», как называли жители Батуми места не столь отдаленные. Дело в том, что верзилы оказались отцом и дядей того мальчика, и били они его, потому что узнали, что он колется морфием...

У Энвера не было ни отца, ни матери, ни жены. У него была только бабушка, да и та померла через два года после того, как Энвера посадили. Среди гуляющей по набережной публики часто можно было встретить сгорбленную семидесятилетнюю старуху, опирающуюся на палку.

— Шла бы ты, бабушка, домой, — говорили ей ребята.

— Побуду еще немножко, воздух тут чистый, — сваливала бабушка на чистоту воздуха ответственность за праздность бездельников, а сама то и дело поглядывала по сторонам: не появится ли вдруг, по ее собственному определению, чокнутый Энвер.

Энверу было десять лет, когда он видел отца в последний раз. Отец спешил к поезду Батуми — Тбилиси под ручку с какой-то блондинкой, подвыпивший и с ужасно довольным лицом. Энвер бросился за ним и догнал у самых ступенек вагона.

— Куда ты едешь, папа? — удивленно спросил мальчик.

— Куда я еду? — переспросил отец, обращаясь и к самому себе, и к Энверу.

— Ага, — улыбнулся мальчик. Отец наклонился и поцеловал его.

— Я скоро вернусь, сынок, у меня в Тбилиси одно дельце есть, скоро вернусь, — сказал отец, смущенно кашлянув.

— Скорее, Феридончик, время не ждет, — по-русски позвала уже успевшая подняться в вагон блондинка, напоминая мужчине о философской сущности времени.

Отец вошел в вагон. Поезд вздрогнул и медленно тронулся. Вот и все их прощание. А мать Энвера умерла, когда он окончил школу; рак легкого буквально за месяц свел ее в могилу.

Шло время. Энвер работал на заводе. Однажды на него свалилось то, что называется первой любовью. Девушка была из его квартала, он знал ее и прежде. Почему в тот день он посмотрел на нее другими глазами, Энвер и сам не знал, «как странно она со мной поздоровалась», — думал он, а ничего необычного в приветствии девушки не было, просто он сам взглянул на нее действительно необычно. Взглянул — и несколько дней спустя подождал ее у института после лекций. Потом он провожал ее несколько дней подряд и, наконец, поцеловал. Они встречались целый год.

«На днях пойду к ее отцу и скажу, что хочу жениться, ну и что ж, что у меня родителей нет», — думал Энвер, однако привести в исполнение задуманное не успел. Русико не стала томиться в ожидании и спустя ровно год после ареста Энвера она, словно справляя годовщину, вышла замуж за молодого, перспективного начальника цеха на мясокомбинате Тариэла Боцвадзе. «Шота Руставели» медленно увозил молодых в Одессу. С палубы Русико махала рукой счастливым своим и вновь приобретенным родителям.

О смерти Энверовой бабушки и замужестве Русико знали в тюрьме все, кроме Энвера. Энверу не говорили. В конце концов кто-то все же проговорился, высказавшись вроде того, что-де, «чем нас тут учить справедливости, присмотрел бы лучше там за своей чувихой». Энвер рукой поднял его за грудки и прижал к стене.

- Что, что такое?
- Опусты меня, Энвер.
- Что ты сказал?
- Опусты меня.

Энвер опустил его. Тот закурил сигарету и принялся мерить шагами камеру.

— Побьешь, если скажу? — спросил он чуть погодя.

- Да за что же мне тебя бить?
- Дай слово, что не побьешь.
- Даю слово, — нетерпеливо сказал Энвер.

— Все от тебя скрывают, а я скажу. Он должен знать, раз такое дело, — гордо поглядел тот на остальных заключенных.

— Да говори же.

— Замуж вышла твоя Русико, — сказал тот и побледнел от страха.

Энвер тихо опустился на пол, сел. Долго сидел молча.

— Тебя-то за что тут бить, — сказал он позже.

Влез на нары и лег. Больше он не проронил ни звука.

Через неделю ему и о бабушке сказали.

* * *

— Эй, останови! — кричал Энвер проезжавшим машинам.

Какая-то добрая душа сжалилась. За рулем сидел совершенно седой мужчина.

— Тебе куда?

— Домой, — не задумываясь, ответил Энвер.

— Это как понимать?

— Поедем по набережной.

— Откуда будешь?

Энвер постеснялся сказать правду.

— Гостил у родственников в деревне.

— Как фамилия?

— Джиджавадзе.

— Джиджавадзе дядю моего убили, два месяца назад, — задумавшись на минуту, сказал шофер. Энвер знал аджарцев — убийство дяди они не прощают всему роду.

— Я из «страны чудес» возвращаюсь, вон у тебя нож из кармана торчит, можешь достать и ударить, пальцем не пошевелю. Чем возвращаться туда, мне бы это даже лучше было, — быстро, нервно проговорил Энвер. Водитель обернулся и понял, что он не лжет.

Машина выехала на набережную. Оба молчали. У своего дома Энвер попросил остановить. Выйдя из машины, он протянул водителю трешку.

— Не стыдно тебе? — сказал седой.

— Возьми.

— Я бы сам тебе денег дал, не будь ты Джиджавадзе, — сказал шофер и рванул машину с места.

Энвер проводил его глазами. «Бывают же еще хорошие люди», — подумал он и вошел в дом.

Его встретил спертый, затхлый воздух комнаты. Энверу вспомнилась камера. Он распахнул окно и лишь после этого оглядел комнату. Со стены ему улыбалась бабушка. Энвер улыбнулся ей в ответ, словно она была живая. Потом открыл бабушкин комод, поглядел на ее старые черные платья. В глубине стоял маленький ларчик. Бабушка хранила в этом ларчике иголки и нитки. Что же еще-то ей было хранить.

Энвер осторожно открыл ларчик. Там лежал уже слегка пожелтевший лист бумаги. Энвер расправил бумагу.

«Милый внучек, — было написано там. — Никого у меня нет кроме тебя, письмо это я говорю, а пишет наша соседка Цаца. Ты должен знать, родненький, что Русико вышла замуж, так, видно, было угодно богу, не дали ей дождаться, не она одна во всем виновата. Не все умеют ждать. Ты еще найдешь хорошую девушку. Только следи за собой, родной мой. Когда ты выйдешь, может статься, я тебя уже не увижу, из-за этого тоже не надо убиваться. Душа-то моя всегда с тобой будет. Цацу увидишь, она тебе скажет, где это письмо лежит. У Цацы еще будет мое золотое кольцо, что твой дедушка мне подарил, ты его надень и носи, оно маленькое, но на мизинчик твой как-нибудь налезет. Милый мой внук, не заступайся за всех подряд. Нельзя закрывать глаза на несправедливость, только голову при этом не теряй, видишь ведь, как нескладно у тебя получилось. Комнату эту не потеряй, ты здесь прописан, она по закону принадлежит тебе, может, начнешь работать, сумеешь поступить на заочное, дай бог тебе здоровья. Если бы у меня была такая светлая головушка, как у тебя, я, хоть и женщина, министром бы стала или профессором. Женись, тебе и друг нужен, и забота. Кроме того золотого колечка да комнаты нечего мне тебе оставить. Очень тоскую по тебе. Когда слишком уж тоскую, целую твою карточку. Прощай, внучек, помирает твоя старая бабушка, дай тебе бог счастья, мой добрый мальчик».

Энвер кончил читать письмо, присел на бабушкину кровать, потом повалился на постель ничком.

Четыре года, проведенных в камере, потраченных впустую, Русико, бабушку, — он оплакивал все вместе.

Прошло два месяца, как Энвер вдыхал свежий воздух свободы, но одного свежего воздуха явно не хватало. В течение двух месяцев он искал себе работу. В первую очередь он наведалься на свой завод.

— Энвер, ты же знаешь, как я тебя люблю, — сказал ему слегка напуганный его появлением секретарь заводского комитета комсомола.

— Да, — ответил Энвер.

— Садись, садись, чего ты стоишь.

Энвер сел.

— В общем, знаешь сам, как я тебя люблю, и потому ты должен меня понять.

— В чем? — спросил Энвер.

— В том, — секретарь комитета комсомола огляделся, словно не был уверен, что в кабинете кроме них никого нет. — В том, что... Ты ведь их знаешь, — он мотнул головой в сторону, как бы адресуясь к начальству, — если я тебя представляю, они меня съедят. Знаешь, ты сделай вот что: иди прямо к директору.

— Что вам угодно? — грубо спросил директор, высокий и худой мужчина; несмотря на грубость тона, он тем не менее не забыл слово «угодно», ибо хорошо помнил, что он — директор.

— Я Джиджавадзе, Энвер.

— Дальше? — спросил директор, с наслаждением копясь мизинцем в правом ухе.

— Я работал у вас.

— Дальше?

— Потом меня посадили и выпустили четыре дня назад.

— Дальше? — Директор очень любил слово «дальше», однажды в кабинете у некоего ответственного лица он был свидетелем разговора этого ответственного лица с подчиненным. Начальник то и дело вставлял в беседу слово «дальше», причем так, чтобы подчеркнуть: дескать, я отлично знаю, что ты скажешь дальше, и вообще я прекрасно обо всем информирован. С того-то дня директор и проникся горячей симпатией к слову «дальше».

- Хочу снова здесь работать.
- Дальше?
- Дальше ничего, — сказал Энвер и умолк.
- Энвер Джиджавадзе, — пробормотал директор и задумался. — Это который двоих изб... — невольно высказал он мысль вслух.
- Вот-вот, он самый, — обрадовался Энвер.
- Слушай, что ж ты раньше не сказал, заставил меня столько болтать попусту, — поднялся со стула директор. — Ну, как поживаешь? — Он крепко пожал Энверу руку.
- Ничего, спасибо.
- Садись, что стоишь.
- Спасибо, я постою, — смутился Энвер.
- Садись, говорю.
- Хватит мне, четыре года сидел, — попытался пошутить бывший заключенный.
- Сядь, — кратко и очень по-домашнему сказал директор, как, например, говорит ближайший друг отца: тоном сердитой ласки. Энвер сел.
- Как ты, что слышно нового, — с насильственной улыбкой спросил директор, протягивая ему пачку сигарет (этот жест он не раз видел в кино).
- Спасибо, не хочу.
- Закуривай.
- Не хочу.
- Кури, — опять с той же интонацией сердитой ласки сказал директор.
- Энвер взял сигарету и прикурил от стоявшей на столе зажигалки.
- Что поделяваешь, а?
- Да что мне поделявать, вот вышел — и к вам...
- Отдохнул бы немного.
- Как это?
- Ну, как люди отдыхают, съездил бы куда-нибудь, в деревню, что ли.
- Нет у меня никого в деревне.
- Ну, куда-нибудь еще.

— Не знаю, — сказал Энвер, подумав: «Чего это он так заботится о моем отдыхе?»

— Так как же?

— Не знаю.

— А как здоровье?

— Неплохо.

— Как семья?

— Нет у меня семьи.

— Ох, я совсем забыл, — «смутился» директор. — Трудно, поди, было.

— Что?

— Там.

— Да.

— Особенно, наверно, поначалу.

— Да.

— Мда-а, — протянул директор. — Так в чем же дело, Энвер, дорогой, зачем пожаловал? — Энвер удивленно взглянул на него, подумал, что тот не слышал его просьбы, и повторил:

— Хочу снова начать здесь работать, характеристика у меня хорошая, — Энвер вытащил из кармана сложенную вчетверо бумагу.

— А-а, — наконец сообразил директор. — Как, здесь?

— Да.

— Ты ведь сам знаешь, как я тебя люблю.

Энвер не ответил.

— Думаю, ты тоже меня уважаешь. Если ты меня уважаешь, не губи меня, а?

— Как это?

Директор оглядел кабинет, точь-в-точь как секретарь комитета комсомола.

— Послушай, ты ведь их знаешь, — понизил он голос и кивнул влево, имея в виду вышестоящих товарищей. — Пойдут разговоры: вот, мол, бывшего арестанта принял, и пропала моя голова.

— Вы же имеете право принять бывшего арестанта, вот характеристика.

— А дальше?

— Что дальше?

— Что мне, потом бегать в обком с этой характеристикой?

Энвер поднялся с кресла. Тщательно сложив харак-

теристику, он сунул ее в нагрудный карман. Поднялся и директор.

— Извините, — тихо сказал Энвер.

— Не обижайся, ладно? — директор проводил его до двери. — Погоди, — внезапно вспомнил он, — вот тебе на папиросы, — директор поспешно достал из кармана деньги. — Возьми.

Энвер отдернул руку.

— Говорят тебе, возьми.

Энвер спрятал руку за спину.

— Бери, — в голосе опять прозвучала сердитая ласка, директор заглянул Энверу в глаза.

Глаза у Энвера были страшные.

— Я же как сыну, — пролепетал перепуганный директор.

Энвер вышел.

Директор стоял у закрытой двери с десятирублевкой в руке. «Как бы этот тип не затаил злобу», — думал он.

Энвер ходил еще в несколько мест. Ему всюду отказали. В этой беготне прошло два месяца.

«Ну их всех к чертовой матери, пойду к рыбакам», — решил тогда Энвер.

Он зашел в контору. Директор как раз провожал одну из бригад в море.

— Вам рыбаки нужны? — спросил Энвер у миловидной секретарши.

— Это, дорогой, надо у директора спрашивать, — улыбнулась женщина.

— А когда он будет?

— До послезавтра его, дорогой, не будет, — снова улыбнулась она.

— Спасибо, дорогая, — улыбнулся в ответ Энвер, вышел на улицу и почувствовал, что очень проголодался. Однако, не встретившись с Темуром, с ребятами, он не мог пойти поесть. Он занял скамейку на бульваре; вскоре появился Темур и с ним еще один парень.

— Пошли, поедим, — сказал этот парень. Это были друзья, и Энвер не стыдился перед ними. Но на

этот раз ему послышалось нечто особенное в этом «пошли, поедим». Он отказался:

— Я ел, — сказал он и пустил в пустой желудок сигаретный дым.

— Поедешь с нами в Кобулети? — спросил парень.

— А что там делать?

— Тёлочки.

— Нет, — сказал Энвер и вспомнил, как его встретила четыре года спустя на улице Горького его прежняя «тёлка».

Этери расцеловала его, расспросила о житье-бытье и сказала:

— Приходи вечером, изголодался, небось.

— Я от голода и жажды пока не помираю, — обиделся Энвер.

— Да разве я тебе про еду, дурак, я про другую голодуху.

— Приду, — обрадовался Энвер.

— Ни махани, ни пахана дома не будет, — имелись в виду родители.

В тот вечер Энвер пошел к черноглазой, полногрудой Этери и впрямь утолил голод.

— Не поедешь, значит? — спросил Темур.

— Нет, — Энвер встал и пошел домой.

На полдороги он вспомнил свою аккуратно прибранную комнату и ужасающую пустоту ее, свое невыразимое словами одиночество — и вернулся к морю.

Было за полдень, народу на пляже было немного. Энвер разделся у самой воды и растянулся на теплых камнях. «Поеду в Тбилиси, — думал Энвер, — если не удастся устроиться рыбаком, поеду в Тбилиси, хоть там найду справедливость. Что, на них управы нет, что ли, характеристика-то у меня хорошая».

— Не будет ли у тебя сигаретки, сынок? — спросил кто-то.

Энвер оглянулся и увидел сидевшего в шезлонге седенького, маленького и очень смешного старичка. На крохотном тельце держалась несоразмерно большая голова; старичок смотрел жалкими глазами и потому в нем было что-то очень симпатичное.

Энвер вынул из кармана сложенных брюк сигареты и протянул старичку.

— Спасибо, родной.

Энвер дал ему прикурить.

На пляж откуда-то прибежали несколько ребят и девушек. У них был мяч, и они принялись играть в волейбол невдалеке от Энвера. Энвер разглядел их, никого из них он не знал. Судя по всему, они были из Тбилиси. Энверу тоже захотелось поиграть. Мяч случайно ударился в шезлонг смешного старичка. Один из ребят прибежал за мячом, оглядел старичка и покатился со смеху.

Затем все осмотрели старичка, все засмеялись. Энвер тоже улыбнулся.

Чуть погодя кто-то сильно ударил по мячу, и мяч попал старичку в голову. У него слетели очки.

— На что это похоже? — сердито сказал он. Энвер подал ему очки. Старичок снова взялся за газету. Ребята извинились и продолжали игру. Они громко смеялись.

Мяч опять попал в старичка. Они опять извинились. И по-прежнему смеялись. Энвер больше не улыбался.

Не прошло и двух минут, как мяч в третий раз попал старичку в голову. Они помирали со смеху. Находившиеся поблизости пляжники «возмутились», но тихо.

— Они накурились сигарет с морфием, — сердито сказал старичок.

Когда мяч попал в четвертый раз, Энвер поднялся и сказал игравшим: «Кончайте это дело».

А те хохотали. Некоторые даже катались по камням от смеха.

Мяч снова попал старичку в голову. Энвер взглянул сперва на тех, затем на старичка. Смешной старичок тихо плакал.

Что произошло потом, Энвер не помнил. Позже на память приходила только какая-то девушка, обнимающая его колени, умоляя не убивать ее брата.

Энвер избил пятерых парней. У одного была сломана челюсть, у другого ребро, третий что-то бессвязно бормотал. Двое других уцелели. Не удалось уцелеть только Энверу. Его задержали. Из троих покалеченных тот, у кого была сломана челюсть, и тот, у ко-

того было сотрясение мозга, перед судом изменили показания. Сказали, что Энвер защищался. Тот, которому Энвер сломал ребро, уперся: у него, мол, был кастет, иначе как бы он меня покалечил. Старичок что есть мочи пытался объяснить суду, что Энвер защищал его, но и это не спасло положения. Энвер Джиджавадзе ранее уже имел судимость.

— Два года лишения свободы, — огласил приговор судья и виновато поглядел на Энвера; меньше, мол, никак не получается.

— Родной ты мой! — обрадовался Энверу начальник тюрьмы Шалико Катамадзе. — Ну, как ты поживаешь?

— Прекрасно, — ответил Энвер.

— Я тебе такое местечко подыскал, где воздух почище, на верхних нарах.

— Благодарю, — сказал арестант.

— Честно говоря, обидно мне за тебя, а вместе с тем и радостно...

— Дальше? — спросил Энвер и вспомнил директора завода.

— Дальше то, дай тебе бог силы и здоровья, что ты за ними присмотришь.

— Наседка я тебе, что ли, Шалико?

— Что ты, как тебе не стыдно!

— Да так уж.

— Ты же сам говорил, что несправедливости не выносишь, вот я и...

— Пошли.

— Энвер, это колечко сними и оставь мне, будешь выходить, получишь обратно. Сам знаешь, старина, не положено, — попросил начальник тюрьмы, провожая его в камеру.

— Только вместе с пальцем, Шалико, отрежешь — это мне от бабушки осталось. — сказал Энвер.

Энвер лежал на верхних нарах у забранного решеткой окна и глядел в звездное небо.

В другом конце камеры двое «старожилов» материли «новичка». Один из них то и дело ударял его по щекам и говорил:

— Послезавтра последний срок, послезавтра чтобы бабки были тут.

«Все готовы глотку перегрызть друг другу, — ду-

мал Энвер, подложив руки под голову. — Перережут, съедят однажды друг дружку. В порошок сотрут, да и им волю. Черт бы их всех побрал».

Те двое продолжали гнуть свое.

— Отдавай (шлеп по лицу), отдавай (шлеп по лицу), — монотонно слышалось в камере под аккомпанемент рыданий.

«Убьют, — думал Энвер, — туда ему и дорога, иначе он бы сюда не попал».

— Отдавай (шлеп по лицу). Отдавай (шлеп по лицу).

Энвер привстал, слез с нар, прошел через всю камеру.

— Что вам от него надо? — спросил он у палачей.

— Проигрался, — сказал один, даже не взглянув на Энвера.

— Сколько?

— Пятьдесят рублей, еще позавчера должен был отдать.

— Оставь его, — сказал Энвер.

— Ты вор, браток?

— В этой тюрьме нет воров, — ответил Энвер.

— Фуфлошник он.

— Вы же дали ему время до послезавтра.

— Он и послезавтра не отдаст.

— Я его должник, я вам отдам послезавтра.

— С воли тебе долг пришлют, да, браток?

— А это уж не твое дело, откуда его пришлют, сказал, отдам вам его долг.

— Отвечаешь за свои слова?

— Отвечаю, — сказал Энвер и полез к себе на нары. «Отдавай», — услышал он снова вместе со звуком пощечины.

Левой рукой он схватил за шиворот одного, правой — другого и крепко треснул их лбами друг о друга. Один свалился. Энвер быстро поставил на ноги проигравшего и зло сказал ему:

— Дам тебе денег, вернешь им, пусть подавятся, а ты, если не можешь, так не играй, иначе с тобой и похуже что-нибудь случится, ублюдок ты чертов!

И Энвер направился к своим нарам.

— Остались еще на свете порядочные люди, — сказал кто-то.

Энвер вспомнил седого водителя и полез на нары. Вдруг кто-то крикнул. Что-то тупое вонзилось в тело Энвера возле почек и обожгло все его существо. Энвер обернулся, нож вышел из раны и теперь ударил Энвера в грудь.

— Убил? — спросил Энвер.

Тот снова ударил его в грудь.

— Убил, — повторил Энвер.

Тот ударил еще раз...

Кровь лилась на пол. Вся камера встала на ноги. Камера так дружно встала на ноги, как поднимаются сидящие за столом, когда провозглашают тост за почивших в бозе.

Энвер с трудом вполз на нары, вцепился в прутья решетки, глубоко вдохнул воздух, прижался пылающим лицом к холодному железу.

— За что ты меня мучаешь? — неизвестно к чему или к кому обращаясь, сказал Энвер.

По его худым щекам медленно катились слезы.

— За что, что я сделал?

Жизнь уходила из тела вместе с кровью. Энвер отпустил решетку и упал на пол. Сначала он увидел мать, потом бабушку. Потом он умер.

Камера села.

«Прости меня, Энвер, прости!» — выл проигравший.

На дворе было тепло, с моря дул свежий ветерок. Вечер был великолепный.

ТОПУРИДЗЕ Джемал Вахтангович (1950—1978). Прозаик. Автор единственной книги «Диоскурия — затонувший город», вышедшей в 1978 году в издательст-

ве «Мерани» уже после смерти автора и отмеченной ежегодной литературной премией Союза писателей Грузии как сборник лучших произведений, посвященных нашей современности.

Гурам АСАТИАНИ

Перевод Виктории ЗИНИНОЙ

О ГРУЗИНСКОМ

ОПЫТЫ (НЕСКОЛЬКО ПОПЫТОК) ОПРЕДЕЛЕНИЯ ТОГО,
КАК В ЛИТЕРАТУРЕ И В УСТНОМ ТВОРЧЕСТВЕ
ГРУЗИНСКОГО НАРОДА ВЫРАЗИЛИСЬ ЕГО ХАРАКТЕР
И ЭСТЕТИЧЕСКОЕ ПОНИМАНИЕ МИРА

В абсолютном большинстве негрузинских источников грузин называют бесстрашными. Характерно в этом смысле, что и Гердер пишет о «смелости» грузин как о признанном всеми факте. Редкие их воинские качества хорошо были известны восточным правителям, которые максимально использовали присущие им отвагу и рыцарскую доблесть.

Тогда как же объяснить пресловутые слова Лермонтова «робкие грузины»?

Они могли быть основаны на поверхностном впечатлении или повторять чужое, случайно услышанное мнение и, наконец, быть обязанными просто странному заблуждению. Но не может быть совсем случайным, чтобы автор «Демона» для обозначения «несмелости» из многочисленных русских синонимов предпочел все-таки «робость» (а не «трусость» или «пугливость»).

В русской поэзии прошлого века слово это наиболее впечатляюще прозвучало в известном стихотворении Пушкина:

Окончание. Начало см. в №№ 7 и 8.

грузинского характера. В этом случае одна (первичная) природа путем самоотречения (самоотрицания) переходит в другую.

Примечательно и то, что эта вторая стихия в незнакомой обстановке принимает особенно четкие, острые формы (характерно в этом случае поведение выросшего в Грузии молодого Маяковского — его вызывающее поведение в артистических кругах Москвы).

В душе каждого грузина живут два существа — антиподная пара из повести Давида Квдиашвили: застенчивый, измученный робостью Платон и удалой, бесшабашный Кириле. Второй изощряется вовсю, чтоб вывести из оцепенения робкую душу первого.

Грузин всегда чувствует себя на сцене, даже когда он в одиночестве. Ему вечно мерещится чей-то направленный на него взор, и при каждом своем движении он рассчитывает на заинтересованное внимание невидимых зрителей.

Впервые я отметил действие этого подсознательного фактора, приглядываясь к поведению персонажей Константи́на Гамсахурдиа (герои других грузинских писателей отмечены несомненно большей простотой). Но по сути своей это все-таки признак национального характера. Константи́на Гамсахурдиа всего лишь выразил его в предельном, гипертрофированном виде.

Следует отметить, что наш XX век объявил жестокую борьбу многим вредным проявлениям этого свойства — чванливости, кокетству, высокомерию, заносчивости и т. п. Но самую сердцевину его не отверг. Весьма характерно и свойство, отмеченное царевичем Вахушти в позитивном контексте и названное им «гордостью».

Тот же Вахушти особо отмечает и такую черту в грузинских войнах, отправляющихся на битву, как самолюбование. Но все это отдельные мелочи.

Главное — «чувство сцены», что в тех или иных обстоятельствах может проявляться в различных конкретных оттенках, приводить к различным результатам. Об отрицательных сторонах такого склада характера, называемого французами¹ «кокетством»,

¹ Есть у французов еще специфическое слово *rapache*, буквально означающее «султан» (на шляпе), приблизительно можно передать его по-русски как «петушень», «петушиность», но без оттенка осуждения. (См., например, Э. Ростан, «Сирано де Бержерак» — заключительные строки).

уже говорилось. Но «чувство сцены» несомненно имеет и свои положительные, нравственно «доброкачественные» стороны. Самое элементарное положительное проявление этой «доброкачественности» — подтянутость, постоянный самоконтроль, который не дает права расслабиться, опуститься, заставляет человека «быть в форме».

А самое высокое и драматичное — в том, что ощущение направленного со всех сторон взора, взыскательного и не дающего скидок, требует в конечном счете от «стоящего на сцене» подлинного героизма, полной самоотдачи.

Какие обстоятельства могли выработать в нас столь неординарное свойство?

Вероятно, потребность выхода на сцену обострена в нас и тем, что нам чаще приходилось пребывать за кулисами, что подлинное, главное действие истории проходило где-то далеко от нас, без нашего участия. Однако ведь случается и такое, что актер, удаленный с авансцены, постепенно «гаснет» и в конце концов вообще теряет желание играть, превращается в профессионального статиста?

Первооснову подобной нашей природы, как видно, следует искать гораздо глубже, опять-таки в пучине веков и тысячелетий. Но, как известно, чем глубже в истории, в прошлом кроются корни того или иного «характера», тем большую он проявляет прочность и устойчивость.

ВСТАВКА IV

КИРИЛЕ И НАЦАРКЕКИЯ

Рассмотренные нами выше образы попарно противопоставлены друг другу (Миндиа — Мурман, Цотнэ — Зураб Эристави). В одном случае демаркационная линия (хотя и пунктирно) отмечается внутри психики одной личности (Ундиладзе).

Амбивалентность не исчерпывает сложности грузинского характера. Будь это так, для определения его достаточно было бы всего двух красок. В действительности характер этот значительно богаче. Это, в сущности, поливалентное (многозначное) единство. Отсюда — многообразие его выражения, отсюда — многооттеночность, которая проявлялась в жизни и нашла свое отражение в художественном творчестве.

До сих пор мы рассматривали в основном трагические образы, ибо подлинный психологический антагонизм (как объектив-

ный, так и внутренний) с особой остротой проявляется у таких личностей в свойственных им переживаниях. Основной целью было показать, «как любили» и «как ненавидели» в Грузии. Разобраться в этом необходимо для определения основных свойств национальной психики. Но проблема не исчерпывается этим. Существенно также установить, «как смеялись» и «над чем смеялись» наши предки, какие черты их характера проявились в комическом преломлении.

Вот несколько контрастных пар, выделенных художественной литературой из этого богатого и противоречивого многообразия.

Платон Саманишвили и Кириле Миминошвили¹ — представители одного социального слоя, дети одной эпохи, типичные «дворяне осенней поры».

В чем же заключается различие между ними?

Вероятно, в том, что не определяется временем и пространством (эпохой и социальной принадлежностью), что является непреходящей приметой личности.

Нет сомнения, что образы, созданные Давидом Клдиашвили, бессмертны — свидетельством тому и неувядающая сила их художественного воздействия, и наш жизненный опыт.

Сколько Платонов и Кириле ходят и сейчас по земле Земо-Имерети, жизнь которой, однако, так неузнаваемо изменилась по своему социальному содержанию!

Не так давно одного из потомков Кириле мы встретили в романе Отара Чхеидзе «Ветер, которому нет имени». Блестящий реалистический образ самоотверженного карталинского идадьго, кровь от крови родной земли, свидетельствует о том, что характер этот по существу общегрузинский, и местный колорит в нем имеет лишь второстепенное значение.

Говоря о «бессмертии» литературного образа, как и вообще о временной протяженности чего бы то ни было, не надо забывать, что протяженность эту следует рассматривать и ретроспективно.

Где корни героев Давида Клдиашвили, их литературные истоки, архетипы их взаимоотношений (в контрастной парности)?

На мой взгляд, альянс Платона и Кириле имеет свой архетип в братстве Тариэла и Автандила. Такая связь (между «Витязем

¹ Персонажи повести Д. Клдиашвили «Мачеха Саманишвили».

в барсовой шкуре» и «Мачехой Саманишвили») замечается и в соответствующих сюжетных коллизиях, и в психологической ситуации, и в тех функциях, которые исполняет каждый из героев как сочлен побратавшейся пары.

Конечно, в повести Давида Квдиашвили все это осуществляется на пародийном уровне, однако пародия здесь действует в широком — не литературном, а жизненном — значении.

Платон и Кириле — последыши той духовной формации, того психологического рода, в зените социально-нравственного возвышения которого возникают идеальные образы Тариэла и Автандила. Их сознание и их поступки знаменуют неотвратимое перерождение. Подобно Тариэлу, Платон Саманишвили тоже «одержимый» герой — личность, охваченная одной идеей, одним желанием. Он тоже ищет свой идеал — единственный предмет своего «счастья». В этих поисках ему (как и Тариэлу) необходим попутчик и соратник. Миссию последнего берет на себя Кириле, все действия которого в повести объясняются принятой на себя обязанностью. Согласно фабуле произведения собственных интересов у Кириле нет (в этом смысле он как совершенно бескорыстный напарник даже перещеголял Автандила).

Но чего ищут эти рыцари нового времени? Здесь-то и раскрывается главная пружина жизненной иронии. Если Тариэл с Автандилом искали солнцеподобную красавицу Нестан-Дареджан, олицетворение самой жизни, предметом сокровенной мечты героев Квдиашвили является дважды овдовевшая пожилая бездетная женщина, вожденная мачеха для Саманишвили.

Бездетность — надежно гарантированное, несомненное, огражденное от всяких неожиданностей бесплодие — вот желанная цель их одиссеи.

Пародийная схема подобной коллизии определяет их поведение и характеры — душевную скованность, пришибленность Платона и, в особенности, бесшабашное легкомыслие Кириле.

Рыцарский девиз Автандила — «Смерть за друга я считаю лишь утехой сердечной» — находит в образе Кириле свое крайнее пародийное выражение.

Игра, «утеха» — доминирующий штрих всего его существа; там, где все утеряло свою первичную ценность, где все обесцелено, постыдно профанировано и таким образом лишено даже черт реальной действительности, единственной естественной реакцией на горькую иронию жизни может быть лишь отчаянная, бесшабашная, самозабвенная, веселая игра.

Кириле внешне похож на гоголевского Ноздрева. Но он все не «грузинский Ноздрев». Это подлинно самобытная личность

— по своей литературной генеалогии, духовному строю, судьбе, манерам, стилю самовыражения. Прежде всего, что бы ни делал этот великий дебошир, как бы ни смущал безудержным легкомыслием своего друга-прагматика, он все-таки пустился путь не ради себя, а во имя жизненно важных интересов другого и радуется за осуществление его замысла, его убогой выдумки. Кириле ничто свое не волнует, его не тревожит завтрашний день, он вовсе не сожалеет, что тратит время на другого, и тем более не ставит это себе в заслугу, нисколько не заботится о личной выгоде. Одним словом, он с искренней любовью, от всей души, легко — «играя и с песней» (Руставели) — исполняет свою добрую миссию.

Нельзя, конечно, не заметить, как много грусти в этой «утехе». И все-таки не одно уже поколение, глядя на его злоключения, смеется от всей души!..

Иная взаимная связь обнаруживается при сравнении двух литературных персонажей XX столетия — Кваркварэ Тутабери (Поликарэ Какабадзе) и Бата Кекия (Демны Шенгелая).

Они тоже — явные антиподы. Первый — человек действия, авантюрист с гипертрофированными инстинктами диктатора, другой — «мешок раздумий», мастер словесной медитации. Он копаются не в золе, а в бездне собственной души и находит утешение в постоянной болтовне.

Удивительно, но и у этих героев — общий и древний стержень. В грузинском фольклоре их прадед — Нацаркекия («Золотуд», буквально «копающийся в золе»), самый смешной и в то же время самый симпатичный герой наших сказок.

Не так давно я прочитал где-то, что грузин никогда не пел хвалу лени.

Как сказать!

Предок Кваркварэ Тутабери и Бата Кекия явился на этот свет отнюдь не только для того, чтобы своим нравом и своими поступками вызвать презрение к лени и помочь грузину преодолеть ее.

Такая прямолинейная мораль не свойственна фольклору.

Конечно, лень — главный объект для смеха в сказке о Нацаркекия, но попробуйте исправить этого героя, превратить его в трудолюбивого и бережливого муравья и увидите, на кого он станет похож!

Вне лени Нацаркекия (как Иванушка-дурачок без своей генеральной «простоты», придурковатости), если не целиком, то хотя бы наполовину утерять бы свою уникальную привлекательность. Ибо это не простое бездельничание, это «философская» лень с постоянной мечтой о невозможном — участь неисправимого проектера и романтика.

Кому нужен Нацаркекия вне своей лени и бахвальства? И бахвальство его ведь не обычное! Ему важно победить самого большого врага — великана Бакбак-дэва, а со всякой мелочью ему даже и зазорно связываться.

Кто знает, который уже век грузин смеется от души над собой, умирает со смеху, с горечью посмеивается, когда уличает своего соотечественника в «хвастовстве», и все-таки что-то трогает его, есть что-то такое, чем ему трудно поступиться в этих, казалось бы, постыдных слабостях. Это «нечто» — их сущность.

Не дай бог, чтобы душа такого существа всецело прониклась педантичной аккуратностью, чтобы в ней не осталось места для «беспочвенной» мечтательности или чтобы жизнь полностью освободила этот характер от жгучего желания выделиться, «погарцевать», покрасоваться.

Это все равно, что запретить грузинскому танцору приподниматься на кончиках пальцев.

И Кириле, и Нацаркекия (вместе с внуками последнего — Кваркварэ и Бата) — составные элементы грузинского характера. Как мы не раз уже замечали, характер этот весьма сложный и многообразный. Он не выточен из единого, цельного камня. Можно сказать, что это скорее мозаичный характер, нежели скульптурный, и из этой своеобразной мозаики нельзя выкинуть ни единого камешка, не разрушив общей композиции, не обеднив гаммы красок, не посягнув на многосложную целостность ее замысла.

ВСТАВКА V

КРАТКАЯ ИСТОРИЯ

На улице Мачабели, где некогда любили прогуливаться грузинские писатели, у калитки довольно-таки мрачного двора целый день стоял старик в ветхой брезентовой накидке, с руками, трясущимися от паркинсоновой болезни. Он с чуть заметной улыбкой провожал взглядом прохожих. Никто не слышал его голоса. Помнится, однажды, в 60-х годах, один мой старший коллега заговорил с ним. Оказалось, что это был сын известного тбилисско-

то коммерсанта, владельца нескольких богатейших домов (именно в этом районе города), учившийся в свое время в парижских и женеvских коллежах. Сейчас он жил в одной маленькой комнате, в полуподвале.

Неожиданно для нас беседа приняла довольно приятный характер. «Жертва экспроприации» оказалась довольно вежливым, терпеливым собеседником. Мы осмелели и спросили, почему он так загадочно улыбается, глядя на прохожих.

— Эх, добрые мои сограждане! Как мне не улыбаться? Вы, вероятно, относитесь к породе тех светлой памяти князей, что так же беззаботно, как вы сейчас, прогуливались по Сололаки. Какие бывают на свете хитрости и уловки, вам не хуже нас известно, но то, как они обвели нас вокруг пальца... Такое не пришло бы на ум самому Аль-Капоне.

Когда начался наш благословенный век, все эти князья с ума походили. Все, что у них было, — землю, поместья — закладывали или спускали за бесценок. Что творилось! Фаэтоны, кутежи, шарманки, музыканты, ортачальские сады, потом «Ориант», Захар Захарыч... Представьте себе, открыли даже «Кафе артистик»!

Мой бедный отец и его братья подумали, что поймают в мутной воде крупную рыбину. Бедняги затягивали ремни до последней петли, копейку прикладывали к копейке, чтобы скупить те дворянские земли. Наконец сбылась их мечта, но тут нагрянул семнадцатый год, а потом — это вам тоже хорошо известно, что с нами стало...

Вашим князьям остались воспоминания о бурных днях и пирах, а наши коммерсанты заработали гастрит да язву. Скажите теперь, кто оказался умнее?

В нашей литературе не раз находил отображение весьма примечательный аспект национального понимания идеи счастья. Говоря обобщенно: грузинская душа не находит счастья в одиночестве. У одиночества несколько разновидностей, из них самая трудная для грузинского характера — «эмиграция», как в узком понимании этого слова (отрыв от родного окружения), так и в широком (отрицание собственной природы, растворение в других, нивелирование).

Лучше мне умереть —

Какая радость в пребывании на чужбине!

Эти слова жены канцлера Леонидзе из поэмы Бараташвили «Судьба Грузии» обретают в полном контексте его творчества глубокое философское значение. В них отразилось органическое свойство национального самосознания (вспомним: самое большое лишение, которое готов принять всадник Николоза Бараташвили, — это быть отторгнутым от родины).

Так же трагически звучит через столетие у Галактиона Табидзе: «Он на чужбине дух свой испустил, и глаз закрыть никто ему не мог». В истоке обоих этих образов — слова Автандила:

Если рок меня захочет погубить в чужой стране, —
Странник, я умру в дороге, сам с собой наедине.
Не сошьют друзья мне саван, не схоронят в тишине...

Можно привести еще множество литературных примеров. Грузинский дух не мирится с пребыванием на чужбине. Чужбина — одиночество, оторванность от родного окружения (сородичей) в грузинской литературе представлена как страшное несчастье.

Даже самые великие сирые и одинокие души грузинской поэзии — Николоз Бараташвили и Галактион Табидзе — в отличие от их западных духовных собратьев не находят никакой прелести в своем одиночестве. Сиротство души, бездомность («Бездомная душа» Галактиона) для них крест, а не венец.

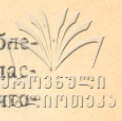
Качества эти должны иметь глубокие корни в грузинском характере. Корни, восходящие к самим истокам.

Примечательный факт:

Даже в нашей церковной литературе конфессиональное понятие «счастья» (духовная полнокровность, близость к Всевышнему) связано не столько с отшельничеством, сколько с групповой, товарищеской деятельностью (с созданием, в основе которого лежит любовь).

Не случайно первые герои-отшельники агиографической литературы (насилно или добровольно оторванные от окружающих) — Шушанник и Або — по происхождению не грузины. А самый полноценный образец собственно грузинского варианта жизни святых — «Григол Хандзтели» рисует не жизнь единичных деятелей, а историю единых деяний монолитно сплоченной группы.

Разумеется, наша церковная литература не была в этом смысле совершенно оригинальной. Нам важно, однако, отметить, что «путь к освобождению» гений христианства на грузинской почве увидел, в первую очередь, именно в этом направлении.

Одиночество и его неприятие — большая и сложная проблема (в наше время особенно обостренная), но у нее имеется опасная грань, рассмотреть которую необходимо с самого начала, чтобы оградить себя от возможных недоразумений.

Русский критик и искусствовед нового поколения Георгий Гачев (один из талантливых учеников М. Бахтина) в статье «Гранат и гроздь», опубликованной в «Литературной Грузии» (№ 6, 1979 г.), высказывает по поводу грузинского характера такое мнение: характер этот ярче всего проявляется в хоровом, созвучном пении, когда каждая индивидуальность отступает на второй план и отдает первенство гармоничному единству.

В этом соображении есть зерно истины, но если принять его полностью без оговорок, можно дойти до абсурда.

Не только потому, что вся наша национальная история в итоге — история постоянных схваток индивидуальностей, но и в силу того обстоятельства, что самое верное, самое глубокое проявление грузинского духа — грузинская поэзия (все поистине значительное, что создано на грузинском языке) представляет собой острейшее выражение противоположного начала.

И в грузинском хоре главное не само по себе созвучие, а то, что это — созвучие полифоническое, подразумевающее в самом себе необходимые различия.

Одноголосие, однообразие по самой сути своей неприемлемы для нашего эстетического мировоззрения.

Об этом свидетельствуют и грузинская песня, грузинская поэзия, грузинское зодчество; и даже сами грузинские народности, составляющие нацию, не просто отличны, а почти что полярны по характеру (исходя из последнего, можно сказать, что грузины больше всего не похожи друг на друга).

Мы не терпим «пестроты» (если мы чего и не приняли, не переняли от восточной культуры, то в первую очередь именно присущий ей культ пестроты). Но и с однообразием не миримся. Монотонность так же мешает нам дышать в жизни (в природе, в общении, в труде, в ежедневной работе), как и в мышлении, и в художественном творчестве.

Наш идеал — контрапункт, составленный из отличных, отдаленных друг от друга или даже противоположных голосов, частей — не простое смешение «пестроты» и «однообразия», но качественно новый, особый синтез.

Удивительно: больше всего, казалось бы, грузин соперничает с грузином, но жить друг без друга они не могут, ибо хотят померяться силами именно друг с другом.

Это относится не только к далекому прошлому. Кому известно, что происходило уже в нашем веке в кругах немногочисленной грузинской эмиграции, какую трагикомическую форму обретали там стычки не на жизнь, а на смерть между той и другой горсткой грузин (представителями уже лишь фиктивно существующих группировок), тому в особенности должно быть понятно, что подразумевалось под этим безудержным соперничеством.

То, что качества эти принесли нам в истории огромный урон, знает сегодня даже ребенок. Я не собираюсь скрывать это, а тем более отрицать их вредные последствия.

Но только не следует забывать, что все это — лишь одна сторона отмеченного свойства, вернее, результат его одностороннего действия.

Само по себе свойство это многостороннее, полное внутренних противоречий. Корень его — в своеобразном понимании сути жизни и вытекающей из него своеобразной жизненной морали.

Если в самом деле существует «птица» Сулхана-Саба Орбелиани, то тогда «не обасурманивайся» — универсальный лозунг, ибо «басурман» для грузина был синонимом не человека («басурман» не сделал бы этого!) — говорит в «Мацц Хвитиа» разбойник-колх своему безжалостному товарищу).

Не человек, то есть не личность, не индивидуальность...

Грузин согласен принимать участие только в таком единстве, которое состоит из полноценных, равноправных (по его мнению) единиц. Раствориться в безликой массе невыносимо для него. Поэтому, вероятно, он проводит дни и ночи напролет в «бесполезном» застолье («если их двое или трое, то не ведают горя и не заботятся ни о чем»), но и получаса не вытерпит в очереди за тем, что необходимо ему как воздух. Вражда — лишь вторая сторона, изнанка главного свойства грузинского характера. Основная, лицевая сторона — острейшая потребность дружбы, родства, жажда взаимной открытости, душевного единомыслия!

Мы относимся к числу тех сравнительно малочисленных народов, в духовном бытии которых дружба — не практическое со товарищество с практическими целями; согласие, а именно дружба в самом высоком, лишенном утилитарности, сугубо духовном

¹ Примечательно, что тот же Вахушти располагает эти свойства в такой последовательности: «дружба, родство, взаимная вражда».

своем значении (как взаимостремление мыслей и самих личностей), занимает ведущее место в иерархии нравственных ценностей.

Присущая грузину жажда такой дружбы и является той чертой, которая не позволяет ему уединяться. Грузин без друзей в этом смысле — не грузин.

И здесь мы замечаем странное свойство: грузинский вариант дружбы, как правило, подразумевает не схожесть характеров, не однообразие, а именно различные, а то и противоположные его свойства, своеобразное «противопоставление».

Классический пример тому — дружба Тариэла и Автандила в поэме Руставели.

Взаимостремление Тариэла и Автандила (в отличие от множества других литературных пар от Ахиллеса с Патроком до Роланда и Оливье) обусловлено не только конкретными (социальными, кастовыми) факторами, но и еще одним необходимым обстоятельством.

А именно — их различными, неидентичными, даже, с определенной точки зрения, антагонистическими характерами.

Правда, они дети одного времени, представители одного социального слоя, их биографии до определенного момента жизни похожи, верно и то, что оба они своим поведением олицетворяют идеал рыцарства — но резец художника высекает и индивидуальные штрихи портрета каждого из них.

Тариэл и Автандил — резко отличные друг от друга индивидуальности, из «множества красок» мира на палитре души каждого из них отобраны разные, отличные одна от другой, контрастирующие краски, а их взаимное влечение обуславливается той парадоксальной закономерностью, по которой притягиваются друг к другу день и ночь, море и суша, плюс и минус.

И Тариэл и Автандил окружены схожими с ними людьми, но они тем не менее интересуются именно друг другом, и с тех пор, как между ними возникла дружба, лишь будучи вместе могут они подавить в себе горечь одиночества.

Суждение это можно распространить еще в одном (правда, второстепенном) направлении. Автандил и Тариэл — две крайности, дополняющие друг друга, но этого для них (вернее, для Руставели) недостаточно. Необходим и Фридон как «третий голос» (по сравнению с теми двумя — нейтральный, вспомогатель-

ный), который придает законченность контрапункту и создает полную гармонию.

ВОСПОМИНАНИЕ

Как-то один знакомый рассказал мне: «В 70-х годах я лежал в московской травматологической клинике. Когда меня оперировали, я, чтобы не кричать, жевал платок. Ассистентка смотрела на меня, смотрела и наконец сказала: «Нет, вы, должно быть, не грузин». Оказалось, что мои предшественники, известные грузинские спортсмены (среди них — настоящие богатыри) оглашали операционную криками и стонами. Ассистентка знала наизусть весь их репертуар: «Ой, мамочка!», «Ой, мама моя!», «Мама, помоги!» и т. д.

Вспоминая об этом, я не могу не привести и хевсурское стихотворение о том, как раненный в голову хевсур пришел к матери:

Пришел он к матери,
Широко улыбаясь,
Откинул со лба вихор,
Обнажил рассеченную голову.

Выходит, мы изменились? Не думаю. У жителей гор и долин разные нервы. Но и «широкая улыбка», конечно же, маска. Тому, кто легко переносит боль, не нужна напряженная гримаса.

Грузин любит говорить о своей беде, стремится вызвать сочувствие к себе и даже немного преувеличивает собственную боль. И наши великие поэты — в том числе и венценосные — не стыдились говорить о своей боли.

Это можно было бы объяснить просто — мягкостью характера, экспансивностью, ослаблением сдерживающих центров. Но главная психологическая причина потребности рассказать о своих бедах, на мой взгляд, другая. Я уже произнес выше ключевое слово — «сочувствие».

Грузинский дух — это жажда, поиски сочувствия, право на которое грузин завоевал тем, что со своей стороны всегда готов (или, по его убеждению, всегда обязан) проявить максимум сочувствия к другому.

Отзывчивость, сострадание в глазах грузина — это чувство, которое не следует порицать ни когда жалеешь другого, ни когда жалеют тебя.

Я, разумеется, преувеличиваю. И среди грузин встречаются люди самых разных характеров; имеет значение и принадлежность

к тому или другому из грузинских племен, и воспитание, и эпоха, и социальное происхождение (не говоря уже о возрасте).

Но здесь (как и во всех других случаях) я ищу основное, подразумеваю самое характерное. И, что главное, сравниваю с другими национальными характерами, поскольку все национальные качества (так же, как и лично-человеческие) в конце концов от-носительны.

В абсолютном смысле все люди похожи друг на друга: различия ничтожно малы перед лицом всеобъемлющего сходства. Кроме того, ясно, что мои суждения не свободны от известного налета субъективности.

В своих наблюдениях я и здесь, как прежде, опираюсь на литературу. Примечательно, что эта черта оказалась не чуждой и современному грузинскому поэту.

Выдержу боль, если ждет меня
Мученье — вынесу его, как титан,
Только умножь сочувствующих мне,
Тех, кто может принять в свое сердце
чужую боль.

Не хочу забегать вперед, но удивительным показалось мне одно совпадение.

Этот «титан» ведь — Прометей! И вот в памяти непроз-вольно всплывают слова Галактиона:

Там кто-то стонет с давних, давних пор...

Это стонет Амирани, наш Прометей.

Грузинский поэт заставляет стонать Амирани (испытывающего физические мучения) и не стыдится этого, не считает это унижительным для своего героя. И пусть все слышат, пусть достигнет этот, вызванный невыносимой болью, стон до ушей каждого, до сердца каждого (того, у кого есть сердце)...

ЕЩЕ ОДНО ВОСПОМИНАНИЕ БЕЗ КОММЕНТАРИЯ

I. В прибалтийском фильме бандит, сраженный автоматной очередью в живот, говорит своему убийце (с совершенно спокойным лицом и с такой же интонацией): «Ты не знаешь, как это больно...»

II. В финале «Мамлюка» грузин узнает умирающего грузина по двум грузинским словам: «Ой, мама!...»

«Ой, мама!..» — как жалобный стон младенца, раздаётся среди огромных безмолвных пирамид...

Обратимся снова к Хевсурети — самому своеобразному, отдалённому от всех других уголку Грузии (вспомним, что это название нередко выражает в крайней форме типичное, характерное).

Сочувствие получило здесь выражение в двух крайних формах: в обоих случаях — чувство это, вырастающее из глубины человеческих взаимоотношений, поднимается на новые уровни, новую высоту.

В балладе «Тигр и юноша» мать юноши приходит к матери тигра, чтоб выплакаться самой и облегчить другой матери горе; подсознательный импульс ее действия, казалось бы, ясен. Ею движет скрытая надежда — если ей жалко мать тигра, почему бы и той не суметь понять ее горе?

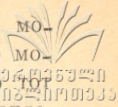
В этой беспредельной наивности — ключ к беспредельной мудрости. Ее исток — в исконной мечте человека, в жажде всеобщего взаимопонимания душ (живых существ). В грузинском фольклоре желание это связано с тем редко встречающимся метафизическим сознанием, выразителем которого в русской литературе признавали Достоевского. Это «вина всех перед всеми и перед всем» — суть духовного кризиса и исток трагического возвышения Хогаис Миндиа.

Финал народного «Змееда» представляет собой вторую (еще более высокую) вершину грузинского понимания сочувствия, сострадания, которое здесь распространяется уже за пределы земного:

Солнце адело, сердилось,
Умирал Хогаис Миндиа,
Закатывалась звезда,
Луна сходила с круга.

В финале своей одноименной поэмы Важа Пшавела, напротив, рисует смерть Миндиа на фоне равнодушной природы — хотя мотив этот не повторяется во всех его произведениях: Природа в стихах Важа Пшавела то удивительно равнодушна к человеку, то горячо сочувствует ему, поскольку и она не однообразна, и она опирается на различные, противоречивые начала.

Осколки космического оплакивания Миндиа Важа Пшавела «контрабандой» вносит в другую свою поэму («Когда умирал Гигла, горы сходились, чтобы оплакать его», и там же: «Горька смерть твоя, храбрец! Как не рухнет мир, не обвалится купол небесный»).

Космический плач над погибшим героем — древнейший мотив в фольклоре как грузинского, так и других народов. Но этот мотив особо связан с образом Миндиа.: Змеед — именно тот человек, та личность, которую вместе с людьми должна оплакивать сама природа.

Думается, что иная огласовка этого мотива у Важа Пшавела вызвана не авторским капризом. Здесь содержится некая скрытая мысль: поэт хочет сказать, что мир (природа) оплакивает не только своего избранника (избранного среди избранных, сверхчеловека), но и вообще человека (если он настоящий человек), конец любой человеческой жизни (если жизнь эта была по-человечески полноценной).

При таком понимании мотив космического плана приводит нас к разгадке еще одного аспекта грузинского характера.

«Грузинский характер никак не может примириться со смертью» — это, казалось бы, уже ходячая истина. Лично я записал ее лет двадцать тому назад под диктовку сугубо импрессионистских данных.

Монтень посвятил страху смерти специальную главу в своих «Опытах». Философия, по его убеждению, должна помочь человеку побороть страх смерти. Монтень исходит из общеизвестной сентенции Лукреция, согласно которой смерть никак не связана с нами: пока мы существуем, нет смерти, когда она приходит, нас уже нет.

Нам же, грузинам, трудно примириться со смертью, с мыслью о ней.

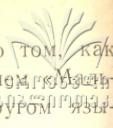
В этом, вероятно, определенную роль играет и древность нашей нации, и развитая психика (мысль о смерти особенно потрясает того, кто может явственно представить себе все ее пугающее обличье).

Вероятно, следует принимать во внимание и нашу немногочисленность («Грузия, есть ли у тебя сыновья, которых ты можешь потерять!»).

Но это неприятие смерти имеет еще один мировоззренческий аспект, который может оказаться для нас весьма интересным (об этом немного ниже).

Каждый грузин, который помнит свое детство, долго еще считает, что его бабушка была самой доброй бабушкой на свете, что его тетушка никогда ничего не жалела для своих племянни-

Гурам АСАТИАНИ. О ГРУЗИНСКОМ.

ков (или племянниц), что все соседи думали только о том, как бы порадовать его, что более гуманного произведения, чем «Безымянный чик Сэсэ» Шио Мгвимели, не создано ни на одном другом языке.

Постепенно человек меняет свои взгляды. Но первое впечатление еще долго тлеет под пеплом позднейшего скептицизма.

Удивительно не то, что среди грузин встречаются люди холодные, желчные, с низкой душой. Удивительно, что сердце грузина не окаменело вообще — ведь на его долю выпало столько невзгод, он претерпел столько несправедливости, видел столько бездушия.

И вот мы подошли еще к одному весьма важному, возможно даже основному свойству грузинского характера. Обычно его называют «широтой души» или «великодушием». Это емкое понятие требует, однако, уточнения и, пожалуй, расчленения. Но пока что мне хочется остановиться на одной детали, упущенной мной в предыдущей главе.

Мелочность, мелкость души не чужда грузинскому характеру. В мелочах он бывает порой удивительно малодушен (малодушие — в пушкинском смысле — «в заботах суетного света он малодушно погружен»), удивительно нетерпим, но в главном, в основном (в особенности если он отрывается от сферы личных интересов) он скорее склонен проявить широту (или высоту) души, великодушие.

У великодушия несколько оттенков, которые особенно близки нам. В первую очередь речь идет о терпимости, о толерантной настроенности.

Мы живем на участке планеты, где издавна взаимно враждебные этнически-политические учреждения — государства, племена, религии — поедали, словно скорпионы, друг друга. Здесь господствовал закон насилия и захвата, сильный покорял, унижал слабого, а тот должен был ползать и пресмыкаться, прятаться в темных ущельях или стлаться под ноги сильнейшему, чтобы как-то спастись, сохранить свое убогое существование.

И вот в этих жестоких условиях грузинский народ проявлял почти на всех этапах своей истории редчайшую терпимость, редчайшее милосердие ко всем народам, к представителям любой национальности.

Символом этой терпимости является хотя бы небольшой район старого Тбилиси, где на протяжении веков соседствовали на столь малом пространстве с православным, католическим и григорианским храмами мечеть и синагога!

А что у нас обрели вторую родину многие обездоленные народы, утратившие свое национальное бытие, знают все.

Примечательно, что все это мы делали, не ожидая благодарности. Никогда не завидовали богатству других и никого не громили (зато нередко приходилось вмешиваться, чтобы примирить поднявшиеся друг против друга пришлые народности).

Естественно, что сегодня они благодарны нам и поминают нас добрым словом.

Со слезами на глазах слышим мы все такие слова благодарности и удивляемся, словно не заслужили их!

Вообще-то не стоит преувеличивать. Идеальных условий ни для кого мы не создавали (многое ли мы имели сами, чтобы баловать других!).

Порой, случалось, мы и попрекали приютившихся у нас, но скорее с мягким юмором, нежели со злой иронией. Иной раз, может быть, и наносили этим обиду, но что поделаешь, ничто человеческое никому не чуждо, и мы ведь не ставили спектакль «дружбы», а жили и дружили так, как диктовала нам наша природа, самая суть наша.

Бывало, замечали и коварство, но и это старались превратить в шутку.

Милосердие как свойство духа мы пронесли до нашего века, и (что скрывать) порой, когда мы забывали меру — как правило, дорого, очень дорого обходилась нам наша хваленая отзывчивость.

Не случайно в последнее время этому свойству нашего характера некоторые зоркие патриоты объявили настоящую войну.

Я хорошо понимаю их, любое достоинство может перерасти в абсурд, если действовать без ума. Когда стелешься ковром перед тем, кто пришел тебя подавить, ты в самом деле только смешон, и больше всех смеется тот, кто явился к тебе с этим намерением.

Что может быть страшнее смеха врага?

И все-таки...

Как бы нам ни стараться, мы этим навыкам не изменим, ибо это наши природные навыки, присущий нам нрав, и утратить его — значит утратить что-то кровное, жизненно необходимое.

Пусть никто не думает, что мы по простодушию не замечаем коварства и вероломства. Разве мало мы видели его и испытали на себе?

Но природа, а затем учение Христа заложили глубокие корни милосердия в нашем духовном наследии.

Грузину вражда и ненависть не доставляют удовольствия, скоро надоедают ему. Как надоедает, к примеру, Арсену мстительное желание казнить предателя Парсадана:

Жаль мне врагов моих, не умею враждовать..

Иногда приходится слышать разговоры о мстительности грузин. Если мы отложим все другие свои дела и начнем мстить тем, кто причинил нам зло, понадобится еще несколько веков, чтобы отыскать всех, заслуживающих нашего мщения.

Впрочем, отдельные случаи мести встречаются кое-где в Грузии и сегодня, мстительный инстинкт проявляется в некоторой неодинаковой степени в разных грузинских племенах (так же как упрямство и замкнутость), но в целом грузинский характер склоняется больше к прощению. Не будь это так, мы давно захлебнулись бы в крови.

Мщение никогда не входило в состав грузинской национальной идеологии, дух мщения отсутствует и в литературе, и в принципах права, и в государственной политике Грузии минувших веков. Этим объясняется та трагическая острота, которую приобрела проблема справедливого мщения в грузинской литературе XIX столетия (в частности, по отношению к народам Северного Кавказа).

Нам ставят в упрек обычай кровной мести... Вероятно, не все понимают до конца первооснову этого закона. Кровная месть в горах Грузии была введена как кара за убийство. Если бы не страх перед этим непреложным законом, что могло бы сдержать пылкий темперамент не расстававшихся с оружием горцев!

Разумеется, это — исключение, но и оно носит на себе отпечаток общего правила.

Дух милосердия выработался в нас отнюдь не под влиянием мягкого климата или мирного течения истории. Наоборот, он выковывался в длительной борьбе с навязанными нам условиями существования.

Здесь мы могли бы признаться в «национальном эгоизме». В милосердии ведь нуждался сам грузинский народ, который на протяжении веков был лишен соседей одинакового с ним духа, одной с ним мысли, и от каждого нового соперника, нового экспансиониста должен был защищать свой уклад, свои обычаи, свою веру.

Разумеется, это (надежда на милосердие) скорее походило на мечту, нежели на выработанное трезвым разумом правило,

могущее служить руководством к действию, но так или иначе, мечту эту мы хотя бы частично реализовали в нашем собственном индивидуальном поведении.

В спектре великодушия один из оттенков, соседствующих с неотмщением — это милосердие. «Милосердный» — неотъемлемый, любимейший эпитет в грузинском нравственном лексиконе.

Кто зародил в нас это чувство, от кого мы его получили, как сумели сохранить?

Быть может, первопричина его — наше небо? Вот именно! Да, да, вне всякой метафоры — беспредельная голубизна этого неба! Не будь его, не будь этой безмятежной синевы — от этого свойства грузинского характера и следа бы не осталось.

О, ты бездонно, небо родное..

Сострадательная природа грузина и неугасимый в нем талант милосердия в самом деле похожи на чудо, и объяснить их полностью с помощью историко-социологических аргументов лично мне кажется невозможным.

Тем более нам следует быть осторожными.

Сохранить чудо — труднейшее дело. А без чуда грузинский дух теряет свою таинственную притягательность.

ВСТАВКА V

АРСЕН

«Простонародный» вариант идеального грузина — это Арсен Одзелашвили, центральный персонаж баллад мествире¹, «грузинский Робин Гуд». Этот образ — тоже своеобразное отклонение от нормы, поскольку Арсен по своему социальному положению резко отличается от большинства: он не пашет, не сеет, не жнет, он — разбойник.

Арсен — исключение. Его характер и образ жизни определяются его одиночеством. В отличие от Робина Гуда он разбойник-одиночка, ему не с кем разделить горе, у него нет друга, соратника. Тем более самозабвенно тянется он к народу.

¹ Мествире — бродячий певец, аккомпанирующий себе на ствири (волынке).

Официально, в соответствии с правом и узаконенной моралью он — человек зла, преступник и сам отдает себе в этом отчет (хотя бы подсознательно), нередко чувствуя смятение: «Сиделось нынче мне, что кровью бороду я омываю».

И вот такая, казалось бы, отрицательная, хотя и неординарная личность сохраняет в глазах народа, в народном слове идеальные черты — более того, сплошь и рядом проявляет их с особенной яркостью, во всей полноте...

Но посмотрим, чем привлекает воображение грузинского крестьянина образ Арсена, почему, по его убеждению, господь должен «даровать мир» беглому крепостному Заала Бараташвили?

Вспомним, как начинается в «Сказании об Арсене» характеристика героя:

**Скатерьт стлал он по дорогам,
С бедняком сидел на пире...**

В портрете какого литературного персонажа найдем мы такие штрихи? Какой народ мира, рисуя образ своего избранника, как первый атрибут его характера называл именно это качество?

С бедняком сидел на пире...

Этот развернутый эпитет вовсе не означает простую бесшабашность и еще менее пристрастие героя к вину. Мы видим здесь несколько необычную любовь к пирам:

Скатерьт стлал он по дорогам...

Это — вольность души, широта натуры, тратящей себя не ради своего, узколичного удовольствия, а чтобы раздать себя другим, подарить радость многим.

«Скатерьт стлал он по дорогам» — это широта, при иных обстоятельствах выражающаяся в самоотверженной помощи ближнему:

**Сам он с плеч своих рубаху
Для раздетого снимает.**

Здесь суть не в том, что «наденет» на другого, а в том, что «снимет с себя», то есть отдаст, не задумываясь, последнее, чтобы одарить другого.

И Руставели ведь учит тому же: «Что припрячешь — то пропало, что раздашь — вернется снова». Строки «Сказания об Арсене» — просто народная версия одного из главных пунктов рыцарского катехизиса «Вепхисткаосани».

Арсен и на пиру, конечно, такой: разделит с гостем последнюю, предложит другому лучший кусок; это тамада и виночерий — добрый и ласковый, открытый и отзывчивый.

Арсен знает, что грузину более всего нужны приволье и бодрость духа, их требует широта его природы, — потому и расстилает он скатерти на всех дорогах. Будь это в его власти, он развернул бы скатерть на всей земле, каждому прохожему предложил бы маленький граненый стаканчик вина, всех приветил бы ласково — старого и малого, слабого и сильного, врага и друга.

И ведь погибает Арсен именно потому, что приглашает своего заклятого врага разделить с ним трапезу.

Пиршество Арсена не есть дионисическая оргия. Несколько сродни ей тут лишь общая любовь к пирам, жажда вовлечь в веселье как можно больше участников, но этим сходство исчерпывается. Мы не видим здесь никакой безудержности, животной страсти.

Арсен и во время пира сохраняет чувство собственного достоинства. Простое происхождение не мешает ему поступать по-рыцарски; это не простолюдин, выбившийся в рыцари, это рыцарь бедноты в полном смысле этого слова.

Но рыцарство среди грузин-простолюдинов — не такая уж редкость как в литературе, так и в жизни.

Объективно героическая суть Арсена выражается в том, что он защитник крестьян, заступник вдов и сирот.

Субъективно же высочайшим проявлением его характера и морали является его отношение к Парсадану.

Прощение Арсеном смертельного греха Парсадану — психологическая кульминация «Сказания об Арсене». Именно здесь проявляется вся глубина его природы, его характера.

Не случайно в основе этого эпизода лежит христианский мотив (диктат «крещальной купели», породившей Арсена с Парсаданом).

Характер Арсена в основе своей — продукт христианства.

Дух христианской терпимости впитан им по велению сердца. Христианство — его природа, вера, присущая ему от рождения, а не избранная из страха перед неким всемогущим богом.

По природе своей Арсен — бесстрашный человек, он не боится ни бога, ни дьявола. О «погибели души» он вспоминает по-

дно (скорее ради красного слова), когда гнев его остывает. И, что примечательно, основное свойство его характера проявляется во всей полноте именно в отношении вероотступника.

Парадоксальность главной коллизии «Сказания об Арсене» состоит в том, что в ответ на подлость в герое рождается великодушие.

Возможно, в этом слабость Арсена, роковая ошибка его «бедного сердца», но без этой слабости Арсен не был бы Арсеном, не был бы любимым героем грузинского народа, грузинского крестьянства.

В эпизоде прощения Арсеном Парсадана выражено глубинное свойство нашей национальной (не только элитарной, но общенародной) нравственности, поскольку мягкость сердца — непременная составная часть этики грузина.

Второй парадокс состоит в том, что Арсен, натура добрая и чистая, человек, творящий благие дела, исполняющий божественную миссию, почти святой, все-таки разбойник. Правда, не из тех, кого распяли рядом с Христом, но все же разбойник.

Понятно, что в образе Арсена выразился также стихийный протест трудового народа, революционный дух, классовая мечта и т. д. Но почему все-таки народ возложил венец милосердия на разбойника?

Впрочем, какой Арсен разбойник? Там, где он прошел, не пролилась ни одна слеза — лишь черная кровь из отрубленного у Кучатнели уха.

Не будь этого, об Арсене вспоминали бы с горечью. Между тем «Сказание об Арсене» заключается словами:

**Здесь был лучшим среди лучших,
Там — бессмертьем осенится!**

Вспомним, как воспринимает народ весть о смерти Арсена. Правда, в «Сказании» нет космических сдвигов, как в балладе «Хогаис Миндиа», но зато несколькими выразительными штрихами передана народная скорбь, точнее — не скорбь, а потрясение, ужас:

**В Мцхете плач. Когда об этом
Люди мцхетские узнали —
Эти вброд переправлялись
Те по мосту пробежали.**

Не нужно напрягать фантазию, чтоб представить себе, как сбегаются мцхетские жители к еще не остывшему телу Арсена в отчаянии, в ужасе, с болью в сердце и с искоркой надежды, что, быть может, он все еще жив...

И все это — ради человека, который не пожелал жить одной жизнью с ними, подался в разбойники.

Есть в «Сказании об Арсене» еще множество сравнительно второстепенных мотивов, свидетельствующих о христианской природе героя, в том числе и полукомические.

Эпизод расправы Арсена с купцами — своеобразная народная интерпретация руставелевского идеала «справедливости и милосердия».

Соответственно, все происходит в прозаической обстановке и передается «низким», будничным стилем:

Вырезал он из кизила
Палку пядей в семь длиною,
Отдал им, сказал: «Не смейте
Мерить мерою иною!
Если только я услышу
По селеньям, где я езжу,
Что убавили вы меру,
Всем вам горло перережу!»

В этой сцене Арсен выглядит немного странно, перебарщивает, красуется, играя чужую роль, утверждая себя как суровый «судья», олицетворяющий «справедливость». Подсознательный импульс поведения Одзелашвили, скорее всего, таков: он чувствует, что купцы хорошо знают его доброту, и потому намеренно выставляет себя грубым и жестоким.

Немного погодя в Арсене как бы пробуждается уже «профессиональный» инстинкт:

Тут он вовсе рассердился,
Надал купцам по шеям
И забрал у них бесплатно
То сукно для архалука.
Говорит: «Слыхал я, деньги
Есть у вас в карманах... Ну-ка,
Вынимайте поскорее!
Деньги мне нужны в дорогу».

На этот раз все в порядке: Арсен выказывает повадки обычного разбойника. Но тотчас же за этим следует совсем неожиданный для разбойника жест, который в глазах народа естественен (исходит из природы Арсена), что передается совсем просто, в двух строках, безо всякой акцентировки.

Когда испуганные купцы, коротко посоветовавшись, решили откупиться от Арсена («Может, нас в живых оставит») и дали ему пятнадцать туманов:

**Взял себе он пять туманов,
Десять отдал им обратно.**

Попробуем представить себе картину (психологически небезынтересную), подразумевающуюся в этих двух немногословных строчках.

Купцы, вероятно, положили деньги Арсену в карман (возможно, в кошелек или завернув в какую-нибудь тряпицу), потом поспешно увязали в узлы свой товар и удалились, чтоб избавиться от новых неприятностей (поскольку учиненный Арсеном «страшный суд» произвел на них сильное впечатление).

Арсен пересчитал деньги не сразу, а когда купцы были уже в дороге, должно быть улыбнулся в усы, удивившись их щедрости, отсчитал себе ровно столько денег, сколько он мог истратить на еду в дороге, оглядел тех, кто был рядом, выбрал самого бойкого, проворного мальчугана и велел ему догнать купцов, вернуть им деньги.

Еще один наполовину юмористический штрих, который наш народ, наш крестьянин внес в характер Арсена.

Ехал беспечно человек по дороге и представьте себе:

**Толстосум навстречу ехал
В дорогом своем наряде.
Говорит ему Арсен:
«Не пугайтесь, бога ради!
Куладжу¹ свою снимите.
Не останетесь в накладе,
Вам в обмен отдам я чоху²!»
В куладжу Арсен облекся,
Въехал в лес, коня стреножил,
Отдыхать в тени улегся.**

¹ Куладжа — богатая грузинская одежда с меховой опушкой и откидными рукавами.

² Чоха — верхняя мужская одежда.

Следует думать, что и на этот раз Арсену попался на пути торговец (вероятно, перекупщик), богатый и весьма довольный своей судьбой (о чем свидетельствует его «беспечность»). Он уже знает об отношении Арсена к нему подобным, и не удивительно, что при виде последнего пускается вскачь (к тому же вниз, с горы, «лихо по круче»). Обогнать его на своем быстром коне (да еще если вспомнить о переметной суме на лошади купца) Арсену не составило труда.

Юмор сосредоточен здесь в диалоге. Представьте себе перепуганного горожанина, который мчится сломя голову вниз по круче так, что ветер свистит в ушах и стук собственного сердца кажется ему стуком копыт скачущего сзади коня, у путника затылок горит в ожидании посланной ему вслед пули, — и тут вдруг перед ним на дороге появляется всадник и спокойно спрашивает его, куда он направляется. Будто бы ничего не случилось, будто встретились на перекрестке два путника и заведут сейчас степенную беседу.

В обращении на «вы» здесь, разумеется, кроется ирония. Но есть и другой нюанс: Арсен, повидавший на своем веку немало разных людей, даже немного жалеет разумом свою жертву, ибо знает, как трудно такие люди отдают что-либо безвозмездно, — он достаточно хорошо изучил их нравы и обычаи.

Да, именно разумом, и потому пытается «вежливым» обращением облегчить торгашу свалившуюся на голову беду — но сердцем он не чувствует в своем поступке зла.

Да и как его чувствовать?

Во-первых, он всего лишь снимает со своей жертвы красивую куладжу, и торгаш, наверно, долго еще будет недоумевать (и радоваться) по поводу такого бескорыстия своего преследователя.

Во-вторых, Арсен не просто отнимает куладжу, а меняет ее на свою чоху (вечером может похолодать, а то и дождь пойти). И, главное, как может Арсен жалеть сердцем человека, всего лишь расставшегося со своей куладжей, Арсен, который

**Сам... с плеч своих рубаху
Для раздетого снимает.**

И кто знает, какой нищий сносил потом красивую куладжу, которую Арсен снял с плеч перекупщика, ту самую куладжу, которой так недолго он «украшал свои крепкие плечи».

Да, именно только разумом пожалел Арсен свою жертву —

потому-то, закончив дело, «привязал в тени он лошадь, да и сам улегся наземь».

Спокойно спал в ту ночь разбойник из Марабды.

Р. С. Царевич Вахушти, конечно, не имел в виду таких специфических коллизий, когда характеризовал нрав грузин словами «щедры, ни своего, ни чужого не берегут». Но то, что метко сказано, оказывается верным порой и при непредвиденных обстоятельствах.

Как мы уже заметили, трудно «научно обосновать» мягкосердечие грузина.

Краткий исторический экскурс, к которому я обращаюсь, лишь частично приподнимает завесу над внутренней структурой и происхождением этого парадоксального свойства.

Геронтий Кикодзе в своей уникальной статье «Из психологии древних иберийцев» приводит рассказ Тацита о Радамисте и Зенобии и высказывает такое предположение:

«Этот сумрачный дух, это волнение стихийных страстей предельно характерны для древних иберийцев».

В рассказе Тацита все в самом деле кажется сумрачным и стихийным. Но кто знает, какие видоизменения претерпела, переходя из уст в уста, подлинная история, прежде чем стать предметом рассказа римского автора? Да и к тому же если бы все так и было на самом деле, мы ведь имеем здесь дело с проявлением индивидуальных характеров, а не со свойствами народности (будущей нации).

«Сумрачность духа» была свойственна древним иберийцам и колхам. Греческое повествование о Ясоне и Медее, вероятно, опиралось именно на такое представление.

Удивительно, что в мировой литературе именно женщина из Колхиды стала олицетворением мести. Поступок ее был и в самом деле неслыханным. То, что пишет Г. Кикодзе о древних иберийцах, о том, как сильно умели они любить и ненавидеть и как они были беспощадны, когда вопрос касался их личного счастья, смело можно отнести к жителям Западной Грузии.

Но все это касается единиц, представителей определенного социального слоя, к тому же в определенную, далекую эпоху.

По-моему, это лишь придаток грузинского характера, а не постоянный его атрибут.

Вернее, это отклонение, приблизительно такое, примеры которого позднее, в феодальной Грузии, встречаются в фольклорных сказаниях о Зурабе Эристави или в летописи царевича Константина (Александровича).

Но здесь примечательнее другое обстоятельство. В преданиях о Радамисте и Медее сохранены осколки нравственной действительности дохристианских грузин.

Действительность эта несомненно модифицирована (негрузинскими источниками и враждебно настроенными интерпретаторами). Но здесь должны содержаться и зерна реальности.

Вполне допустимо, что на определенной стадии нашего существования (в дохристианских тысячелетиях) «сумрачный дух» не только стихийно вспыхивал в характере отдельных личностей, но в некоторой дозе культивировался той или иной религиозной или этической догмой.

Бытует весьма примечательное соображение относительно глубочайшего влияния в этом смысле христианства на нравственность грузин. Более того, существует предположение, что каркас всего нашего национального характера сконструирован именно христианством.

Рассматривать это положение необходимо с большой осторожностью, хотя многое здесь несомненно похоже на правду.

Но следует думать, что принятие христианства не было для нас случайным или навязанным извне актом. Как видно из всего, такой шаг был закономерным следствием основного направления развития нашей духовной жизни, а значит, имманентной внутренней потребностью.

Небезынтересно также, как принял и что именно конкретно воспринял грузинский народ из этого нового учения. Ведь христианство встречало неодинаковую почву у разных народов и соответственно осуществлялось на практике в далеко не сходных религиозных институтах и моральных императивах.

В отличие от многих народов христианская наша вера никогда не перерастала в безудержный фанатизм — не было у нас костров инквизиции, не проникались мы безжалостным духом пуританства, не плели у нас свои сети конгрегации, не «юродствовали мы во Христе», не привлекали единоверцев прельстительным блеском и звоном злата и серебра.

Грузинский народ принял от христианства и впитал в себя то, что оказалось для него самым «родным», — идею милосердия и пафос любви созидающей:

**Что разрушено враждою,
Вновь отстроено любовью.**

А то, что это обстоятельство позволило нам принять «дух» / и постичь истину, суть учения Христа, это уже вопрос другой.

ВСТАВКА VI

(ИЗ СТАРОГО ДИАЛОГА)

— Вы все, бумагомаратели, — чистейшие идиоты! Сколько желчи разлито под этой почвой, какое под землей гниение... «Грузинский дух!» Где он — в воздухе? В облаках? В росе?

Почва, подземные глубины — все пронизано роковыми, мутными страстями. Ничего в этой глубине не изменилось со времен Радамиста и Медеи.

Под этой наружной корой по-прежнему кипит желчь, пылает пламя — вся эта преисподняя, наверно — геена огненная.

— Но какие прекрасные, воздушные, удивительные растения вырастают из этого ужаса!

Разве это не чудо?! Разве для того, чтобы увидеть это, не стоило жить?

ПОЭМА РУСТАВЕЛИ И ГРУЗИНСКАЯ КЛАССИЧЕСКАЯ ПОЭТИКА

Прошло уже два с половиной столетия с тех пор, как Вахтанг VI, грузинский царь и просветитель, своими примечаниями к первому печатному изданию «Витязя в барсовой шкуре» заложил основу новой отрасли грузинской литературной науки, отрасли, которая именуется руствелологией.

Можно сказать, что первый комментатор поэмы в какой-то степени предопределил и главные направления дальнейших исследований. В составленных им комментариях внимание главным образом сосредоточено на двух аспектах: на мировоззрении автора поэмы и на чисто филологических (текстуально-лексикологических) вопросах.

Грузинская руствелология в последующие эпохи двигалась в основном по этому пути и именно в этой области достигла своих наиболее значительных успехов.

Странно только то, что за все это время «Витязь в барсовой шкуре» — крупнейший памятник древней грузинской поэзии — сравнительно редко оказывался предметом собственно литературного интереса.

Мы далеки от скептицизма, ноты которого порой слышатся у нас, особенно в литературных кругах. Однако, не отрицая наличия отдельных бесспорно интересных работ, надо все-таки при-

знать, что этот раздел руствелологии находится сегодня лишь на начальной стадии развития, ибо, не говоря уже ни о чем другом, не установлены даже основные эстетические предпосылки, необходимые для художественного анализа этого произведения.

«Витязь в барсовой шкуре» относится к категории таких произведений литературы, для всестороннего изучения которых необходим объединенный труд целых поколений исследователей. Так, исследование шекспировского наследия в Англии или творчества Гете и Шиллера в Германии привело к возникновению целых литературных группировок и даже направлений.

Прежде всего необходимо уточнить те критерии, тот масштаб эстетической оценки, без которых любое измерение, применяемое при практическом анализе, может оказаться прокрустовым ложем для этого произведения.

Вполне естественно, что представители разнообразных отраслей науки, обращаясь к содержанию «Витязя», рассматривают его со своей, специфической точки зрения.

Поэма Руставели как отражение интеллектуальной жизни эпохи, как «море мудрости» своего времени возбуждает самый широкий круг интересов. Она дает возможность оценки того уровня научных знаний, который был достигнут в Грузии XII—XIII столетий.

Однако нам представляется непростительной ошибкой искать в этой поэме простую художественную транскрипцию той или иной философской или религиозно-этической системы.

Ибо «Витязь в барсовой шкуре» есть не переложение абстрактных форм философского мышления на язык поэзии, а совершенно своеобразная, ни от чего не зависящая гениальная попытка творческого, художественного овладения действительностью.

Идеи Руставели вытекают прежде всего из его поэтического, художественного миропонимания. Поэзия здесь занимает место философии, подчиняясь главным образом собственным законам. Поэтому суть этого произведения, содержащуюся в нем основную идею следует (в первую очередь) искать не в отдельных сентенциях, не в афористических строках (которые порой противоречивы и по содержанию в зависимости от того, например, кто их произносит), а во всей художественно завершенной целостности поэмы, в специфике того конечного эстетического воздействия, которое она оказывала и оказывает на нас своей особой поэтической логикой.

Творческое кредо Руставели, как и эстетическая сущность его поэмы, раскрывается в полной мере не в авторских декларациях (будь это так, все оказалось бы гораздо проще) ^в публичном скрытом, внутреннем, предписанном себе законе, следуя которому поэт воздвигал это весьма сложное по своей концепции и величественно-простое по внешнему облику здание.

Раскрытие закона внутреннего построения поэмы Руставели — задача явно неразрешимая по правилам простой литературной арифметики, путем подсчета и сложения отдельных художественных компонентов произведения.

Это высокое поэтическое искусство требует для своей расшифровки обращения к более емким категориям, к той «высшей математике» формы, элементы которой впервые внесла в свой научный арсенал литературная теория нашего столетия, благодаря чему удалось по-новому раскрыть не одну тайну памятников классической поэзии.

Я имею в виду не только общеизвестные достижения советской школы литературоведов, но и те серьезные успехи, которые имеются в новейшей зарубежной филологии и эстетике.

Не случайно вслед за другими видными представителями современной литературной науки Запада крупнейший английский филолог Морис Боура посвятил «Витязю в барсовой шкуре» специальную главу в своей монографии «Поэзия и вдохновение».

«Витязь в барсовой шкуре» — грузинское произведение, с высоты которого одинаково обозреваются и Запад и Восток и в котором, вместе с тем, национальный характер сохранен несканженным», — пишет Боура.

Можно было бы эти слова предпослать в качестве эпиграфа к нашему исследованию. Но необходимо для точности заметить, что Боура подразумевает здесь лишь одну сторону вопроса — а именно культ идеальной любви, который, по его словам, «больше всего был акклиматизирован» в Грузии времен Руставели.

Вообще, на наш взгляд, Боура несколько суживает вопрос об эпохальном значении поэмы, ограничиваясь разговором о нравах и литературных склонностях века. Однако слово «национальный» у него стоит в контексте, который допускает более широкое толкование высказанной мысли.

Эпохальное и национальное своеобразие «Витязя» в самом деле является аксиомой. Но касаясь этого вопроса, мы часто ограничиваемся моментами, которые имеют лишь опосредствованную связь с художественным творчеством.

В «эпохальном», как правило, подразумеваем отражение исто-

рических реалий, а в «национальном» — своеобразии этических идеалов.

Но ведь поэма Руставели как художественное произведение есть не только отображение национально-исторической действительности и вообще не только отблеск внешнего по отношению к художнику мира, а прежде всего — плод свободного творчества, классический пример покорения и переделки реальности искусством.

И вот главный вопрос, который встает перед нами при собственно литературном рассмотрении поэмы.

Как, в каких поэтических формах, в каком эстетическом выражении, в каком конкретном художественном облике воплотился в поэме Руставели дух породивших ее эпохи и народа?

Такая постановка вопроса значительно расширяет горизонты изучения и оценки этого произведения, так как рамки одного столетия в данном случае оказываются явно узкими.

«Витязь в барсовой шкуре», как «Поэма о Гильгамеше», «Илиада», «Шах-Намэ», «Слово о полку Игореве» и «Божественная комедия», представляется одним из важнейших перекрестков на многовековом пути эстетического развития человечества.

Если иметь в виду наиболее универсальную классификацию форм искусства, ту, что содержится в гегелевской эстетике, можно сказать, что она является одной из фаз, одной из важнейших ступеней этой эволюции. Но именно слово «перекресток» точнее всего выражает ее эстетическую сущность и ее место на этом пути.

Проявления прекрасного бесчисленно многообразны, и каждый народ имеет свой идеал красоты.

По преданию святая Нино, крестившая в IV веке грузин, сделала крест из виноградной лозы, переплетя ее прядью своих волос. Как и у греков, у древних грузин виноградная лоза была символом плодородия и жизни. Так языческая вера в благодать земного переплелась с христианским, романтическим миропониманием.

Кто хоть раз видел грузинские храмы, выстроенные в эпоху, когда писался «Витязь в барсовой шкуре», мог заметить, что их стены вырастают как бы из самых недр земли, сливаясь с каменной почвой. Но верхние ярусы парят в воздухе, а вытянутый, как стрела, купол Алаверди летит ввысь, в бесконечность.

В эстетическом мире Руставели мы можем различить элементы каждой из трех «форм» искусства, соответствующих в геге-

левской системе трем основным стадиям или ступеням художественной эволюции: символической (древневосточной), классической (античной) и романтической.

Существует целый ряд творений искусства (значительнейшие из них мы уже назвали), в которых характерные, отличительные черты каждой из этих форм проявились в наиболее полном, завершенном виде.

Поэма Руставели с этой точки зрения представляет собой своеобразное исключение. Здесь как будто одновременно присутствуют признаки каждой из названных стадий, и вместе с тем ни одна из них не может быть признана доминирующей.

Формы восточной символики тут естественно сосуществуют с классически завершенными, живыми образами, склонность к поэтическим гиперболам не нарушает строгой простоты и соразмерности основных пропорций, а романтическая ирония по отношению к мирской суете так же естественно сменяется языческим любованием земными формами бытия. Если последовательно рассматривать каждый из этих слоев, то можно установить три почти одинаково протяженных параллельных ряда.

Так, связь «Витязя» с поэтическими традициями Востока (как древнейшей эпохи, так и сравнительно поздних времен) можно рассматривать как ярко очерченное, самостоятельное разветвление.

С начальной, «символической» формой искусства поэтика Руставели связана местами легко различимыми, а кое-где почти незаметными нитями. Здесь прежде всего надо сказать о так называемом астральном плане, который проходит через всю поэму, о разнообразных сакральных намеках, о символике розы и соловья, драгоценных камней и красок, благородных растений и животных, составляющих целую широко развернутую систему.

Большая часть этих поэтических знаков уводит нас в глубь тысячелетий. Мы вправе предположить, что перед нами здесь не только бесспорное свидетельство приобщенности автора поэмы к современной ему поэтической культуре Востока, но и результат происшедшей на национальной почве кристаллизации гораздо более ранних форм художественного мышления.

При этом готовые, стереотипные образы использованы в поэме лишь в качестве художественного сырья — исходного материала, который при поэтической переплавке часто утрачивает свою специфическую традиционную окраску.

Примерно таково же соотношение поэмы с восточной мифологией, сильно трансформированные осколки которой безусловно

лежат в основе отдельных ее сюжетных мотивов. Остановимся на одном примере.

В «Искандер-Намэ» Низами есть глава, где рассказывается о похищении прекрасной Нистан-Дарджихан неким человекоподобным чудовищем. Выкрыв плененную его хозяевами красавицу, оно преподносит ее Александру. Такие существа, по словам Низами, живут на краю земли, у подножия темной, никогда не освещаемой солнцем горы.

Как видно, два поэта XII века использовали один и тот же рудимент восточной мифологии. Но сделали они это, ставя перед собой совершенно различные, независимые поэтические задачи.

Нестан у Руставели по своему внутреннему облику — образ в сущности противоположный образу плененной Нистан-Дарджихан из «Искандер-Намэ».

Если у Низами царство чудовищ почти целиком сохраняет свою фантастическую, сказочную природу, то в поэме Руставели мотив каджей уже заметно демифологизирован. По словам поэта, каджи — те же люди, только владеющие тайнами колдовства.

Генетическая связь «Витязя в барсовой шкуре» с классической культурой раскрывается в еще более сложных и опосредствованных формах.

Здесь необходимо еще резче разграничить два аспекта проблемы. Речь может идти, с одной стороны, о наличии отдельных мотивов античной мифологии, поэзии и философии в поэме Руставели, а с другой (что особенно важно для нас) — о воздействии классических идеалов искусства на поэтическую систему «Витязя».

Если первый аспект вопроса сравнительно ясен и вполне поддается филологической статистике, то второй переносит нас в сферу более сложных взаимоотношений.

К XII столетию наследие эллинистического мира в виде отдельных проникавших через Византию литературных мотивов оказывало весьма интенсивное влияние не только на грузинских поэтов, но и на всю светскую литературу Востока.

Правда, у Руставели это воздействие выявляется значительно ярче и точки соприкосновения гораздо более многочисленны, чем, например, у того же Низами. Но «Витязь в барсовой шкуре» выделяется на фоне восточной поэзии своего времени не числом этих заимствований, а более существенным, внутренним родством его художественного построения с основными принципами классической поэтики.

Мир, вселенная для Руставели есть предметное выражение идеальной гармонии, совершенства духа. И поэтому в поэзии как в одной из высших форм духовной деятельности материализация идеи должна происходить в соответствии с законами высокой гармонии.

В стремлении к ясности, завершенности, цельности, в последовательной неприязни ко всему аморфному или произвольно расчлененному в поэме Руставели осуществлен поэтический идеал художника. Аполлоническое начало здесь воочию торжествует над дионисийским. Гармония в конечном счете всегда побеждает силы хаоса.

Можно сказать, что «Витязь в барсовой шкуре» — единственный в своем роде поэтический памятник средневековья, в котором дух классической поэтики в основных своих чертах сохранен в неискаженном виде, и это тем более ощутимо, что в нем уже выявлен ряд особенностей романтического видения мира.

Что христианское мировоззрение составляет один из столпов, на которых зиждется идейное содержание поэмы, довольно убедительно доказано в грузинской руствелологии.

Для нас самое главное — как, в каких конкретных чертах проявилось воздействие этого мировоззрения на поэтический мир Руставели.

Прежде всего бесспорно, что такое произведение не могло быть создано без романтической идеализации. «Витязь в барсовой шкуре» — одно из поэтических творений, в которых особенно отчетливо выявился обостренный интерес романтизма к внутреннему, духовному миру человека. Пафос же этой поэмы состоит в стремлении к идеальному, к совершенству.

Романтическая идеализация просвечивает и в характерах главных героев поэмы. Как персонажи куртуазной литературы средневековья герои Руставели в определенном смысле суть символы, идеализированные олицетворения рыцарской доблести и добродетели. И надо сказать, что этим возвышенным идеалам они служат с неподражаемым артистизмом и изяществом.

Композиционное построение «Витязя» подчинено в общем правилам эпического жанра. Но в поэме есть места, которые можно назвать лирическими отступлениями. Значительная часть этих отклонений как по содержанию, так и по форме носит ярко выраженный романтический характер.

Типичным образцом романтической исповеди является, например, «Послание Нестан к своему возлюбленному».

Возвышенный мир любви и добра здесь резко противопоставлен реальной действительности, и экстатическое влечение к

небесному настоятельно требует полного разрыва с землей, полного освобождения от «земного груза».

С поэтической точки зрения это первый манифест грузинского романтизма, который уже содержит в намеке поэтические прозрения Давида Гурамишвили и Николоза Бараташвили.

Лирический мир героев «Витязя» своеобразен не только по своим внутренним, душевным движениям, но и по стилю, по способу поэтического выражения.

Если эпическое повествование в поэме выдержано главным образом в так называемой замкнутой форме, то есть, как правило, состоит из внутренне завершенных, однородных в своей цельности периодов, — стиль лирических отступлений часто содержит и элементы «открытой» формы. Эмоциональная патетика здесь порой обуславливает фрагментарность манеры, ассоциативную непоследовательность в развитии основной мысли. Приближение к истине нередко совершается в интуитивной форме. И поэтому в лирических строфах поэмы иногда наблюдается известная диспропорция между целым и составными частями.

Особенно выделяется в этом смысле Пролог к поэме, где развитие поэтической мысли происходит такими скачками, так неожиданно меняет направления, что некоторые места при первом чтении производят впечатление совершенно независимых фрагментов.

Характерными для романтической поэзии накалом патетики страстей, риторическими фигурами, плеоназмами особенно богаты завещание и молитва Автандила; этот стиль порой проникает и в авторский текст, выражая самые разнообразные оттенки настроения героев, которые под влиянием драматических ситуаций почти постоянно находятся в состоянии экзальтации и аффекта.

Таким образом, романтический поток в поэме Руставели так же резко осязателен, так же широко представлен в ее поэтическом содержании, как элементы восточной символики и классического образного мышления.

Следует заметить, что мы до сих пор сознательно разграничивали, отделяли друг от друга эти три слоя в поэтике Руставели, отчего естественно может возникнуть представление об их самостоятельном, независимом существовании в поэме.

На самом же деле поэтическое искусство Руставели совершенно лишено признаков эклектизма: перед нами здесь редчайший случай подлинного синтеза, осуществленное внутренне цель-

ным, абсолютно самобытным гением слияние полярных форм поэтического видения и осмысления действительности.

Три параллельных ряда, о которых мы говорили, выделены в поэме лишь условно, в процессе анализа. Практически же их элементы составляют нерасторжимую цельность, и слияние их настолько прочно, что часто даже условное их вычленение составляет немалую трудность.

Так, например, система символов в широком смысле этого слова у Руставели пронизывает столь сложные и многообразные средства поэтической речи, что порой один и тот же художественный компонент по своему происхождению может быть отнесен одновременно к противоположным эстетическим формам.

Особенно это касается собственно символических (т. е. связанных с восточными традициями) форм и романтической символики.

Так, например, метафорический образ розы у Руставели явно носит отпечаток восточной поэтики, но в известном смысле допускает и аллегорическое толкование, которое мы находим в рыцарской поэзии Запада, в частности в известной поэме Гийома де Лориса. В еще более сложных аспектах осуществлено в поэме Руставели слияние классического и романтического идеала и соответствующих поэтических форм.

В широком философском плане эти два начала скрещиваются уже в начальных строках поэмы:

**Сотворивший вселенную силой своей могучей,
Свыше, с неба, вдохнувший дух в существа,
Нам, людям, даровал мир, полный бесчисленных
(несметных) красок,
Всяк царь — от него, образом ему подобен.**

Дух по Руставели есть сущность и основа мира, он нисходит с небес, даруя образ всем телам вселенной, творя прекрасное и доброе. Но жизнь прекрасна и благостна не только своей небесной сущностью, а еще и тем, что отдана нам, людям, и полна «бесчисленных красок». Грамматический акцент на бесчисленность красок мироздания в подлиннике безусловно не случаен.

Само грузинское слово «самкаро» (вселенная, мироздание) как бы подразумевает эту нераздельность двух взаимопроникающих понятий. Оно означает мир сущего, то есть то, что существует или связано с истинной сущностью жизни, и одновременно то, что твердо, прочно, предметно.

Небо, вдохнувшее бессмертный дух в человека, беспрестанно влечет к себе героев Руставели. Подобно Автандилу, поэт не в

силах оторвать взор от сияющего небосвода. Но и раскинутая
ся вокруг земля постоянно манит этого рыцаря, зовет его на
необозримые дороги. Она тоже наполнена сиянием. Как драгоцен-
ные камни, сверкает утренняя роса, весенняя земная свежесть
разлита повсюду, и сияние бездонных глаз возлюбленной ярче
света, который отражается в алмазах и в капельках росы, и это
всеобщее, неиссякаемое земное свечение есть истинное чудо, и
нельзя не поверить, что «небо наконец слилось с землею», на-
поив своей лучезарностью все земное — живое и неживое.

Как мы уже сказали, стремление к идеальному, совершенно-
му составляет глубинный пафос поэмы Руставели.

Идеальное, духовное здесь в известной степени уже проти-
вопоставлено материальному как абсолютное добро, абсолютная
истина. Этот романтический мотив особенно отчетливо проявля-
ется в субъективном плане: он связан преимущественно с внут-
ренним состоянием того или иного персонажа.

Но если рассматривать художественный замысел поэмы в це-
лом, то перед нами откроется несколько иная картина.

Идеальное у Руставели нигде не остается безликой абстрак-
цией, лишенной земного, телесного воплощения. Оно здесь все-
цело материализовано.

Синтез романтического и классического художественного ми-
ропонимания, трактуемый как гармония между материальным
и духовным (которое, однако, уже проявляет свою абсолютную
природу), в поэтическом искусстве Руставели практически ре-
ализован самыми разнообразными средствами. Начнем с простой
иллюстрации. Если, например, мы будем рассматривать письмо
Нестан к возлюбленному в отдельности, можно увидеть в нем
выражение романтического томления духа на земле и даже обна-
ружить элементы мистики. Но ведь эта часть поэмы находится в
неразрывной связи со всем ее контекстом.

Это лишь одна часть, один из штрихов той цельности, кото-
рую представляет собой в данном случае характер Нестан. Прав-
да, этот образ в поэме в известной степени идеализирован и по
авторскому замыслу содержит в себе определенный символиче-
ский смысл, но в своих действиях, в конкретных проявлениях сво-
ей внутренней природы, характера героя поэмы раскрывается
гораздо шире и богаче, чем это могло бы быть, если бы автор
просто наделил ее на словах теми или иными идеальными свой-
ствами.

Вспомним, какую твердость духа, какую силу страсти проявляет Нестан при первых встречах с Тариэлом.

Так лежала, как у кряжа разъяренная тигрица.

Именно этот облик разгневанной Нестан врезался особенно остро в память Тариэлу. То, что Нестан говорит в эту минуту возлюбленному, которого подозревает в измене, ничем не напоминает галантную речь героинь куртуазной литературы.

Это слова оголенной женской страсти, не знающей пощады, когда она находится под угрозой. Глубина страсти обуславливает радикальность действий, а отсюда вытекает необходимость прислушаться к советам холодного рассудка. Помирившись с Тариэлом, Нестан подсказывает ему довольно коварный план для осуществления их общей цели.

Характер Нестан здесь не имеет ничего общего с романтическим идеалом женской мягкости и милосердия. Ее действия обусловлены той безудержной последовательностью сильного характера, теми могущественными импульсами и порывами, мир которых впоследствии, через много веков, был описан автором «Итальянских хроник».

Плененная каджами Нестан постепенно созревает для более женственного, просветленного страданием чувства. Если некогда она с категоричностью властной дамы сердца требовала от своего рыцаря доблестных дел, связанных с опасностью, то сейчас горячо молит его не рисковать жизнью даже во имя их любви.

**Не убивай меня горем, бóльшим, чем нынешнее,
Коль увижу тебя мертвым, сгорю, как трут от огнива.**

Как видим, перед нами не просто живой образ, а сложный, психологически разработанный характер в его естественном, художественно закономерном развитии.

Если историю любви Тариэла и Нестан рассматривать с точки зрения символической сюжетной схемы, то можно найти несколько достойных внимания параллелей в средневековой литературе.

Известный грузинский писатель Константинэ Гамсахурдиа, переведший «Божественную комедию» Данте на грузинский язык, говорил о связи мотивов Каджети и дантовского ада. В обоих случаях, по мысли К. Гамсахурдиа, мы имеем дело со своеобразным развитием античного мифологического мотива спуска человека в преисподнюю. Подобно тому, как Данте в поисках Беатриче достигает высших сфер неба, лишь пройдя через все круги ада и чистилища, для героя Руставели воссоединение с Нестан

становится возможным лишь после того, как он претерпит лишения и муки и, наконец, одержит победу над зловещими силами тьмы. Быть может, такая параллель подсказана лишь поэтической фантазией. Но сопоставление Данте и Руставели возможно и в других, более существенных аспектах.

Академик А. Барамидзе в своей монографии «Шота Руставели и его поэма» приводит высказывания нескольких видных советских и зарубежных ученых о сходстве и расхождении в гуманистических идеалах Данте и Руставели. Отличительные особенности обоих произведений в этом смысле установлены довольно точно.

Нам же хочется перенести акцент в сферу собственно эстетических идеалов, отражающих художественное своеобразие творчества двух художников одной эпохи.

Если в «Новой жизни» образ Беатриче, которую автор рисует сначала простой, юной, полной жизни и свежести девушкой, постепенно утрачивает все свои конкретные, земные свойства, чтобы, наконец, предстать перед нами в «Рае» в полностью идеализированном, квазибожественном облике, если движение образа у Данте направлено в сторону художественного абстрагирования и символизации, то в поэме Руставели развитие характера Нестан происходит в диаметрально противоположную сторону.

Как окруженная божественным сиянием эмпиреев Беатриче, Нестан в начале поэмы является Тариэлу в ореоле солнцеподобного светила.

В эпизодах последующих ее свиданий с Тариэлом Нестан показана на более близком расстоянии, более крупным планом. Но образ ее и здесь сохраняет отпечаток таинственности — «только ласково она глядела на меня, как на родного» (с точки зрения символики следует отметить также зеленую цветовую гамму, которая связана с обликом Нестан).

Автор поэмы мог бы на этом закончить экспозиционную характеристику героини, так как для дальнейшего развития символической схемы сюжета этот романтический ореол совершенно достаточен. Но именно с этого момента образ Нестан постепенно оживает, приобретая яркие индивидуальные черты, — при каждом последующем ее появлении мы открываем новые, неожиданные оттенки.

Символ постепенно скидывает с себя покровы абстракции и обогащенный живым, конкретным содержанием превращается в полнокровный человеческий образ.

Таково же примерно и развитие других основных образов поэмы.

В последнее время в грузинском литературоведении сказана мысль, что главные герои Руставели не являются характерами в обычном смысле слова и что поэтому не оправдана бытующая в грузинской руствелологии традиция, противопоставляющая друг другу, например, образы Автандила и Тариэла.

Такой взгляд имеет в своей основе весьма существенные методологические предпосылки. В самом деле, в свете основного замысла поэмы эти два образа построены по сходным художественным принципам. Оба — и Тариэл, и Автандил — идеализированные рыцари.

Но в этой концепции опущен один из главных, узловых моментов творческого процесса Руставели — момент, в котором особенно выпукло проявляется своеобразие его поэтического мастерства.

Главное здесь в том, что, художественно воплощая основной литературный замысел, автор «Витязя» существенно отклоняется от принципов романтической символизации или, точнее говоря, необычайно расширяет ее внутренние возможности и в этих новых рамках добивается реализации своего художественного идеала.

Эта основная эстетическая закономерность поэмы Руставели проявляется не только в обрисовке характеров героев. Ею обусловлена одна из главных особенностей поэтики «Витязя».

Символы, аллегорические иносказания, условные поэтические знаки здесь, как правило, приобретают свой живой, предметный облик, как бы пробуждаясь для новой, более совершенной жизни.

Отвлеченное постоянно стремится к материальному воплощению, а материальное, со своей стороны, непрерывно вторгается в мир идей, диктуя ему свои живые, теплые формы.

Когда Руставели говорит:

Свой цветок иссушит роза и развеет по земле,
И исчезнет, но воскреснет новым цветом на стебле —

это для него не простая дидактическая аллегория, а добытый в порыве высокого вдохновения живой, трепещущий, переливающийся мягкими осенними красками поэтический образ, который имеет право на самостоятельное существование.

— Вспомним, как описано в «Витязе» возвращение Автандила из Гуланшаро:

Наступало лето, пора восхода зелени,
Цветения роз, пора их свидания,
Перемены солнцем созвездия, приближения его к Раку.
Он вздохнул, увидев цветы, давно им не виданные.
Небо загремело, и облака просыпали хрустальную росу,
Он поцеловал розу губами, той же розе подобными...

В нарисованной здесь картине каждый образ имеет наряду с прямым также и переносное значение. Здесь и астральные знамения, и символика цветов. Но вместе с тем совокупность этих образов имеет и непосредственный, конкретный художественный смысл.

Авандил целует живые, настоящие цветы, слова его обращены к живым предметам, сердце его трепещет от сладостного предвкушения скорой встречи с любимой и радуется величественной картине обновления природы.

Небо загремело, и облака просыпали хрустальную росу.

Это и метафорическое выражение внутреннего состояния героя, и вместе с тем ярчайший поэтический образ захватывающего стихийного явления.

В начале «Божественной комедии» выходящего из дремучего леса Данте встречают три хищника — лев, волчица и пантера. Как известно, все они олицетворяют абстрагированные особенности человеческой природы. Интересно, что у Данте пантера — символ сладострастия. У Руставели образ барса, то есть той же пантеры, имеет совсем иной символический смысл. Но не это главное. Мир живых существ в «Витязе», как и вообще вся реальная действительность, изображен в двух аспектах. Это и символический, вспомогательный фон и одновременно — предмет самостоятельного поэтического интереса.

Ярким свидетельством этого является и один из основных метафорических образов поэмы — барс, который, хотя и несет иносказательную нагрузку, однако в соответствующем контексте предстает как воссозданный в реальных чертах природный образ.

Так он выглядит, в частности, в тридцать седьмой главе (в «Рассказе о том, как Тариэл убил льва и барса»), где символика как поэтическое средство явно отходит на второй план, уступая место точному, на редкость экспрессивному описанию.

Превращение символа в образ как своеобразная художественная закономерность — одна из наиболее характерных особенно-

стей поэтики Руставели. Романтическая склонность к абстрагированию у него, как правило, уравновешена классическим стремлением к материализации идей.

С этой точки зрения совершенно прав Морис Боура, когда, сравнивая поэтическое искусство «Витязя» с западной литературой средневековья, в частности с французской романтической поэзией, подчеркивает обостренное чувство реальности у Руставели.

«Здесь друг другу противопоставлены, — пишет Боура, — здоровое отношение Руставели к миру и тенденция французов все превращать в абстракцию и аллегорию. Правда, сам Руставели говорит об иносказательном смысле своей поэмы, но он столь основательно разрабатывает каждую поэтическую тему, что за непосредственным изображением мы не ищем иного значения».

Это замечание основано на точном наблюдении. Но сравнение одностороннее, так как включает лишь один отличительный признак.

Если поэтику Руставели рассматривать под несколько иным углом зрения, то окажется, что в основе отмеченного контраста лежит элемент внутреннего родства.

Образы Руставели уже носят в себе признак своеобразной пересадки классических представлений на новую, романтическую почву. Герои «Витязя» несмотря на эпическую цельность характеров, связывающую эту поэму с традициями классического эпоса, знаменуют и новый этап с точки зрения раскрытия духовного мира личности.

Расчленение внутреннего облика человека на составные части, выделение отдельных черт, аналитическая мысль, аналитическое восприятие реальности здесь уже становятся основными принципами.

Длительная одиссея Автандила, некоторыми внешними признаками напоминающая приключения героев Гомера и Вергилия, вместе с тем содержит совершенно новый, значительно усложненный внутренний план.

Между прочим, отмечаемый многими исследователями примат трезвого рассудка в характере этого героя весьма относителен. Вообще классическая прямолинейность, однородность характера здесь разрушены в самой своей основе.

Автандил слишком часто тянется к иррациональному, слишком часто уступает подсознательным импульсам. Слишком часто поддается он экстазу, устанавливая иритуальную связь с небесными силами. Такие романтические порывы присущи ему в не меньшей мере, чем Таризлу, этим обусловлен известный внутренний драматизм образа. И все же в поэме Руставели характер Автандила

сохраняет свою цельность, которая проявляется в неизменной последовательности его действий, несущих отпечаток светлой, разносторонней завершенности.

Энергия внутреннего драматизма, душевных порывов находит здесь свой естественный выход в реальном, практическом действии и именно в этом виде предстает перед нами как четкое, внешне оформленное единство самых разнообразных пластов человеческого характера.

Цельность, внутренняя гармония содержания и формы, стремление к внешней простоте и завершенности пронизывают всю художественную систему «Витязя».

Классическое чувство меры и ясности непрестанно упорядочивает как основную фабульную структуру произведения, так и малейшие детали его формы.

Но это гармоничное, прочно замкнутое в самом себе, величаво и четко очерченное здание вместе с тем обогащено необычайной, протяженной как бы в бесконечность, внутренней, глубинной перспективой.

Мы уже говорили выше о сосуществовании элементов так называемых открытой и замкнутой форм, когда речь шла о признаках романтического стиля «Витязя».

Нам представляется возможным установить некоторые закономерности, определяющие их соотношение в поэме.

Если обычно (в эпическом повествовании) руставелевская строфа представляет собой свободно развернутый период, художественно однородное единство как по своему содержанию, так и по стилевым особенностям, то в лирических частях поэмы плавное течение поэтической речи то и дело сменяется своеобразным прерывистым слогом.

Не только строфы распадаются на строки, но и некоторые строки подчеркнута расчленены. Поэтическая мысль развивается как бы по поломанной линии. Стиль этот обычно выражает внутреннюю тревогу героя или конфликтный оттенок в его переживаниях. Такова, например, строфа, где Автандил с юношеской пылкостью доказывает своему сюзерену идею возвышения духа под влиянием любви:

Ты читал, что пишут апостолы про любовь?

**Что они говорят о ней, как они восхваляют ее,
знай это и уразумей (постигни разумом).**

«Любовь возвышает нас», — звонят они, как бубенцы
Если ты не веришь (не понимаешь) этому, как я могу
убедить несведущих?!

Деление строки на две независимые части, сознательный отказ от стройного, прямолинейного склада поэтической речи, местами своеобразная пунктирная манера, усиливающая эмоциональную напряженность, особенно характерны для любовного послания Нестан.

К сожалению, подобные стилистические нюансы неизбежно стираются в переводе. Мы все-таки рискнем привести две строфы (перевод П. Петренко):

Не хочу я, чтоб любимый так терзался и страдал.
Не подумай, что другому рок любовь твою отдал.
Не бывать тому вовеки! Обреченная, меж скал,
Лучше брошусь я с обрыва или кинусь на кинжал.

Эмоциональный накал достигает здесь своего зенита в третьей строке, рассеченной пополам патетическим восклицанием. На резких контрастах строится следующая строфа из письма Нестан:

Не страшит меня погибель. Возносясь к тебе душой,
Я любовь твою вобрала, и она во мне, со мной.
Хоть разлука ранит сердце и томит его тоской,
Не рыдай и не печалься, пламень сердца дорогой.

В подлиннике «ранит сердце» и «томит тоской» относятся к самой Нестан (в третьей строфе нет также сглаживающего контраст слова «хоть»). Таким образом, два противоположных мотива (безысходности и надежды) произвольно чередуются, привнося оттенок алогизма в содержание этой строфы.

И все же у Руставели элементы этого внутреннего противоречия в конечном счете всегда оказываются преодоленными.

Противоборствующие, контрастные, диссонирующие компоненты приводятся к согласию посредством сложнейшего поэтического контрапункта, сливаясь в музыкальное эмоциональное единство.

Эта необычная гармония находит свое воплощение во внешней завершенности чеканной и поразительно упругой руставелевской строфы, которая, как искрящийся несметными гранями драгоценный камень, отражает всю бесконечную многоцветность эмоционального содержания.

«Витязь в барсовой шкуре» — одинаково масштабное произведение как по широте и яркости охвата окружающей человека

внешней действительности, так и по глубине постижения его субъективного мира.

Реальность, воссозданная кистью автора «Витязя в барсоловской шкуре», замкнута в себе, но не ограничена по своим масштабам. Человек в поэме Руставели смело озирает неоглядные просторы, и пути его пересекают всю землю из конца в конец. Мир, который герои Руставели носят в самих себе, также необъятен и неисчерпаем. Здесь также открываются бесконечные дали. И человек уже с изумлением вглядывается в разверзшиеся перед его взором глубины. Он уже ощутил «величие желаний», уже понял, что его вечное стремление к идеальному превосходит все возможности человеческого существования. Прекрасное тут воплощается в живые, совершенные образы.

Утвержденный в поэме Руставели идеал с эстетической точки зрения заметно отличается от классических идеалов искусства. Это — новое в самой своей сути согласие, которое подразумевает гармоническое слияние классических и романтических идеалов.

Как известно, поэма Руставели венчает классический период развития грузинской поэзии. В ней мы видим в завершенном, поэтически отточенном виде тот своеобразный род отношения искусства к действительности, который формировался в Грузии в течение ряда предшествующих веков. В этом смысле поэма Руставели, во многих своих чертах тесно связанная с романтическим способом видения мира, резко выделяется на литературном фоне своей эпохи.

Если у того же Данте формы иносказательной речи приобретают в основных моментах абсолютный характер, в «Витязе» их художественная функция имеет лишь относительное значение.

В поэме Руставели мир живых существ, как и вся объективная действительность, раскрывается в двух основных аспектах.

Помолись за меня богу, может он избавит меня от
бремени мирского,
От слияния с огнем, водой, землей и воздухом.
Пусть даст он мне крылья, я улечу и обрету желанное,
День и ночь буду созерцать сияние лучей солнца! —

пишет Нестан Тариэлу. А Автандил, возлюбленный Тинатин, порой даже бежит от дневного света, чтобы ночью в одиночестве слушать тайную музыку своей души.

Но в конечном счете в поэме Руставели все-таки восстановлено согласие между воссозданной в ней субъективной и объективной реальностью.

Самые возвышенные устремления героев «Витязя», самые романтические порывы их души находят осуществление не в потустороннем мире, а в самой жизни. Сила света и гармонии побеждает здесь, на земле, тьму и хаос.

Признаки скрещения противоположных форм искусства отчетливо выявлялись и в более ранних памятниках нашего искусства. Но истинный, всеобъемлющий их синтез мог осуществиться на национальной почве лишь в творчестве величайшего художника, увенчавшем «золотой век» грузинской культуры.

В поэме Руставели с гениальной простотой переплетены полярные противоположности — языческие и христианские, восточные и европейские, античные и средневековые формы поэтического миропонимания. Эта необычная гармония выражает своеобразие национального художественного идеала, который на высшей ступени своего развития именно в этой универсальной форме обнаружил самобытность своей эстетической сущности.

* * *

Существует несколько фундаментальных типологических черт художественного творчества; соответственные понятия вошли в употребление в эстетике нового времени.

В начале нашего века (уже после известных классификаций Шиллера, а затем Гегеля) в философии искусства на Западе было распространено учение Ницше о двух началах человеческого духа — «аполлоническом» и «дионисийском».

Персонажи греческого пантеона использовались не только для классификации явлений античного искусства (в частности греческой трагедии), но и вообще для объяснения основных видов художественного творчества. «Аполлоническое» начало в этой концепции обозначает приблизительно то же, что «классическое» в гегелевской эстетике и «наивное» в шиллеровской — то есть светлое, разумное, уравновешенное, гармоничное, а «дионисийское» — это начало стихийное, подсознательное, дисгармоничное, по некоторым своим признакам родственное «романтическому».

В свете этих категорий были по-новому истолкованы многие интересные явления истории искусства, возникли новые ее аспекты — хотя не обошлось и без недоразумений.

У Аполлона и Диониса (в особенности у второго) появилось множество последователей как на Западе, так и у нас. Флагины

символизма, разумеется, отдали предпочтение божеству подсознания.

Кстати, эти же категории были использованы и для построения национальных моделей эстетического самовыражения.

Грузинское эстетическое мировоззрение, как и все другие полнокровные национальные модели художественного осмысления мира, несомненно включает в себе черты обоих этих начал. Примеры их своеобразного соединения можно видеть, в частности, в поэме Руставели.

Но для эмблемы «грузинского духа» не подходит ни одно из этих божеств.

Из греческого пантеона нам близок скорее другой образ, который у эстетиков прошлого века (в отличие от писателей и мастеров изобразительного искусства) остался почему-то в тени. Это Прометей — или наш «прикованный к Кавказским горам» Амирани.

Прометеевское начало — в том виде, как оно родилось и на протяжении веков выкристаллизовалось в сознании просвещенного человечества (от Эсхила до Шелли), — объясняет многие интересные, самобытные стороны грузинского характера.

Это самая точная и емкая эмблема грузинского духа.

Не случайно наш XX век (начало века) избрал символом своего духовного настроения именно этот образ.

Правда, в разорвавшем свои цепи Амирани отразилась лишь одна конкретная идея эпохи — будущее освобождение грузинского народа («придет время и он освободится...»), но связанная с этим образом символика способствует и в иных смыслах определению основных свойств грузинского духа.

...Титан Прометей — тоже из сонма бессмертных, подобно Аполлону и Дионису. Но в отличие от других обитателей Олимпа, он не довольствуется своей божественной участью. Вторая его стихия — земля, земной мир, влекущий его. И самое большое его желание — помочь детям земли. Поэтому он двуприроден: принадлежит одновременно «небу» и «земле» («утешаюсь тем, что земле по-земному, а небу по-небесному поклоняюсь»). Его высокая душа стремится к земле, и только в земных муках познает он себя до конца, лишь муки, испытанные на земле, позволят раскрыться во всей полноте величию его призвания.

Это не экстаз святого, а стойкость духа познавшего муки ада («муж выстоять в беде обязан...»).

Гурам АСАТИАНИ. О ГРУЗИНСКОМ.

Прометей от рождения — мятежник («борец против черной судьбины»); это дух непримиримости, непокорности, бесстрашия, первый своевольный вассал, первый нонконформист в истории человечества. Уже в трагедии Эсхила он не выносит никаких стеснений и ограничений — ничего, подавляющего внутреннюю свободу личности, живую ее мысль или естественные стремления, отвергает навязанные порядки, не мирится ни с какими запретами, даже если они выражают волю Зевса, могущественнейшего из богов, не хочет быть покорным и раболепным.

Ярый ненавистник всякой тирании, он уже в силу этого — изменник... в глазах вседержителей (по Гесиоду он впервые перехитрил Зевса при дележе убитого быка).

И он — человеколюбец; любовь к людям доходит в нем до самозабвения.

Прометей — похититель божественного огня. Он грабит самых богатых собственников — Гефеста и Афины и отдает похищенное беднякам («отнимает у богатого, раздает нищим...»).

Прометей — самый человечный бог в греческом пантеоне, самый щедрый и добрый. Он лишен высокомерия, он не желает быть идолом в представлении смертных, детей земли.

Гордое одиночество Прометея — вынужденное одиночество, обреченному на которое воронье терзает грудь днем и ночью. Достоинно внимания еще и следующее обстоятельство: в средние века, когда Прометея считали предтечей Христа, один из отцов церкви — Тертуллиан называл его историю «кавказским распятием».

Прометей — бог свободы. В большей степени, нежели Аполлон, ибо исток его свободы — не божественное блаженство, не сознание божественной неуязвимости бессмертных, сопровождаемое, как естественным аккомпанементом, убаюкивающей музыкой благозвучных инструментов и мирной песней сверчков и цикад; исток его свободы — добровольно принятые муки и неистребимая любовь к людям. Одиночество Прометея не имеет ничего общего с отречением Манфреда и Брандта. На одиночество Прометей обречен Зевсом, это не самоприговор, это самое тяжкое наказание, которое назначила ему верховная сила, поскольку Прометей всем существом своим стремился к людям, к своим земным избранникам.

Прометей — служитель огня, «частичка солнца», вестник счастья. Он торопится со своей огненной добычей к людям, потому что без этого огня — без тепла и света — не представляет себе подлинной жизни человеческого племени (в трагедии Эсхи-

ла счастье не мыслится Прометею без гордости и независимости (человеколюбие для него — синоним свободолюбия).

Прометей приносит с небес на землю искру огня-счастья, чтобы согреть здесь, на земле, заочевшие сердца, причастить людей к ощущению бессмертия, свободы, гармонии. Чтобы здесь, на земле, создать у них иллюзию совершенства, полноты счастья.

Он — живой мост между небом и землей, живой столп свободы, правда, пронзенный молнией, пораженный Зевсом в грудь, но наперекор всему гордый, вольный, смеющийся, провозвестник бесконечности жизни и вечного возрождения.

Не знаю, как можно все эти атрибуты заключить в один эпитет, а между тем чувствую, что цельный образ расплылся, распался на детали. Самым лапидарным остается все-таки сам символ: Прометей, Амирани.

Прикованный Прометей Эсхила, Прометей Гёте — демиург, Прометей Байрона — огненный разум, освобожденный Прометей Шелли.. Каждая эпоха вносила в образ Прометея что-то свое, новое.

И в поэме А. Церетели «Торнике Эристави» грузинские воины поют боевую песню о мужественном и стойком Амирани.

Бытуют различные мнения об идентичности образов Прометея и Амирани. Родство их не вызывает сомнения, как несомненно и то, что образ Амирани восходит к древнейшим пластам грузинской культуры.

Мы не собираемся ничего присваивать. Многие из того, что придает образу Прометея-Амирани эмблематические черты грузинского характера, — достояние всего западного мира, вообще всего человечества. Тем ценнее, что черты эти так ярко проявились на грузинской почве. Это свидетельствует, что пути нашей духовной биографии от века совпадали с общим направлением духовного развития человечества.

Интересна для понимания образа Прометея еще одна точка зрения. Противопоставление аполлонического и дионисийского начал основано на следующем взгляде: древние греки понимали ужас и жестокость природы (вселенной); культ Аполлона необходим был им для того, чтобы красивой завесой прикрыть первозданный облик мира уродливых владений первобытных богов (титанов). Роль такой завесы отводилась Олимпу — племени новых богов, прекрасных, светлых, жизнерадостных существ, обликом своим олицетворяющих аполлоново начало.

Культ Диониса, напротив, знаменует возвращение к природе — присоединение к ее хаосу, к дисгармонии, мучениям, уродству, которые, однако, через дионисийское «опьянение» могут привести к утешению.

При таком взгляде образ Прометея получает новое освещение. Главное здесь то, что Прометей по греческой мифологии не новый бог, не олимпиец, а титан (одно из древних божеств), то есть олицетворение именно первозданной, подлинной, неприкрашенной природы.

Удивительно, что в «аполлоническо-дионисийской» концепции упущено это обстоятельство. Из мифа о Прометее здесь уделяется внимание только ключевой его пещи — олицетворению сил несправедливости. Природа порождает из недр своих не только орла (коршуна), адепта зла и жестокости, но и самого Прометея — сильного, мужественного в своей доброте.

Прометей появляется из глубин первозданной природы. А значит, в образе Прометея отражается древнейшая вера человечества в то, что в самой природе содержится действенное доброе, человеколюбивое начало.

Интересно одно совпадение: подобно Дионису, Прометей также мученик («с истерзанным телом»). Но в отличие от Диониса он не является божеством мучений и самоистязания, ищущим облегчение в пытках, это не примирившийся с муками, а борющийся за счастье бог.

Прометей (так же как и наш Амирани) верит в доброе начало природы, а это убеждение довольно близко грузинскому мировоззрению.

Такова, в частности, самая ранняя и самая примитивная модель нашей космологии:

Солнце — мать моя,
Луна — мой отец,
А мелкие звезды —
Сестры и братья мои.

Грузин чувствует себя как дома в беспредельной вселенной. Подобное осмысление бытия легче всего было бы объяснить простотой нашего характера, но такое объяснение само, в свою очередь, выглядело бы крайне примитивно.

Простота (наивность) в определенной дозе лежит в основе всякого поэтического миропонимания. Грузинская поэзия не составляет исключения в этом смысле.

Но глубинное осмысление бытия в художественном творчестве грузинского народа не выглядит простодушным, примитивным.

Наши предки не хуже греков сознавали как мимолетность жизни («цвета сумерек мир, с каждым часом все больше смеркается»), так и вероломство мира («таков этот мир, никому не верить») и горькую превратность судьбы («почему не даешь нам покоя, что мучаешь нас»); они замечали беспощадность времени («и наши дома когда-нибудь зарастут травой») и жестокость стихийных сил (что выразилось в образах дэвов, любящих лакомиться кровью людей).

**«Жизнь наша — мгновение,
Не успеешь брата узнать», —**

говорит грузинский крестьянин и тут же:

**«Не поддавайся печали,
чтобы не заросло мхом сердце»...**

Как же преодолеть эту «печаль», в чем видит грузин спасение от нее?

Разумеется, и в вине, и в самозабвении (то есть в дионисийском «опьянении»), но также и в созданных им самим прекрасных иллюзиях (в аполлоническом «сне»). Но не только в них.

В отличие от древних греков грузинский народ не использовал свою мифологию как красочную завесу над ужасающими пропастями мира. Отпечатки скорби, зла, ужасов (дисгармонии) полностью сохранены в дошедших до нас древнейших её переказах.

Но главное здесь то, что под тяжелыми глыбами уродства взор его всегда различал яркие зерна красоты, и в недрах мрака виделись ему сияющие моря света.

Свет этот, как и Мзечабуки (Солнце-юноша, тот же Амირани), попавший в брюхо дракона, вечно борется за свое освобождение, стремится прорвать густую оболочку мрака, невзгод, уродства, антисвета, античастья, антикрасоты.

Ведь и Прометей хотел одного: вырвать из власти всемогущих богов и принести человеку огонь, свет, первоисточник жизни.

Можно сказать, что грузинская культура своеобразно аккумуляировала все местные мотивы «кавказского распятия», обогатив мировую культуру собственным художественно полнокровным литературным образом, олицетворяющим давнюю мечту народов данного региона. В этом смысле интересен не только тот факт, что общекавказский фольклорный сюжет (в силу понятных причин) в свое время лишь в Грузии получил литературное оформление

(«Амиран Дареджаниани» Саргиса Тмогвели), но и то ^{гораздо} более важное обстоятельство, что поэзия всей нашей классической поры проникнута в основном тем же духом — в ^{первую} очередь это относится к вершине грузинской поэзии, поэме Руставели. Ведь главная идея «Витязя в барсовой шкуре» отражает прометеевское отношение к миру — и здесь источник света и счастья ждет своего освобождения из тьмы (небезынтересно и позднейшее осмысление этого мотива, по которому освобожденный свет означает осуществление национальной мечты).

Грузинское представление о мире амбивалентно — оно признает существование и добра и зла, то есть учитывает двоякую закономерность, царящую в действительности, двуприродность последней; основой же оптимизма (веры в торжество добра и красоты) является для него естественная, объективная истина (а не «опьянение» и не «сон»).

Выше уже говорилось о своеобразном артистизме грузинского характера (что нередко проявляется в «спектакле счастья», в наслаждении искусственными суррогатами счастья). Но и это свойство вытекает из мироощущения, поскольку грузин умеет видеть «возвышенное» и «прекрасное» в самой существующей реальности.

Сама природа, по его глубокому убеждению, первейший творец «множества красок» — контрастов, многообразия, многоцветности, многоликости.

Вследствие этого празднеству (пиру, игре, артистизму) он учится у самой природы, но воспринимает его не подобно хаосу и дисгармонии (как в дionисийских оргиях), а как проявление норм и закономерностей самой природы.

Именно такое понимание жизни отвечает на вопрос, который мы ранее оставили без ответа, — почему грузин не мирится со смертью? Или: почему мы относимся к числу тех народов, которые сравнительно трудно расстаются с жизнью?

По убеждению Ницше, древние греки в глубине души довольно легко расставались с жизнью, ибо хорошо знали подлинную ее цену (знали, что жизнь ничего не стоит). Следуя этой логике, умирать трудно тому, кто преувеличивает ценность жизни, видит в ней благодатный смысл, одно лишь доброе начало.

Наше отношение к смерти лишь в определенной мере подчиняется этой логике. Основная причина привязанности к жизни кроется не в наивном представлении о ней (в понимании мира как полностью реализованного, абсолютного добра), но в давней, веками сохраненной вере в ее потенциальные возможности.

Что касается собственно оптимистического мироощущения, то оно проявляется именно в признании вышеупомянутой двоякой

закономерности. Добро и зло, так же как свет и тьма, существуют в мире независимо, как равносильные начала, и все-таки человек хочет удивляться «хорошему», радоваться, верить.

И если, по убеждению Руставели, «добро побеждает зло, ибо суть его долговечна», то и народ в глубине души своей живет надеждою на то, что «день приходит на смену ночи».

Самый значительный образ (учитывая двоякую закономерность мира) в поэтическом творчестве грузинского народа, несомненно, — Миндиа, образ, в котором постижение подлинной (скрытой, тайной) сути природы увенчивается исповеданием Добра.

Правда, судьба Змееда трагична, но поражение его не воспринимается по большому счету как полная капитуляция. Мудрость «прозревшего» Миндии продолжает существовать в душе каждого грузина («истинного грузина») как непрерывное бдение, непрерывный поединок с силами слепоты и невежества, мрака и печали.

Основа нашего национального духа — не наивный оптимизм, не взор, затуманенный мукой, и не желание прикрыть красивой завесой устрашающие пропасти мира.

Основа его иная: это трагическое противостояние человеческого духа хаосу, героическая попытка вырвать из оков мрака свет. Это философия невозможного, чуда — убежденность в окончательной победе могучей души над слепой, беспомощной, сонной необходимостью.

И поскольку невозможное и чудодейственное в грузинском миропонимании заложено в сути самой природы, то, значит, оно представляет собой естественное, природное начало.

Вот почему грузин научился так старательно выжимать из повседневной серости сумрачного мира яркие капельки радости. Это его предварительные упражнения, ежедневные, сознательно упрощенные репетиции перед великой, главной, решающей борьбой.

И поскольку в той главной борьбе ему предстоит преодолеть невозможное, он должен суметь выстоять перед превосходящей силой, преодолеть сопротивление подавляюще огромных масс, побороть инерцию объективной реальности, более сильную, чем заглавное движение его сердца.

Выстоять, преодолеть, побороть... Все объективное — бессмысленное, бездушное, бесчеловечное — против нас. На нашей стороне только то, что создано для преодоления этого бессмыслия, — человечность, живая, негибкая воля человека, титаническая мощь его доброго сердца и веками тренированного разума.

МЕРА ВИНЫ

И

НАКАЗАНИЯ

О РОМАНЕ ГРИГОЛА
АБАШИДЗЕ «КОРНАЛИ»

В РАССКАЗЕ Жан-Поля Сартра «Стена» один из героев вспоминает, как в застенке фалангисты обещали не расстрелять его, если он выдаст местонахождение антифашиста Рамона Гри, его ближайшего друга, любовь и преданность к которому были так же сильны, как ненависть и презрение к фалангистам. И чтоб сбить их с толку, посмотреть, как они переполошатся, отправляясь на поиски Рамона, он называет первое пришедшее ему на ум место, зная, что Рамона там, конечно же, нет.

Однако, придя в указанное место — на кладбище, фалангисты в сторожке кладбищенского сторожа и в самом деле находят Рамона Гри.

Грузинский читатель познакомился с этим рассказом двадцать лет назад, в тот год, когда Жан-Поль Сартр приехал в Грузию. Возможно, это было первое художественное произведение, опубликованное на грузинском языке, в котором читатель так наглядно убедился в огромной силе вероятности в жизни человека, увидел, что у случайности — необъятное поле деятельности в реальной жизни, и ситуация, столь великолепно использованная французским писателем, говорит

не о простом и нелепом совпадении, а выражает один из аспектов философии случайности.

Многие ученые признавали случайность основным элементом в самом построении мира. Вспомним широко известную книгу Норберта Винера «Кибернетика и общество», в которой он пишет, что в системе мира этот элемент случайности, это органичное несовершенство можно рассматривать как зло — негативное зло, которое святой Августин охарактеризовал как несовершенство, а не как позитивное преднамеренное зло манихейцев.

Случайность несубстанциальна и не проявляет себя как «необходимость». О ней говорят, что «это то, что может быть и может не быть, может случиться так, но может — и иначе».

В жизни человека случайность играет самую разную роль, она может быть абсурдной, роковой, преступной...

Роман Григола Абашидзе «Корнали» интересен не столько своей серьезной тематикой, сколько — прежде всего — отраженным в нем мировоззрением. Здесь наглядно представлены нравственные, социально-философские аспекты, но основное все-таки — исследование социальной, нравственной и психологической сути вероятности. Какое место занимает случайность вообще в жизни человека? Каково соотношение вероятности и «банальной» необходимости?

Слепа ли случайность? Существует ли она как нечто чистое, «абсолютное»? Или же в развитии действия романа находится в определенном закономерном соотношении с нравственной шкалой человека? Имеет ли данная случайность какую-либо связь с генетико-нравственными особенностями человека? В какой связи может находиться случайность с сутью явления, закономерным фактом?

Таковы основные вопросы, поставленные автором в «Корнали» и по мере возможности художественно разрешенные.

Если в «Стене» Жан-Поля Сартра случайность представлена в чистом своем виде и по существу абсурдна, то в романе Григола Абашидзе нет «чистой» случайности — случайности, за которой не таилась бы определенная причина, скрытая закономерность. По словам Маркса и Энгельса, там, где налицо игра случайностей, там сама случайность всегда подчиняется внутренним скрытым законам. Необходимо лишь эти законы выявить.

Роман Григола Абашидзе, опирающийся на систему случайностей, раскрывает их перед читателем посредством художественной мистификации. Каждую случайность читатель воспринимает как нечто независимое, изолированное, то есть случайность в «чистом виде», но в итоге все они служат раскрытию чего-то

большого и представляют собой отдельный аспект единого, общего замысла.

Настало время раскрыть скобки и сказать, какой художественный материал в романе мы имеем в виду, когда говорим о теоретических понятиях «случайность», «основа необходимости» и других. Тот, кто читал «Корнали», вероятно, согласится, что роман — как бы своеобразный монтаж парадигм невольных преступлений. Случайность характеризует столь же неожиданная и вовсе не обязательная связь с сущностью явлений, как непреднамеренное преступление — с личностью человека, его совершившего. На наш взгляд, взаимосвязь пропорциональна — говоря о случайности в романе «Корнали», мы невольно будем говорить и о преступлении.

Случайность подчиняется канонам вероятности, и, следовательно, невольное преступление — отражение этих законов. Однако автор отдает предпочтение не категории вероятности, а скорее логике необходимости.

Вот первая парадигма непреднамеренного преступления (данная в самом начале романа) девятилетнего Левана Гаприндашвили, которое на первый взгляд является чистой случайностью (т. е. непреднамеренным преступлением) и в глазах читателя не накладывает на несовершеннолетнего героя особенного нравственного отпечатка. Но вспомним, что в дальнейшем вся жизнь Левана Гаприндашвили, главного героя романа, состоит из случайных, непреднамеренных преступлений. Поэтому естественен вопрос: может быть, Леван Гаприндашвили был сеятелем зла (хотя бы даже неосознанно), может быть, зло ходило за ним по пятам, ему перманентно приходилось совершать преступления, и все-таки эти не связанные между собой преступления (каждое в отдельности) были чистой случайностью, не соединялись в Леване?

Но мы забежали несколько вперед с этим вопросом, забыв о необходимости обратиться для иллюстрации к самому роману. Итак, разберем первый пример невольного преступления Левана.

Маленький Леван часто ходил в лес по грибы. В тот день ему сопутствовала удача, он собрал полную корзину для своего дяди протоиерея Абесаломы. Возвращаясь, Леван повстречал девочку, которая, почему-то испугавшись его, пустилась бегом по тропинке, но упала и рассыпала свои грибы. Увидав, во что превратились ее рассыпанные по склону, перемятые, переломанные грибы, девочка принялась плакать. К тому же, зацепившись подолом за ежевичный куст, она порвала платье. Как же ей теперь возвращаться к мачехе — без грибов и в разодранном платье? Леван, чтоб помочь ей, отдал девочке все свои грибы.

Вернувшись домой поздно ночью, Абесалом рассказал, что Эка (так звали девочку) и ее мачеха умерли, отравившись грибами. Так, сам того не желая, Леван стал убийцей двух людей. История эта потрясла его до глубины души, углубила в нем интерес к религии. Он успокаивается только лишь после исповеди и принятия причастия.

Эпизод с отравлением Эки и ее мачехи вовсе не наводит тень на Левана; в этих нравственно двусмысленных картинах большее впечатление на читателя производят горькие переживания и искреннее раскаяние Левана и его самозабвенное пение на хорах («Леван поет увлеченно, самозабвенно. Он не видит ничего вокруг, кроме высокого купола церкви, откуда льется в храм воскресный солнечный свет. Левану кажется, что вместе со светом льется, наполняя храм и сердца всех молящихся, душевное спокойствие, благодать...»)

Но если история гибели Эки дана в ретроспекции и сам Леван вспоминает ее приблизительно тридцать лет спустя, то сейчас, когда развивается действие романа, вокруг Левана снова гибнет несколько человек... Возможно ли, чтоб такая «последовательность» преступлений была случайной? Или же в силу их множества следует прийти к выводу, что совокупность этих случайных явлений в итоге приводит к поступкам, которые, казалось бы, не случайны?

Несомненно, последнее соображение вполне приемлемо, им и следует руководствоваться: прибегая к помощи многочисленных закономерных аналогий, чтоб объяснить непонятную, скрытую связь случайности с объективной необходимостью, читатель понимает, что невольные преступления, совершенные Леваном, не случайны, связь многочисленных невольных преступлений приводит к результату, который почти застрахован от вероятности и проявляется в настоящих преступлениях. Читатель убеждается в том, что Леван — это трагическая фигура, мученик, игралище собственного генетического «шифра», подсознательных и сознательных наклонностей, а также социальных и эпохальных явлений.

Выше мы уже говорили о том, что, несмотря на свои невольные грехи, Леван привлекает своим благородством. Вспомните хотя бы его доброту и мягкосердечие при завершившейся так трагически встрече с девочкой. Но ведь не каждый ребенок способен так остро переживать, так каяться, как Леван. Неужели человеку на всю его жизнь не должно хватить доброты, которой

он однажды уже поделился? Неужели доброта мальчика, появившегося страх девочки, остро пожалевшего ее, так и осталась в детстве Левана, удивительно доброго, нравственно чистого ребенка? Мы ведь помним, что уже позже, в пятнадцать лет он являет собой образец черствости и непонимания, когда срывает с купола церкви крест, с купола той самой церкви, на хорах которой он так самозабвенно пел.

Куда же девался тот чистый и добрый ребенок? Неужели его детство не имеет никакой связи с юностью, с возмужанием?

И в самом деле, эти контрасты в развитии духовного мира героя обусловлены определенными обстоятельствами. Основное таково. В романе Гр. Абашидзе человек более интересен в метафизическом плане как для читателя, так и для самого автора, а бытовая и повседневная сторона в основном исполняет роль фона. Правда, роман читается как остроумный французский детектив, но философский характер этого «детектива» налицо.

Совершенно очевидно, что законченного психологического портрета героя в нем почти нет. Это, вероятно, происходит по тем же причинам: человек интересует автора скорее всего отвлеченно, так сказать, метафизически, а последовательное психологическое развитие героя или традиционный реалистически-бытовой план — для писателя уже второй вопрос.

Быть может, автору следовало бы предельно сузить бытовую сторону романа, чтоб добиться большего соответствия между концептуальной частью произведения и художественными средствами повествования.

Итак, Леван, будучи в девять лет олицетворением добродетели, в пятнадцать — превращается в олицетворение темной, разрушительной, деструктивной природы человека. Перевоплощение Левана, метаморфозы его взглядов — это крайнее проявление фанатизации массового сознания и массовой суггестии.

В романе, с одной стороны, интересны именно эти метаморфозы, и хотелось бы, чтоб они были показаны шире; однако, как мы уже стмечали, автора интересует не столько показ процесса перевоплощения героя и широкой социальной панорамы, сколько их суть, квинтэссенция, смысл.

Во второй парадигме выражен и нравственный предел, достигнутый Леваном в пятнадцать лет. До той поры его воспитывал дядя — протоиерей Абесалом. В пятнадцать лет Леван впервые увидел отца, Ясона, который, уходя, подарил ему револьвер. Этот «подарок» будит в нем и вызывает к жизни темные инстинкты, бесовский генетический «шифр».

Собрание комсомольцев деревни постановило вынести из храма чудотворную икону святого Георгия и сбросить с купола церкви крест. «Сейчас же мы всенародно докажем, что за цена вашим молитвам и службе церковной. Покажем всем, что ваши иконы и крест бессильны против нас и не могут сотворить никакого чуда... Давай, ребята!» — крикнул Ясон комсомольцам и многозначительно, как бы гипнотизируя, уставился на Левана.

Тут и Андро схватил Левана за руку, предлагая следовать за собой. Тот мгновенно сорвался с места и бросился к церкви, опережая всех.

Абесалом еще не догадывался о намерениях молодежи.

Левану хорошо были знакомы все ходы монастыря. Он тут же нашел лестницу, ведущую к куполу, и мгновенно очутился на крыше храма. Народ загудел. Люди отступили подальше от храма, чтобы лучше видеть взобравшегося на крышу парня. Леван осторожно ступал по обветшалой черепице, приближаясь с каждым шагом к кресту, воздвигнутому на куполе церкви.

— Остановись! Не смей! — крикнул снизу Абесалом. — Остановись, не прикасайся к кресту!

Леван обернулся и горделиво поглядел вниз на следящих за ним людей. Потом он смело шагнул в сторону креста и смело протянул руку.

Именно в это мгновение и прорезал воздух голос Абесалома, больше похожий на рев быка, обреченного на заклятие.

В Леване вдруг все содрогнулось. Он потерял равновесие, поскользнулся и полетел вниз».

Прошло немного времени, и в церковный праздничный день Леван снова взбирается на купол и срывает крест.

Автор считает, что, рассуждая о причинах, обстоятельствах и корнях непреднамеренного преступления, желая теоретически осмыслить его, следует заострить самое пристальное внимание на массовом психозе. Непреднамеренное преступление можно рассматривать в разных аспектах; пожалуй, самый интересный и самый актуальный мы отыщем именно в этой сфере.

Известно, что в так называемые критические эпохи людей, участвующих в грандиозных социально-политических движениях, бывало, охватывал азарт, и тогда их деструктивные стремления нередко всплывали на поверхность истории. Массовый психоз заключал в себе ностальгию по безличному бытию и проявление

захороненных в человеке инстинктов глубокого прошлого. Обостренный инстинкт глубокого прошлого, когда люди ошущали себя как нечто безличное, подчиняли себя единому целому, входил в свои права и действовал со всей жестокостью.

Помимо того, массовый психоз — это фанатизация враждебного отношения к духовным и культурным ценностям, обострение атмосферы непримиримости, и опирается он на самые темные инстинкты человека. Это разрушительно-нигилистическая тенденция в отношении к культурно-историческим ценностям.

Жертвами такой массовой фанатизации и массового психоза, необузданной суггестивной силы явились Леван Гаприндашвили и его друг детства Андро Авалиани. Леван, таким образом, сам — жертва, и, следовательно, его преступление можно квалифицировать как непреднамеренное, случайное.

Но лучше послушаем самого автора. «Редактор продолжал говорить, не обращая внимания на смущение автора.

— Вы совершенно правы, когда доказываете, что при массовом психозе отдельные индивиды подпадают под влияние всеобщего возбуждения, что это возбуждение, словно хмель у пьяного, затмевает сознание индивида, индивид подчиняется общим устремлениям, растворяется в массе, теряет собственный облик, утрачивает способность самостоятельно рассуждать. Подпавший под массовый психоз, экзальтированный человек теряет контроль над своими действиями и готов на безрассудные, безотчетные поступки. Он может безотчетно совершить такое зло, на которое в нормальном состоянии ни в коем случае не пошел бы. Как пример — случай, когда одурманенные массовым возбуждением люди побивают камнями злоумышленника, зачастую даже не имея никакого представления о содеянном им зле. Это, безусловно, правильное наблюдение...

Иногда, во время острых внутривосточных кризисов, массовый террор действительно принимает характер массового психоза. Подпавшие под влияние всеобщего возбуждения действуют безотчетно, убивают или доносят и губят даже близких людей. Классическим примером вы с полным основанием считаете эпохи Нерона и Тигеллина...»

Таков, в основном, фон, на котором развивается действие в романе. Герои, зараженные этим массовым психозом, действуют так, словно они не принадлежат сами себе. Потому-то столь велика роль случайности в этом произведении и бесспорные причинные связи не выдвинуты на передний план.

Вот еще один пример фанатизма массового сознания и поли-

тической суггестии. Леван невольно «выдает» своего ближайшего и любимейшего друга Андро Авалиани.

Произошло это вот как. На банкете после удачного процесса Леван очутился по соседству со столичным адвокатом. Там же был Андро, который «долго перечислял все заслуги Гаприндашвили, сказал о его большом таланте, напомнил о проявленном на процессе высоком мастерстве.

Наконец он сказал:

— Мне неудобно много говорить о таланте и эрудиции моего друга. Могу сказать лишь одно: если его начитанность и образованность вызвали восторг и удивление присутствующих, то фундамент столь широкого образования заложен был здесь, в этих местах, в маленькой деревне близ Клдеети, когда мы в одной тайной библиотеке приобщались к мудрости Сократа и Аристотеля, Тацита и Цицерона...

— О какой это тайной библиотеке говорил тамада? — улыбаясь спросил тбилисский адвокат у Левана.

Леван уже основательно захмелел. Он охотно рассказал тбилисскому гостю, как давным-давно обнаружили они в квартире Авалиани замурованную библиотеку, как тайком забрались в нее и как были рады, найдя богатейшее книжное собрание. Рассказал даже о книге, которую они не то что прочесть не решились, но даже забросили за шкаф, чтобы она никому не попадалась на глаза.

— Неужели удержались? Неужели хоть немного не прочли? — допытывался тбилисский защитник.

— Что вы! Куда читать! Мы так перепугались!

Как видно, любопытство тбилисского гостя было удовлетворено, он переменял разговор, и пир продолжался. А через неделю Андро и Левана арестовали. В качестве обвинения им обоим предъявили ту проклятую книгу, которую, как явствовало из дела, «председатель клдеетского суда и прокурор смолоду тщательно изучали и тайно давали читать и другим».

Помимо того, что Леван невольно предаст друга, он сам оказывается явной жертвой фанатизма массового сознания (парадигма третья).

Разговор о библиотеке завел Андро, Леван помог установить координаты и дал информацию «о запрещенной книге». Так почему же в аресте Андро все обвиняют Левана, неужели потому, что, как помнит читатель, Левана вскоре освобождают?..

В Леване ярко воплотились социальные и политические зигзаги эпохи, потому-то он и невольный преступник, и одновременно жертва массового психоза.

Вот еще одна жертва массового психоза — Ушанги Гамкрелидзе. Читатель знакомится с ним во время игры ребят в ремень. Андро и Ушанги оказались противниками. Андро, захватив ремень, здорово отлупцевал Ушанги. Вскоре для Ушанги наступила минута отмщения — ремень оказался у него в руках. Но Ушанги вдруг отбросил ремень и пошел к своей сумке.

В другой раз, в игре в шахматы, проявляется уступчивый характер Ушанги, его компромиссная природа и в то же время — несколько безрассудный, но самолюбивый и горячий характер Андро.

После того как Ушанги намеренно проиграл Андро четыре партии, Андро понимает, что поведение Ушанги — это нравственная капитуляция, но объясняет это лишь его характером:

«— Знаешь что, — резко заговорил Андро. — этот Ушанги обманщик и фарисей. Может быть, другим приятно, когда он им нарочно проигрывает, а меня это злит. Нам еще только по пятнадцать лет. Искренность нам больше к лицу, чем холодный расчет. Ты думаешь, он зачем проиграл? Чтоб не испортить со мной отношений. Он своими проигрышами хотел задобрить меня.

— Зачем?

— А на всякий случай. Так поступают люди, которых жизнь крепко ударила, и вот они чувствуют неуверенность, боятся за будущее, стараются приспособиться...»

Когда же Ушанги рассказал Левану о том, как ему жилось после расстрела отца, что внушала ему испуганная мать, Леван понял, почему Ушанги и правда был всегда, с одной стороны, услужливым, готовым отказаться от своих удовольствий ради других, и в то же время — замкнутым, молчаливым, не улыбочивым.

Андро же агрессивен, безрассуден, самолюбив и, как мы уже убедились, конъюнктура для него — основной стержень поведения. И когда он дерется (вспомним, как он ожесточенно стегал товарища во время игры в ремень) или же громит (хотя бы ту же самую церковь), это для него не просто проявление неуравновешенности или же азарта, это его внутренняя потребность.

Для того чтоб у читателя создалось верное и точное представление о нем, надо вспомнить эпизод обсуждения картин молодого художника Ушанги Гамкрелидзе, когда Андро своим выступлением чуть было не погубил своего друга детства.

...В выставочном зале Академии художеств идет обсуждение работ дипломантов. Внимание присутствующих привлекают картины Ушанги из цикла «Старый Тбилиси». Рыбаки, извозчики, стройные кинто в широченных шароварах, духанщики, старые улочки, дворики — все это было ярко, сочно, согрето любовью и легкой грустью. Но внимание всех выступающих было обращено на другую работу художника, о ней-то все и говорили взахлеб. Это огромная картина «Революционер», на которой изображен молодой революционер, выступающий на нелегальном собрании большевиков. Читатель, вероятно, помнит, что Ушанги с детства был воспитан матерью так, что умел оценивать обстановку, и поэтому нет ничего удивительного в том, что Ушанги выставил совершенно разного плана работы. Вообще, по мнению автора, люди формируются в детстве. Человек весь целиком представлен в своем детстве. С ростом ребенка меняется, усложняется, расширяется круг мышления и действий человека, но ребенок в нем живет до последних его дней.

В романе немало примеров тому. Инцидент, происшедший в выставочном зале во второй половине сороковых годов, воскрешает картину детства героев романа, их беседу, которая происходила между пятнадцатилетними Ушанги и Андро: «Андро покосился на рисунок и сказал Ушанги: «Что это ты такой рухлядью увлекаешься? Развалины. В историю впал».

Ушанги покраснел, но ничего не ответил».

Эта сказанная с иронией фраза (в деревце Корнали) в сущности своей не изменится, но в соответствии с возрастом, обстановкой (действие на сей раз происходит в Тбилиси), со сложностью жизни претерпевает дальнейшие метаморфозы. Она превратится в постыдное, жестокое (ведь он губит самого талантливого художника, друга детства) выступление против Ушанги и явится как бы отголоском ярости и злости, с которыми Андро в детстве во время игры в ремень так безжалостно лупцевал друга.

Хочется еще раз подчеркнуть свое несогласие с автором в обрисовке образа Андро. Андро — детище своего времени, и потому он должен быть большим конъюнктурщиком, более последовательным в своих злодеяниях (вспомним, что он был любовником жены Левана, и Элисо — это его дочь, а не Левана).

И в самом деле, смешно с позиций сегодняшнего дня, когда в стране, и в частности у нас, в Тбилиси, так много делается для сохранения старины, выступать на выставке против изображения

Гурам КАНКАВА. МЕРА ВИНЫ И НАКАЗАНИЯ.

быта старого города и требовать от художников исключительно создания произведений, отражающих классовую борьбу, как делает это в романе Андро Авалиани.

Речь Андро как бы скалькирована с официального выступления, какие часто произносились несколько десятков лет тому назад. Она вовсе не утрирована автором.

«Я не являюсь ни художником, ни искусствоведам, но живопись, искусство и, в частности, советское искусство создается для народа. Мы обязаны хранить как зеницу ока и соблюдать идейную чистоту советского искусства, должны бороться с любым проявлением буржуазной идеологии, формализма и аполитичности. Я внимательно выслушал выступления всех товарищей, и у меня сложилось впечатление, что я попал на какой-то утопический остров, где нет ни классовой борьбы, ни идейных противоречий, где все протекает тихо и мирно. И докладчик, и выступавшие в прениях проявили явный либерализм, расхваливая цикл «Старый Тбилиси» молодого художника Ушанги Гамкрелидзе. Этот цикл «Старый Тбилиси» не только является образцом безыдейности и аполитичности, но и явно несет на себе печать увлечения отжившей экзотикой. Он написан под влиянием западной буржуазной живописи. А вы, его учителя и воспитатели, не хотите указать на это молодому талантливому человеку, напротив, поощряете его ошибки...»

* * *

Самая сложная и интересная парадигма непреднамеренного преступления связана с последним отрезком жизни Левана, когда он становится невольной причиной смерти Цицо Лория. Вспомним, как поразительно, на грани фантастики и детектива, невидимые щупальца леванова «непреднамеренного преступления» коснутся Цицо и в конце концов убьют ее.

У Левана — больная дочь Элисо. Он узнает, что в Тбилиси продается эффективное заграничное лекарство, и просит районного провизора Александра привезти ему это средство. Александр выполняет просьбу Левана, привозит три флакона лекарства и просит за него три тысячи рублей (курс дореформенный), которые станут в дальнейшем сакральной цифрой. Откуда у корректора такие деньги? До какого же отчаяния должен был дойти Леван, чтоб согласиться просить деньги у дяди Абесаломы, с которым он так и не примирился. Но беспомощность и страх перед смертью дочери оказались сильнее, и вот он ночью идет к дому дяди. Вдруг из-за поворота вылетает грузовик, ослепивший Левана яркими фарами. Леван успел отскочить, и машина, едва не за-

дев его, прогремела мимо. Перепуганный Леван не сознавал, какой инстинкт самосохранения подсказал ему совершить внезапный прыжок. Не знал он, и на каком волоске висела секунду назад его жизнь.

Придя в себя, он повернулся и поглядел вслед машине.

Грузовик всюду мчался по спуску, открывшийся задний борт качался и гремел.

Леван отметил про себя, что он вовсе не испугался возможной смерти. Напротив, наступил бы сразу покой, исчезли бы все заботы и не нужно было бы искать теперь, ночью, эти проклятые деньги.

Но тогда кто же заставил его в минуту опасности собраться в комок и прыгнуть, кто кинул на обочину дороги тело Левана?

Думая об этом, он прошел шагов сто и вдруг споткнулся о какой-то предмет. Он осветил фонарем и отступил на шаг. На середине дороги валялся небольшой чемодан. Он был раскрыт. В чемодане лежали деньги. Леван не поверил своим глазам. Он даже опустился на колени и наклонился, чтобы получше разглядеть находку. Но сомнений быть не могло: деньги, настоящие деньги лежали на дне чемодана и больше там ничего не было... Тогда, не помня себя, Леван упал на деньги и накрыл их собой...

Среди этих денег была злополучная пачка, опечатанная крест-накрест белыми бумажными полосками с надписью «3000». Эту-то пачку и дал Леван аптекарю Александру. И поскольку в это же время сам Абесалом принес Левану свои 3000 рублей, никого не удивило, что Леван с дочкой отправились на лечение в Ленинград.

В центре романа «Корнали» — проблематика непреднамеренного преступления и мера его наказания, в частности нравственная динамика и нравственные параметры такого преступления, и потому естественен вопрос — неужели Леван и в самом деле совершил тяжкое преступление, присвоив найденные деньги; разве любой отец, удрученный болезнью ребенка, не сделал бы то же самое, и разве дорога к Абесалому за деньгами не была для Левана дорогой на Голгофу?

Но в романе главное ведь не эта каузальная связь. В действиях Левана мы улавливаем черты какого-то мистического фатализма, когда каждое его движение — это затягивание петли на шее двух незнакомых ему людей.

Роман Григола Абашидзе о том, что любая случайность связана с сутью явления; нет, как считает автор, случайности в чис-

том виде, хотя он и допускает, что роль случайности в жизни человека бывает покрыта пеленой тайны. И чтоб раскрыть эту тайну, он обращается не только к помощи художественного домысла, но также руководствуется стройной этической системой, крайне принципиальными проявлениями гуманизма.

Проследим за дальнейшим развитием последнего непреднамеренного преступления Левана.

...Корнальской рабочей столовой заведует некий Пармен Заридзе. Шофером у него работает Гига Авалиани, сын Андро. Оба они влюблены в Цицо Лория и хотят на ней жениться. Но если Гига чист в своих стремлениях, то Пармен, человек разнузданный и грязный, считает, что все можно купить на деньги. Он берет со своей сберкнижки деньги (3000 — отдельной пачкой), напивается и отправляется «покорять» Цицо. Цицо удаётся бежать от него, она решает вообще уехать из этих мест. Но вновь — роковое стечение обстоятельств — попутной машиной правит Гига. Пармен Заридзе едет вместе с ними, чтоб проводить Цицо и узнать, куда она уедет. Цицо садится в кабину, а пьяный Пармен забирается в кузов. На одном из поворотов (это когда машина чуть не сбила с ног Левана) Пармен выпадает из кузова и погибает, а на его чемодан спустя немного времени натывается Леван.

Гига и Цицо ничего не подозревали, сидя в кабине. Приехав в районный центр, молодые решают вместе отправиться в Тбилиси и пожениться. Дядя Гиги (аптекарь Александр) делает молодым свадебный подарок — дарит ту самую пачку денег (3000 рублей), которую принес ему Леван. В Тбилиси Гигу и Цицо арестовывают — они обвиняются в преднамеренном убийстве Пармена с целью ограбления (против них неопровержимые улики — Пармена вез Гига, в кабине сидела Цицо, а номера ассигнаций, оказавшихся у Гиги, совпадают с номерами дензнаков, вынесенных Парменом из сберкасс). Цицо, заболев в тюрьме, умирает.

Категория случайности автором романа использована в крайнем своем проявлении — роковом. Однако столь частое стечение неожиданностей вовсе не удивляет читателя — в жизни всякое бывает. Но разве в столь непредвиденных обстоятельствах не убедительнее проявляются нравственные критерии человека? По мнению писателя, если неосознанные поступки, множество случайностей в жизни человека свести к высокой нравственной сути явления, то роль их неизмеримо возрастает.

Нравственные взгляды автора не претензиозны. Конечно же, не преследуя другой цели, он тотчас доказал бы с помощью квалифицированных экспертов, убит ли Пармен Заридзе (ведь именно убийство инкриминировали Гиге и Цицо) или же он пьяный вы-

11105020
303010033

стал из кузова. Но, как уже отмечалось, огромная роль в романе уделяется случайностям. Именно роковая случайность невольно впутала Гигу и Цицо в дело об убийстве Заридзе, а присвоенные Леваном 3000 рублей предопределили неизбежность этой ситуации. Леван играет решающую роль в их гибели. С тех пор как в Леване, образно говоря, пробуждаются бесовские гены, он — человек погибший, отныне он будет сеять зло и остановить его, т. е. спасти, невозможно.

Что же думает по этому поводу сам писатель, в чем основная мысль романа? Для человека окружение — активный катализатор, который выявляет и ускоряет те или иные процессы, способствует их течению и развитию, т. е. раскрывает генетический код, нравственный шифр, заложенный в человеке.

Этот нравственный и «генетический код» в человеке предопределен. Автор считает, что люди по нравственной шкале отличаются друг от друга, и различие это, нравственная их дифференциация начинается с рождения человека, когда он ничего не знает о себе, о существовании каких бы то ни было нравственных ценностей. Мы себя не выбираем, такими или иными мы рождаемся от природы и затем попадаем в определенное историческое окружение. С первых же шагов отвечая господствующим в этом окружении моральным представлениям, человек формируется как личность, то есть формируется его нравственный строй.

Мог ли Леван (не следует забывать, в каком он был состоянии), найдя деньги на дороге, думать о своих гражданских обязанностях? Человек, который живет на зарплату корректора и у которого больна дочь, который не знает, кому принадлежали эти деньги и не подозревает, что они станут причиной гибели других людей, человек, который вырос в атмосфере нарушения общественной правды, не стал бы в подобной ситуации играть роль белой вороны.

Но, как уже не раз было отмечено, для автора важнее не бытовая и психологическая верность в обрисовке персонажей, не художественное исследование и скрупулезное воспроизведение социальных или интимных сфер в жизни человека. Автор стремится прежде всего показать механику душевных терзаний человека, волею судьбы сеющего несчастья и гибель тем, кто так или иначе связан с ним. В этих метафизически заостренных сценах ав-

гору важнее всего показать роковое значение нравственных коэффициентов, раскрыть «бесовский» шифр или же парадигму зла и добра. А раскрываются они там, где Леван их вовсе не видит.

* * *

Литературным стержнем романа является проходящий через него с начала и до конца рассказ о трагической судьбе солдата Валерия (парадигмы других персонажей словно смонтированы вокруг него). То, что вменяется в вину Валерию, распространяется и на других героев романа — Валерий ведь тоже невольный преступник. Но почему судьбе Валерия придается такое стержневое значение, мне непонятно.

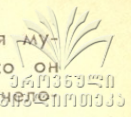
Дело в том, что преступления Валерия описаны излишне иллюстративно, умозрительно, что ли. На мой взгляд, судьба Валерия лишена подлинного драматизма, и страсти вокруг него кипят искусственные, и сцена гибели Воиновой лишена живых деталей, способствующих воссозданию образа...

Итак, «Корнали» — казалось бы, своеобразный монтаж непреднамеренных преступлений. А вот еще один такой пример — судьба скульптора Терентия Ткаченко, образ которого, кстати, как мне кажется, также менее удался автору. Хотя тут следует сделать скидку на то, что о своих злоключениях рассказывает Валерию сам Ткаченко, а третий персонаж (Леван) читает об этом в газете, следовательно, здесь писателю нелегко было избежать описательности. История жизни Ткаченко такова: в молодости он спивается, и когда однажды приходит к некогда любимой женщине, она не хочет видеть его. Тогда он ударом сбивает ее с ног, а дочь ее в страхе перед ним выпрыгивает из окна и погибает.

Так полная деградация, нравственное падение одного человека вызывают гибель другого. Не было никаких предпосылок, каких бы то ни было серьезных причин для того, чтоб девочка стала невольной жертвой спившегося человека. В данном эпизоде случайность предстает как трагическая бессмысленность, как несправедливая, страшная ошибка.

Самая интересная, на мой взгляд, часть парадигмы связана с отрезком жизни Терентия Ткаченко — известного скульптора.

По мнению Григола Абашидзе, человек тем острее и острее переживает собственные ошибки, грехи прошлого, чем он богаче духовно, утонченнее, человечнее, к тому же, если проступки прошлого не забываются, а наоборот, превращаются в назойливую идею. Чем тяжелее проступок, тем невыносимее в дальнейшем угрызения совести. Разумеется, автору романа

«Корнали» известно, что палачи народа могли заслушиваться музыкой Вагнера и быть тонкими ценителями лирики, однако он все-таки считает, что чем более углублена духовная жизнь века, тем острее он переживает и нравственно страдает из-за совершенного в прошлом проступка или преступления (хотя бы и невольного).

Но предоставим слово самому Ткаченко, лучше других раскрывающему собственную психологическую драму: «Я работал самозабвенно. И не только потому, что был увлечен, но и потому, что работа заглушала голос совести, притупляла память о совершенном преступлении. И я наивно верил, что с ростом моей популярности будет терять значение мое преступление, а под конец и совсем померкнет, потускнеет в ореоле признания и славы. Но чем ярче были успехи, чем громче звучало мое имя, тем больше я убеждался, что надежды мои напрасны. Я покорял новые вершины искусства, а вместе с тем как бы росло во мне, в моей душе, в моей совести и мое преступление. Оно росло и ширилось вместе с моей славой, разрастаясь, подобно грозовой туче заволакивая весь небосклон. И вот в конце концов туча угрожающе затмила все вокруг, закрыла от меня весь окружающий мир. Да, мне казалось, что блеск искусства сотрет мое давнее юношеское преступление. Но это была лишь наивная иллюзия. В действительности все получилось наоборот. Нет, чем крупнее художник или общественный деятель—все равно,—тем больше и его ответственность перед правдой и совестью. Становясь все более известным, поднимаясь выше, я поднимал вместе с собой и свое невольное злодеяние, мое непреднамеренное преступление всплыло, и никуда я не мог от него деться. Потеряв спокойствие души и утратив внутреннее равновесие, я все больше и больше прислушиваюсь к голосу совести. Она одолевает меня, неотступно напоминает о себе, будоражит и отнимает покой. Глаза загубленной мною девочки постоянно преследуют меня, ее взгляд проникает в самую глубину души и разжигает там нестерпимый огонь. Перед тенью погубленной девочки бледнеет и теряет всю свою красоту и весь смысл мое искусство и моя жизнь. Другой, обладающий более сильной волей, наверное, поставил бы точку на своем существовании. Но я этого сделать не могу. Мне остается только ад, что бушует в моей душе под прикрытием внешнего благополучия. Я живу только по инерции, а в искусст-

Гурам КАНКАВА. МЕРА ВИНЫ И НАКАЗАНИЯ.

ве по инерции никогда не создавалось ничего особенно ^{значительного} и великого».

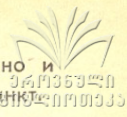
На наш взгляд, между преступлениями Левана Гаприндашвили, Валерия, а также Терентия Ткаченко — большая принципиальная разница. Преступления Валерия и Ткаченко, несомненно, — чистая случайность, и потому самоубийство Валерия воспринимается читателем как проявление излишней аффектации героя. Сумма же преступлений Левана, пусть и непреднамеренных, настолько велика, что в нем читатель видит человека, которого не минует кара

* * *

Итак, в романе «Корнали» затронуты две фундаментальные проблемы. Первая и главнейшая — проблема деструкции (насколько могут быть сильны в человеке деструктивные инстинкты, губительные и разрушительные стремления). По мнению ученых, деструктивные элементы заложены в каждом, и чем они сильнее, чем большей властью обладает наделенный ими человек, тем он опаснее для общества в определенной исторической ситуации.

Незабываемый, я бы сказал, классический образец проявления деструктивной сущности человека создал Резо Чейшвили в своем романе «Ветер доносит музыку». В одной из глав рассказывается о мальчике, который был таким добрым и так сильно любил дедушку, что почти ежедневно ездил из Кутаиси в маленькую деревушку, где набирал в бутылку лечебную минеральную воду и поездом возвращался обратно. Он любил стоять в открытых дверях вагона и не спускал замороженных глаз с проносящихся мимо рельсов. И вдруг в какой-то момент он выпускал из рук бутылку так, чтобы она с шумом «разорвалась», ударившись о рельс.

Этот странный ритуал повторялся систематически. С пустой бутылкой мальчик на рассвете пускался в путь и возвращался ни с чем. И пусть никто не думает, что он отправлялся за водой не из любви к дедушке, а ради пагубной страсти увидеть, как вдребезги разбивается о стальной рельс бутылка. По глубокому убеждению автора, да читатель и сам убеждается в этом, мальчик очень любит дедушку и именно эта любовь движет им, когда он на рассвете отправляется за целебной водой, но в нем сильно деструктивное начало. Читая эти страницы романа, я легко представлял себе, какое внутреннее удовлетворение получал тот мальчик или же какие эмоциональные волны захлестывали его, когда бутылка с водой разлеталась вдребезги. Писателю удалось удивительно точно показать деструктивную природу человека, которую психическая «цензура» так искусно скрыла в мире неосознанного.

Желание разрушать живет в человеке неосознанно, подсудно и в какой-то момент может вспыхнуть как асоциальный инстинкт.

Второй, не менее значительный вопрос, поднятый в романе, о фанатизме. Человек легко вовлекается в атмосферу массового фанатизма, в атмосферу сильных внутривосточных движений. И тогда высочайшие ценности человечества — милосердие, честность, доброта и разум — теряют свое содержание и над всем царствует инстинкт агрессивности.

* * *

На протяжении всего романа читатель слышит отчетливо звучащий мотив неизбежности рока. По мнению автора, злодеяние измеряется мерой отщепености, которое в конце концов неизбежно коснется человека. Этот нравственный оптимизм, заключающийся в том, что зло непременно будет отщеплено, берет начало в грузинском фольклоре.

...Однажды, еще когда Андро Авалиани и Леван Гаприндашвили учились в школе, учитель математики, заметив, что Андро на уроке увлечен какой-то книгой, отбирает ее. Взглянув на страницу, он читает вслух: «Кто из толпы сейчас ко мне звал? Звал— «Цезарь!» Говори же, Цезарь внемлет». «Остерегайся, Цезарь, ид мартовских...»

Мы знаем, что Цезаря убили в мартовские иды (15 марта).

А теперь обратимся к последней странице романа:

«Леван Гаприндашвили выдвинул ящик стола и достал из его глубины спрятанный там за бумагами и книгами отцовский револьвер. Леван взглянул на календарь и удивился про себя, что уже шестое марта... Но какое ему дело, март или какой-нибудь другой месяц на земле? Разве все, что происходит с ним теперь, не могло произойти в другом месяце?»

Шестое марта было обозначено на календаре красной цифрой. Откуда-то издали прозвучал голос Андро, декламирующего звучные строки: «О Цезарь, бойся мартовских ид!...»

Случайность, казалось бы, является нам здесь в символическом образе отщепености. И Леван слепо покоряется року: он кончает самоубийством.

Так «мартовские иды» становятся роковой и последней случайностью в жизни измученного Левана.

Когда читаешь «Корнали», кажется, что Элисо — невольная жертва преступной любви родителей. Но, с другой стороны, Элисо, неродная дочь Левана, тоже обреченная на гибель, не только

жертва аморальности подлинного отца и матери, она в то же время — отмщение, кара, которую заслуженно несет Леван, пропитанный грехами и сеющий вокруг себя смерть. Роман в этом смысле — смысле парадигм вины и кары — включает в себе удивительно впечатляющие картины.

Его отличает спокойная, казалось бы, безмятежная манера повествования. Автор как историк нашего времени даже с несколько «равнодушной» объективностью описывает такие историко-политические явления, которые никак не могут оставить человека равнодушным.

Композиция романа, довольно сложная, выступает как активный художественный компонент. Структуру ее, в основном, определяют воспоминания. Заметим, что сегодня на Западе литература воспоминаний пришла на смену литературе потока сознания. Воспоминания становятся равноценной моделью действительности. Они (после Марселя Пруста) столь же реальны, как сама действительность. Воспоминание — это право на прошлое, которым всегда можешь воспользоваться. Человек превратил его в существенную часть собственной жизни, придав ему определенный «образ» (каково воспоминание, такова, стало быть, и жизнь).

Эстетика воспоминаний в романе «Корнали» предельно высока. Широко использованная в нем ассоциативная композиция (когда с каждым воспоминанием связано «параллельное» приключение) или же ретроспективная (когда прошлое приобретает новое, сегодняшнее значение) расширяет психологически жизненные сферы персонажей, границы познания жизни.

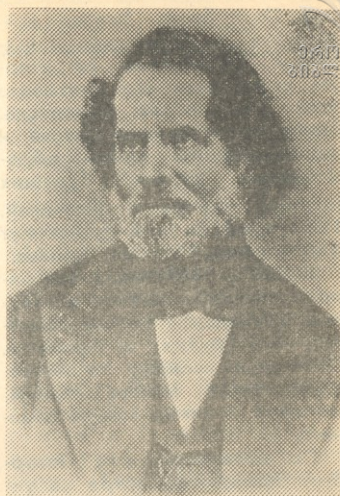
И, наконец, о жанре. Является ли роман Григола Абашидзе детективом? «Корнали» — не традиционный детектив; его нельзя назвать криминальным романом хотя бы потому, что в нем широко представлены нравственно-политические проблемы, серьезность которых во многом выходит за пределы компетенции названного жанра. Это скорее роман философского характера, поднимающий острые нравственные и социальные вопросы.

КАНКАВА Гурам Исаевич.
Род. в 1928 г. Литературовед, критик. Кандидат филологических наук. Автор книг «Литературные

этюды» и «Литературные заметки», а также монографии «Исторический роман и его грузинские традиции».

МАРИ БРОССЕ

●
К 180-ЛЕТИЮ
СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

ЭТОЙ осенью в Тбилиси торжественно отмечается 180-летие со дня рождения основателя европейского грузиноведения Мари Броссе (1802 — 1880).

Живя в Париже, двадцатилетним юношей Броссе увлекается ориенталистикой и, по совету своего учителя армениста Сен-Мартена, приступает к изучению грузинского языка. Задача оказалась не из легких: под рукой у молодого энтузиаста было лишь несколько несовершенных пособий и двуязычных словарей.

Упорным трудом Мари Броссе удается добиться первых успехов: он читает грузинский текст библии, осваивает толковый словарь Сулхана-Сабана Орбелиани, пишет и публикует в «Журналь азиатик» свои первые грузиноведческие исследования, переводит про-

заическое произведение «Мирриани» и первые главы «Витязя в барсовой шкуре» Руставели.

Естественно, взоры молодого ученого обращены к далекой Грузии, куда он планирует совершить четырехлетнее научное путешествие. Однако различные события отодвигают осуществление его намерения.

Броссе женится. Рождаются дети. Незирая на материальные затруднения и препятствия на научном поприще, он не отказывается от своих занятий, многим кажущихся диковинными.

Наконец из Санкт-Петербурга приходит ободряющая весть: Мари Броссе избран в Российскую академию наук. В 1837 году он с семьей переезжает в Петербург. Начинается качественно новый период его научной деятельности.

В Петербурге Броссе знакомится с грузинским царевичем Теймуразом Багратиони, с которым его связывала уже многолетняя переписка. Появляются новые друзья и корреспонденты среди образованных грузин, будущих крупных ученых и писателей. Некоторые из них продолжают вдохновенный поиск Броссе.

В 1847—1848 годах состоялось откладывавшееся в течение семнадцати лет путешествие по Грузии и Армении. Оно дало ученому то непосредственное знание страны, которое ничто не может заменить.

По возвращении в Петербург Броссе, несмотря на усталость и недуг, доводит до конца труд своей жизни—ка-

питальное издание в семи томах свода грузинских исторических хроник «Картлис Цховреба», их французского перевода и своих интереснейших комментариев к ним.

Среди неопубликованных работ ученого осталась рукопись французского перевода известной повести Ильи Чавчавадзе «Человек ли он?!»

Незадолго до смерти Мари Броссе вернулся во Францию. Скончался он в городке Шательро, где и похоронен.

Велика заслуга Мари Броссе перед грузинской культурой и глубоко привлекателен его человеческий облик.

ГАСТОН БУАЧИДЗЕ

В одном из ближайших номеров «Литературная Грузия» начнет публикацию журналь-

ного варианта книги Гастона Буачидзе «Страницы жизни Мари Броссе».

ХРОНИКА

НОВЫЙ ПЕРЕВОД «ВИТЯЗЯ»

В КАБАРДИНО - БАЛКАРСКОМ издательстве «Эльбрус» отдельными книгами на кабардинском и балкарском языках вышел «Витязь в барсовой шкуре» Шота Руставели. Перевод этого бессмертного произведен и я

вился результатом десятилетнего труда известных поэтов Кабардино - Балкарии Салиха Гуртуева и Зубера Тхагазитова. Оба издания красочно оформил художник М. Кипов.

Издание этих книг — важное событие в культурной жизни не только Кабардино-Балкарии, но и Грузии.

СОВМЕСТНЫЙ СБОРНИК

БЕРЛИНСКОЕ издательство «Ауфбау-ферлаг» (ГДР) под редакцией профессоров Гельмута Брандта (Иенский университет им. Фридриха Шиллера) и Нодара Какабадзе (Тбилисский государственный университет) вторично выпустило совместный сборник немецких и грузинских литературоведов «Описанный мир, студии об эпическом жанре XX века», посвященный кардинальным вопросам специфики развития эпического жанра в XX веке.

Как следует из предисловия, радиус исследования помещенных в книге работ довольно обширен и многокрасочен. Это — Достоевский и проза Запада XX века, Томас Манн, Герман Гессе, Альфред Дёблин, Джеймс Джойс, Уильям Фолкнер, Сол Белуо, Лион Фейхтвангер, Эрих Мария Ремарк, Андрей Платонов, Михаил Шолохов, Леонид Леонов, Бертольд Брехт, Анна Зегерс, Эрвин Штритматтер и другие.

На примере их творчества авторы сборника исследуют прозу XX века, в частности принципиальные, качественно новые тенденции и элементы романа, рассматривая их как в мировоззренческом, так и в структурно-морфологическом аспектах.

В книгу входят следующие исследования грузинских авторов: «Попытка установить основные особенности романов Томаса Манна» Нодара Какабадзе, «Читатель как структурный элемент эпического мира романов Германа Гессе» и «Восприятие и изображение мира в романе Эрвина Штритматтера «Чудодей» (книга вторая)» Резо Каралашвили, «Основные категории сюжетного мира и их разобщенность в структурах современного романа» Гиви Маргвелашвили, «Эпизод «Нестора», как парадигма «Улисса» Нико Киасашвили, «Структурное построение романа Уильяма Фолкнера «Авессалом, Авессалом!» Циалы Топуридзе.

Пытаясь установить жанрово-морфологическую специфику романов Томаса Манна, Н. Какабадзе считает, что они занимают промежуточное положение между классико-реалистической романистикой XIX века и экспериментальной прозой XX столетия. Сохраняя структуру традиционной прозы, Т. Манн вместе с тем частично нарушает, «взрывает» старые эпические формы.

Но в его зрелом творчестве ведущей, существенной является все же библейско-достоевско-шиллеровская тенденция, т. е. «сентиментальное» начало (по классификации Шиллера). В романах Томаса Манна («Волшебная гора», «Доктор Фаустус») налицо радикальное отклонение от миметического (эмпирического) реализма. Это уже антимимети-

ческий, символично-философский реализм, согласно которому необязательно давать внешнее, голое, одностороннее сходство изображаемого предмета с реальной, объективно существующей действительностью, явлением. Данное исследование Н. Какабадзе посвящает памяти своего покойного учителя и друга профессора Григола Кикнадзе.

Объект исследования Р. Каралашвили — структурное построение прозы Германа Гессе и его отношение к адресату. Автор подробно рассматривает прескриптивные элементы романа Гессе, обуславливающие особенности восприятия произведения читателем, ведущими элементами сознания и фантазии которого считаются комментарий автора, диалог и «трактат» (гессевская модификация вставленного в произведение пространного эссе).

Задача читателя — на основе указанных прескриптивных элементов опознать основные символы романа («Степной волк», «Игра в бисер» и др.) и конкретизировать их. Таким образом, под структурным построением произведений Гессе подразумевается диалектический подход к тексту: с одной стороны, читателю необходимо представить предложенные автором образы и подчинить свое воображение его комментарий, с другой — он должен выявить способность активного отношения к тексту и вольной интерпретации.

В следующем труде Р. Каралашвили о второй книге романа Эрвина Штридматтера «Чудодей» отмечено, что после выхода в свет его первой книги в мировоззрении этого

видного писателя произошел некоторый перелом. Если раньше видение Э. Штридматтера было сконцентрировано на социальных факторах и потому мир его романа ограничивался конкретно-исторической действительностью, то теперь каждое отдельное явление рассмотрено им в контексте «единства мира». Такое «комплексное» восприятие мира обуславливает эпические тенденции второй книги «Чудодей», что сказывается как на форме повествования, так и на всех остальных элементах структуры романа.

В работе Г. Маргвелашвили указано, что в современном романе можно выделить три основные сюжетные категории — сюжетное время, сюжетное пространство и сюжетную материю, которые в конечном итоге не создают слитный, единый, цельный сюжет, а остаются разобщенными и в сознании представляются как не зависящие друг от друга, оторванные один от другого.

Основываясь на произведениях Томаса Манна, Марселя Пруста, Мишеля Бютора и Франца Фюмана, с помощью конкретных и типичных примеров автор устанавливает, что эта разобщенность категорий в творчестве вышеназванных писателей используется как средство для того, чтобы в сфере эстетической (литературной) экспрессии читателю стали понятны тематические противоречия общесюжетных замыслов, восприятие феномена разобщенности категорий сюжетного мира и определение направления его развивающейся линии.

Н. Квасашвили освещает вторую главу «Улисса» Джейм-

са Джойса, на основе обобщения основных поэтических и идейных моментов которой показана узловая проблематика всего произведения. В каждом отдельном случае основу этого обобщения составляет для автора предельно конкретный художественный прием, стилистический нюанс или образ-символ. Глубокий мыслитель, бесстрашный, смелый экспериментатор, Джойс, используя историко-литературные реминисценции, богатые языковые возможности, хорошо передает духовный мир человека XX века, его сложную и противоречивую психику.

Путем своеобразного, почти неповторимого слияния и сочетания авторского повествования, самоанализа, внутреннего диалога героев писатель некоторым образом помогает читателю разобраться в сложнейшей психологической атмосфере и в восприятии сложных ассоциаций. Художественная концепция Джойса, метод «потока сознания», манера письма, языковой эксперимент и своеобразная техника охарактеризованы исследователем путем показа чрезвычайно тонкого использования писателем элементов психоаналитического учения Фрейда как «строительного материала».

Ц. Топуридзе посвятила свою работу исследованию и установлению структуры одного из центральных романов цикла «Штат Йокнапатофа» Фолкнера — «Авессалом, Авессалом!», которая в фолкнерологии по сей день считается спорной. Композиционная трудность и специфичность этого романа объясняется его содержанием, поиском взаимоотно-

шений исторических, социальных и морально-психологических причин переданной в трагедии.

В установлении структуры романа решающее значение имеет также фолкнеровское понятие времени, согласно которому прошлое поглощает настоящее, субъективное время скрывает закономерность объективного течения времени.

Величайшую сложность в архитектонике произведения создают своеобразные интерпретации, зависящие от личной жизни каждого автора, его характера, мышления и знания фактического материала. По мнению Уильяма Фолкнера, начало любой трагедии следует искать одновременно в разных источниках и потому трагедия имеет множество мотивов, абсолютно расшифровать и до конца осознать которые невозможно. Необычная и экспериментальная архитектоника романа «Авессалом, Авессалом!» ставит целью сильное эмоциональное воздействие, обострение аналитического прочтения, максимальную активизацию читателя, чего писатель достигает своим мастерством.

Помимо работ грузинских авторов в рецензируемом сборнике помещены также и исследования немецких ученых — Михаэля Вегнера, Манфреда Байера, Урсулы Вертхайм, Барбары Хилер, Гельмута Брандта, Мартина Штрауба, Ганса Рихтера, Карла-Гайнца Шёнфельдера и Ирен-из Вегнер.

Можно с уверенностью сказать, что книга, состоящая из 470 страниц, написана на высоком профессиональном уровне современного литературо-

ведения. Она — плод научных и дружеских контактов между университетами Иены и Тбилиси, начало которым было положено несколько лет назад.

Сборник, посвященный проблемам мировой прозы и, в частности, романа, заслужил особое внимание специалистов, а также широких кругов читателей. Это вызвало необходимость его второго издания, о котором и идет речь в данной рецензии.

В литературном журнале Германской Демократической Республики «Ваймарер Байтреге» (№ 6, 1981 г.) была напечатана довольно пространная рецензия Ганса - Иохана Зандера, в которой автор дает высокую оценку названной книге, особо отмечая вклад грузинских литературоведов в исследование рассматриваемой проблемы.

Наряду с произведениями немецких коллег, Зандер пос-

лужительно и подробно говорит и о трудах грузинских ученых, подчеркивая при этом, что их участие в исследовании данной проблемы не только явилось свидетельством преумножения и пользы такого творческого содружества, но и заметно расширило его радиус.

В заключение немецкий ученый делает вывод относительно заполнения некоторых пробелов в сфере исследования современного эпического жанра и выражает надежду на дальнейшую совместную работу немецких и грузинских литературоведов, которая пойдет на пользу читателям, интересующимся этой проблемой.

В целях ознакомления более широкого круга читателей с названным сборником представляется целесообразным перевести и издать его также на русском и грузинском языках.

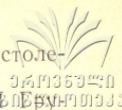
Виктор КАХНИАШВИЛИ

О ДНЯХ НАШЕЙ ЖИЗНИ

ЗА ПОСЛЕДНЕЕ время у нас в республике появился целый ряд книг, свидетельствующих не только о новом этапе активизации журналистской деятельности, но и о широко развернувшемся в ее рамках творческом поиске, что в совокупности и дало такой положительный результат.

Импульсом для этого послужила сама жизнь народа Грузии, до предела насыщенная упорным трудом, преодолением различного рода трудностей и недостатков во всех сферах и областях ее народного хозяйства и культуры.

Минувшее со дня принятия постановления ЦК КПСС по Тбилисскому горкому партии десятилетие, явившееся переломным, этапным для нашей республики, получило так или иначе отражение в увидевших свет за эти годы

как авторских, так и коллективных сборниках журналистов Грузии, внесших таким образом свой вклад не только в ту огромную созидательную работу, которая идет здесь, но и в летопись этого драматического по своей сущности отрезка времени.

Наряду с книгами очерков, репортажей, фельетонов и других жанров, с которыми выступают наши журналисты, стали выходить их коллективные сборники, связанные с какой-либо знаменательной датой или событием, с той или иной проблематикой и т. д.

В качестве авторского издания такого рода можно назвать фундаментальный том Г. Лебанидзе «Преодоление», а как пример коллективного труда грузинских журналистов — приуроченный к открытию XXVI съезда Компартии Грузии сборник «Делегат пришел на съезд...»

В том же ряду и выпущенная на русском языке в минувшем году издательством ЦК КП республики совместно с ее Союзом журналистов книга «Дни Грузии».

Это тоже коллективный труд наших журналистов, посвященный 60-летию Советской Грузии и образования Компартии республики.

Интересен уже его замысел — силами как журналистов, так и людей любых профессий, откликнувшихся на призыв Союза журналистов Грузии об издании этого сборника, запечатлеть каждый день жизни республики первых двух месяцев 1980 года, открывающего последнее два-

дцатилетие перед XXI столетием.

Поддержанная ЦК КП Грузии инициатива эта превзошла все ожидания. На нее откликнулось более тысячи человек, приславших не менее полутора тысяч заметок.

Уже сам факт этот чрезвычайно знаменателен. Он свидетельствует об активной позиции их авторов, преисполненных искреннего желания внести и свою лепту в создание летописи шестидесяти дней одного года, вобравших всю многосложность быстро текущей действительности нашего края.

И вот перед нами мозаичный портрет этого четко очерченного отрезка времени. Каждый материал — штрих. Он занимает не более странички. Но есть и сообщения буквально в несколько строк. Однако такая «дробность» не мешает цельности восприятия. Вель здесь, как солнце в капле воды, отразилось в сущности все, чем живут в наши дни трудящиеся республики.

Попытка, как говорится, запечатлеть, остановить мгновение, чтобы пристальнее взглядеться в черты сегодняшнего дня, нашего современника — задача и благодарная, и благородная.

По существу создан, не побоимся таких высоких слов, документ эпохи, который наряду с другими аналогичными работами сохранит для будущего запечатленное в конкретных деталях, оттенках, красках, штрихах необщее выражение лица Грузии, присущее именно этим дням двух

месяцев одного — 1980 года нашего XX столетия.

Рядом с известными именами в сборнике — имена безвестные. Яркие, большие события и факты соседствуют, казалось бы, с незначительными, имеющими, что ли, частное значение. А в целом — то, чем жила в те дни и вся республика, и один — отдельный человек. В ней — дыхание и всего нашего древнего и обновленного края, и каждого его жителя.

Добрая, искренняя книга эта располагает к доверию и как бы протягивает грядущим поколениям руку для дружеского рукопожатия.

И тот далекий наш потопок, прочитав ее, возможно, скажет: «Так вот каким ты был, мой предшественник, в январе и феврале того далекого 1980 года...»

Но и сегодня нам интересно читать этот живой, подробный рассказ о днях нашей жизни. Он как бы помогает острее ощутить все ее богатство и многообразие, всю спрессованность и накал, лучше разобраться в самих себе.

Знаменательно, что обрело жизнь это издание благодаря труду и вдохновению участников и очевидцев происходящего, самих, как принято говорить, творцов истории. И по-

тому книга «Дни Э. Шеварднадзе в Грузии» представляющая собой жанрово-стилевой конгломерат свода самых разнообразных сведений, не только одаряет нас потоком введенной в единое русло благодаря четкой выстроенности информации, но и привлекает публицистической заостренностью и чисто человеческим теплом, дающим нам возможность полнее осознать свою органическую причастность к нашей современности. Недаром в эпиграф книги вынесены следующие слова Э. Шеварднадзе: «Это великое счастье, товарищи, быть современником нашей эпохи, ее творцом, коммунистом, комсомольцем 80-х годов нашего века».

А в канун 60-летия СССР этот опыт коллективного рассказа о днях одной из республик Советского Союза, которая в семье единой с другими ее сестрами живет, творит, созидает, трудится и борется, набирая силы для достижения новых высот, позволяет глубже заглянуть в душу народа Грузии, каждого его представителя и увидеть в ней то лучшее, здоровое и жизнеспособное, что и делает его сильным, добрым, верным в дружбе и любви.

Л. ДОЛИДЗЕ

Гулкан ЖОРЖОЛИАНИ

СВИДЕТЕЛЬСТВУЮТ

АРХИВЫ...

●

ГРУЗИНЫ — СТУДЕНТЫ
ХАРЬКОВСКОГО УНИВЕР-
СИТЕТА КОНЦА XIX —
НАЧАЛА XX ВВ.

●

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ грузинского и украинского народов имеют глубокие исторические корни. Присоединение Грузии к России еще более сблизило эти два народа, навсегда связавшие свою судьбу с Россией.

Как известно, на территории Кавказа, в частности Грузии, в результате национальной политики русского царизма не было ни одного высшего учебного заведения. Попытки прогрессивной грузинской общественности создать свой университет терпели в этот период неудачи. Поэтому грузинская молодежь отправлялась для получения высшего образования в университетские города России и Украины, что, безусловно, сыграло большую роль в укреплении культурных и политических взаимоотношений Грузии и Украины.

Целый ряд интересных неопубликованных документов киевских архивов (Государственного исторического архива и Городского архива г. Киева), а также сведения, полученные от бывших студентов-грузин Харьковского университета, проживающих в Тбилиси и на Украине, позволяют осветить политическую и культурную деятельность как грузин, так и студентов других национальностей (украинцев, русских, евреев и др.), обучавшихся в Харьковском университете в конце XIX и начале XX вв.

Обучавшиеся в университетах Украины студенты-грузины уже с конца XIX века проявляют большой интерес как к наукам, так и к политическим проблемам страны. С 80-х годов XIX столетия в ряде городов Украины (Харьков, Киев, Одесса) широко разворачивается деятельность землячеств и прогрессивно настроенных студентов различных национальностей. Царское правительство всячески старалось ликвидировать эти организации¹.

Принятие в 1884 году нового Устава² вызвало большие волнения среди студенческих масс. Особенно обострилось положение в 90-х годах XIX века, когда начались выступления петербургских студентов. На выступления студентов-революционеров 90-х годов откликнулись и студенты Харьковского университета, в том числе обучавшиеся здесь грузины. Большое влияние оказывал на них рабочий класс г. Харькова.

В последние годы XIX века резко обострились взаимоотношения руководителей университета и студентов. В Харьковском университете были запрещены студенческие кружки, землячества, союзы и даже кассы взаимопомощи и концерты, что вызвало новую волну студенческих выступлений, которые стали уже носить политический характер. В этих выступлениях принимали участие и грузинские студенты³. В результате из университета было исключено 206 человек. Из них впоследствии восстановлено только 15⁴.

В период учебы в Харьковском университете грузинские студенты установили тесные связи с передовыми учеными Украины. В этом отношении особого внимания заслуживают взаимоотношения известного профессора Харьковского университета Н. Ф. Сумцова с грузинскими студентами.

Украинский ученый Н. А. Луценко пишет: «С особым доверием относилась к Н. Ф. Сумцову многочисленная грузинская сту-

¹ Краткий очерк Харьковского университета за первые 100 лет его существования (1805 — 1905), составленный проф. Д. И. Боголеом, Н. Ф. Сумцовым и В. П. Бузескулом. Харьков, 1906, стр. 244.

² Новый устав подразумевал абсолютное подчинение университетов царскому правительству, создание «нормальных» условий для них.

³ И. Н. Буланкин, действительный член АН УССР. Стопятидесятилетие Харьковского университета имени А. М. Горького, стр. 4—6.

⁴ Краткий очерк истории Харьковского университета (1805—1905), стр. 304.

денческая молодежь, которая прибыла на учебу в Харьковский университет»⁵. В 90-х годах прошлого столетия (1895) встретился в Харьковском университете со знаменитым грузинским поэтом Акакием Церетели. В начале XX века Сумцов переписывался с грузинским ученым Хаханашвили. Украинский ученый характеризовал последнего как большого знатока грузинской литературы. Со своей стороны Хаханашвили высоко ценил энциклопедические познания Н. Ф. Сумцова в области фольклора, этнографии и литературоведения⁶.

1898—1900 годы являются порой подъема революционной борьбы студентов. Студенческие волнения охватили большие города Российской империи — Москву, Петербург, Харьков, Одессу, Киев⁷. 29 ноября 1901 года в Харькове бастовало 450 — 500 студентов-евреев. Они требовали равноправия со студентами-христианами. Забастовкой студентов руководил киевский «Союзный Совет»⁸. По инициативе организационного комитета Харьковского университета 15 октября в городском коммерческом клубе было организовано выступление студентов. 26-27 октября студенты Харьковского университета вышли в знак протеста на Сумскую улицу. Они пели «Дубинушку». Среди них был и студент Харьковского университета Давид Киласонидзе, который вел среди студентов и рабочих политическую агитацию, распространяя прокламации, призывал их к антигосударственным забастовкам⁹. За свою деятельность Д. Киласонидзе был арестован. Забастовки харьковских студентов ставили своей целью восстановление исключенных из университета студентов-евреев¹⁰.

Первые годы XX века отмечены мощной классовой борьбой, что свидетельствовало о назревании революции в России. Дыхание революции чувствовалось в массовых забастовках и политических демонстрациях как рабочих, так и студентов.

Период революционного подъема 1905 года отмечен возрождением украинской литературы. В это время здесь был создан

⁵ И. А. Луценко. Грузия и деятели украинской культуры (грузинские связи Н. Ф. Сумцова), Тб., 1969, стр. 191.

⁶ Там же, стр. 190.

⁷ Центральный архив УССР, фонд № 274, оп. 1, док. 519, стр. 12, 1901.

⁸ Там же, док. 574, стр. 11 оп.

⁹ Там же, док. 520, стр. 106.

¹⁰ Там же, ф. 317, док. 2287, стр. 48.

ряд культурно-просветительных учреждений. В 1910 году царизм вновь упразднил их¹¹. Вслед за поражением революции 1905 года в Харьковском университете, как и во всех университетах Российской империи, последовали тяжелые годы реакции. Начались репрессии студентов. Именно в эти годы грузинские студенты, обучающиеся в Харьковском университете, активно включаются в политическую и культурную жизнь украинского народа.

В это время на учебу в Харьковский университет приезжают известные в будущем деятели Грузии в области культуры и науки, ныне скончавшиеся — литератор Г. Наморадзе, академик Г. С. Ахвледзиани, профессор Ал. Церетели и ныне здравствующий писатель Родион Коркия.

Во время учебы в университете Георгий Наморадзе сближается с передовой украинской молодежью, основательно изучает украинский язык, становится активным участником литературной жизни Харькова. Начиная с 1907 года в украинских газетах публикуются статьи Г. Наморадзе. Он знакомит украинский народ с грузинской литературой, переводит и публикует в журнале «Ридный край» на украинском языке произведения И. Чавчавадзе, Ак. Церетели, других классиков грузинской литературы. С другой стороны, в этот период в грузинских газетах и журналах печатается много статей и писем Наморадзе об Украине. В годы, когда царизм запретил на Украине национальные школы, студент Наморадзе выступает на страницах газеты «Дрозба» («Время») со статьями «Письма из Киева», «Украинские школы», «Борьба за украинские университеты», «Украина и правительственный циркуляр» и др.¹²

В тяжелые годы реакции, когда царское правительство жестоко попирало права народов нерусской национальности, входящих в Российскую империю, запрещало школы на родном языке, препятствовало развитию литературы, Г. Наморадзе пишет в Тбилиси статью «Жизнь Киева», опубликованную в № 57 газеты «Дрозба» за 1910 год¹³. Приведу небольшую выдержку из нее: «Циркуляры премьер-министра Столыпина к губернаторам о союзах и обществах нерусских наций поставили в плохое положение и самих украинцев. Только в течение одной недели были запрещены три публичные лекции на украинском языке. Полиция запретила назначенный в украинском клубе литературный диспут о Тарасе Шевченко»¹⁴.

¹¹ Записки писателя Р. Коркия.

¹² Газета «Дрозба», №№ 57, 67, 68, 69, 1907 г.

¹³ Там же, № 57, 1910 г.

¹⁴ Там же, № 67, 1910 г.,

В № 67 газеты «Дрозба» за 1910 год была опубликована статья Наморадзе, который писал: «25-миллионный украинский народ не только лишен такого необходимого условия получения образования, как нормальная школа, но находится в таком состоянии, когда на несколько лет останавливается развитие ребенка, «разлагается душа человека». Статья заканчивается словами: «Рано или поздно украинский народ добьется осуществления своих законных требований»¹⁵.

В 1911 году военно-полевой суд приговорил Г. Наморадзе к 4 годам каторги. Он обвинялся в украинском национализме. В 1913 году Наморадзе был амнистирован в связи с 300-летием царствования Романовых и восстановлен в университете. В 1914 году его снова обвинили в украинском национализме и заключили в тюрьму, откуда освободили в связи с революцией 1917 года¹⁶.

Говоря о грузино-украинских взаимоотношениях, нельзя не подчеркнуть инициативу профессора Харьковского университета Н. Сумцова об организации юбилея Акакия Церетели, посвященного 50-летию его творческой деятельности.

15 февраля 1909 года в харьковской газете «Южный край», где в это время сотрудничал профессор Сумцов, был напечатан портрет поэта Акакия Церетели¹⁷. Через два дня газета извещала: «Сегодня в актовом зале университета студенты-грузины устраивают торжественное публичное собрание в честь грузинского поэта Ак. Церетели по поводу 50-летия его литературной деятельности, исполнившегося 7 декабря 1908 года. Были публичные торжества на Кавказе, в которых приняли участие также армяне, мусульмане и русские. Вечера были в Одессе, Петербурге и Москве»¹⁸.

Студенты - грузины принимали все меры для организации юбилея Акакия Церетели. Местные власти, опасаясь перерастания юбилея поэта в демонстрацию студентов, перенесли вечер на 25 февраля, а позднее вообще запретили его. Однако вечер все-таки состоялся. Выступивший на нем профессор Сумцов поднял голос в защиту малых народов. Проходивший в

¹⁵ Газета «Дрозба», № 67, 1910 г.

¹⁶ Записки писателя Р. Коркия о Г. Наморадзе.

¹⁷ Н. А. Луценко, Грузия и деятели украинской культуры (грузинские связи Н. Сумцова), стр. 132.

¹⁸ Харьковская газета «Южный край», 15.II.1909 г.

Харькове 25 февраля 1909 года вечер — интересный факт 406/
рых взаимоотношений украинского и грузинского народов.

С 1910 по 1915 годы в Харьковском университете известный грузинский языковед Г. С. Ахвледиани. В 1914 году за исполнение конкурсной темы он был награжден золотой медалью.

Помимо работы в студенческих научных кружках, Г. С. Ахвледиани был активным участником студенческих выступлений. В 1911 г. он был председателем землячества грузинских студентов в Харькове. Как свидетельствует впоследствии уже известный историк, академик Г. С. Ахвледиани, в Харькове, на квартире студента П. Кучаидзе, грузинские студенты организовали нелегальный кружок. Жандармерия приняла меры, в результате которых многие члены кружка были арестованы и исключены из университета. Среди них был и Г. Ахвледиани, принявший активное участие в студенческих демонстрациях в связи с днями Толстого в 1912—1913 годах.

Среди грузинских студентов этого периода особенно выделялся ныне покойный профессор Ал. Церетели. В 1910 — 1915 годах он руководил грузинским землячеством Харьковского университета.

В студенческие годы Ал. Церетели вместе с украинскими студентами вел широкую политическую и культурную деятельность. В 1911 году харьковский «Народный дом» (тогда он считался важным очагом культуры) большими торжествами отметил 50-летие своей деятельности. Ал. Церетели по поручению председателя общества распространения знаний среди грузин поздравил юбиляра и зачитал поздравительное письмо Г. Казбеги, которое было встречено с большим воодушевлением¹⁹. В связи с этим фактом в 1911 году Ал. Церетели опубликовал статью в грузинской газете «Сахалхо газети» («Народная газета»).

Между землячествами двух университетских городов Украины — Харькова и Одессы — существовали тесные связи. По свидетельству супруги профессора Ал. Церетели, в студенческие годы председатель землячества грузинских студентов Ал. Церетели был приглашен на студенческий съезд в Одессу.

Как известно, в 1912 году в Грузии отмечалось 75-летие со дня рождения выдающегося грузинского писателя Ильи Чавчавадзе. Помимо Грузии, вечера, посвященные этой дате, состоялись в Баку, Одессе, Харькове, Москве.

¹⁹ Об этом факте сообщила нам супруга покойного профессора Ал. Церетели — Мариам Церетели.

10 ноября газета «Сахалхо ганатлеба» опубликовала статью студента Харьковского университета (впоследствии видного общественного деятеля Д. Чианели — Давида Чхеидзе) под заголовком «Вечер Ильи Чавчавадзе в Харькове»²⁰.

Как сообщает автор статьи, по инициативе руководства землячества грузинских студентов (рук. Ал. Церетели) 4 ноября в зале университета собрались украинцы, русские и студенты других национальностей. Вечер, посвященный юбилею И. Чавчавадзе, прошел с большим успехом. Вечер открыл профессор Бродович. Первым выступил грузинский студент Г. Амашукели, зачитавший на грузинском языке собственное стихотворение. Студент К. Цагарели познакомил присутствующих с биографией Ильи Чавчавадзе. Рефераты прочли студенты Барамидзе, Беридзе и другие. Автор отмечает, что общественность была в восторге от речи, произнесенной здесь на русском языке студентом Ал. Церетели. Вообще надо сказать, что Ал. Церетели уже со студенческой скамьи был известен как блестящий оратор. После окончания вечера к грузинским студентам за кулисы поднялся декан филологического факультета профессор Н. Сумцов и, обратившись к ним, сказал: «Благодарю вас за доставленное нам столь большое удовольствие»²¹.

28 октября в Харькове по инициативе землячества грузинских студентов была организована панихида Ильи Чавчавадзе. В этот же день в Киеве и Одессе были проведены юбилейные вечера Ильи Чавчавадзе, которые возглавлял заместитель присяжного поверенного М. Джугели²².

В 1914 году вся прогрессивная Россия, Украина и Грузия готовились к 100-летию великого украинского писателя Тараса Шевченко.

Еще задолго до этого грузинская пресса оповестила общество о приближающемся национальном празднике украинского народа и призвала грузинское студенчество принять самое горячее участие в его проведении.

С другой стороны реакционные силы Российской империи — весь бюрократический аппарат царизма, жандармерия, церковь — встали на ноги, чтобы воспрепятствовать проведению юбилея; на

²⁰ Сведения, полученные от супруги Ал. Церетели.

²¹ «Сахалхо газети», 31.X.1912 г.

²² Там же, «Вечера Ильи».

чались репрессии против его организаторов, членов юбилейного комитета. Московский юбилейный комитет был вынужден отказаться от публичных выступлений.

Запрет юбилея Тараса Шевченко вызвал огромное возмущение как русского и украинского, так и других народов, входящих в состав Российской империи, и среди них грузинского народа.

8 февраля 1914 года на страницах грузинской прессы появляется статья-протест против произвола царской охранки. Цензура возбудила дело против грузинской газеты «Самартлис хма» («Голос правды»), в которой была помещена статья «Запрещение юбилея поэта Шевченко»²³. На этот инцидент откликнулась газета «Теми», где была напечатана статья «Кавказ и Тарас Шевченко»²⁴. Статьи печатались и в журналах «Театри да цховреба» («Театр и жизнь»), «Клде» («Скала») и др.²⁵.

В связи с указанным фактом студент Харьковского университета Г. Наморадзе присылает из Харькова статью, которая публикуется в журнале «Клде». В статье выражается протест против существующего строя: «Черные силы России препятствуют юбилею этого великого человека, лишняя раз нанося оскорбление национальной независимости украинцев. Разве негосударственные нации имеют право в России отмечать свои национальные праздники?»²⁶ Приведенные слова являются прекрасным объяснением того, почему так жестоко преследовался автор этих строк, почему национальная свобода понималась как «украинский национализм».

В дни юбилея Шевченко грузинские студенты стали инициаторами студенческих выступлений.

По свидетельству студента Харьковского университета, писателя Родиона Коркия, собравшись на внутренней площади перед главным корпусом университета, они устроили большой митинг, который открыл студент историко-филологического факультета Ал. Церетели. Его выступление восторженно было встречено присутствующими. Опустели все аудитории университета, к грузинам присоединились русские и украинцы. Демонстрация грузинских, украинских и русских студентов охватила улицы Харькова, на Сумской улице, где собрались студенты, появился портрет Шевченко. По приказу жандармерии, применяя штыки и плети, полиция разогнала демонстрантов. Как передает супруга профес-

²³ Газета «Самартлис хма», 18.II.1914 г.

²⁴ Газета «Теми», № 166, 10.I.1914 г.

²⁵ Газета «Сахалхо газети», 27—28.II.1914 г.

²⁶ Журнал «Клде», № 166, 1914 г.

сора Ал. Церетели, в демонстрации активно участвовали грузинские студенты Ал. Церетели, Н. Гургенидзе, Г. Ахвледиани, Г. Наморадзе, Р. Коркия и др. Все они были арестованы и провели в тюрьме 84 дня.

В 1915 — 1916 годах в связи с 55-летием со дня смерти Шевченко в Харькове вновь начались студенческие выступления. Среди студентов-грузин особенной революционной настроенностью выделялся студент медицинского факультета С. М. Хамасуридзе, который был активным членом Харьковской организации РСДРП. Во время обыска в 1916 году у него нашли рукописи прокламаций, присланных петербургскими рабочими, «Европейская война и пролетариат». Хамасуридзе был арестован²⁷.

4 апреля 1916 г. по инициативе «Коалиционного совета» в память о ленских рабочих была проведена всеобщая забастовка рабочих и студентов Харькова. Особенно активное участие принял в этой забастовке студент Хамасуридзе. Полиция не оставила этот факт без внимания и приняла соответствующие меры.

Как свидетельствуют архивные документы, Хамасуридзе находился в близких отношениях с членом РСДРП Скворцовым, который был связан с иностранными рабочими организациями. В 1915 году Хамасуридзе выступил в докладе²⁸ на собрании, проведенном в Харьковском рабочем доме. Узнав об этом, полиция сорвала собрание.

Вместе с Хамасуридзе в студенческих революционных выступлениях принимал участие студент Автандил Такаишвили²⁹, который на страницах самарской газеты «Наш голос» призывал к забастовке железнодорожных рабочих.

По инициативе председателя грузинского землячества в Харькове Ал. Церетели в 1915 году был организован вечер Акакия Церетели, в котором приняло участие и руководство университета. Вечер проходил в зале «Общества трудящихся женщин». На сцене возвышался портрет поэта. На вечере присутствовали профессора и преподаватели университета, видные ученые, ректор университета Нетушиль — лучший в мире латинист, проректор Полиенко, профессора Боголей, Бузескуль, Сумцов, Колубянин, Шульц, Воробьев и др.

²⁷ Фонд 336, оп. I, док. 4385, стр. 12, 130.

²⁸ Там же, док. 4246, стр. 13.

²⁹ Там же.

Вечер вступительным словом открыл студент Ал. Церетели, после чего вышеназванные профессора увенчали портрет великого грузинского поэта венком из живых цветов. Этот вечер был отмечен харьковской прессой³⁰.

31 января 1915 г. украинская газета «Ранок» («Утро») опубликовала статью студента Ал. Церетели «Памяти грузинского поэта Акакия Церетели»³¹. В свое время эта статья сыграла важную роль в популяризации и пропаганде грузинской культуры. Откликнулась на это событие и грузинская пресса. «Сахалхо пурцели» («Народный листок») посвятил ему специальное выступление, в котором отмечалось, что два дорогих имени — Шевченко и Церетели — живой символ нашей дружбы³².

Активное участие в политической и культурной жизни студентов принимали Р. Коркия, Н. Гургенидзе (впоследствии доцент кафедры русского языка), Л. Бабилауа (впоследствии заслуженный деятель искусств) и другие.

Студент Родион Коркия с момента поступления в Харьковский университет попал в кружок русских студентов, в 1914-1916 годах он был активным членом и пропагандистом кружка социал-демократов (интернационалистов).

Грузинские студенты активно участвовали в первомайских демонстрациях и забастовках, проходивших в 1915 году в Харькове. В этот период грузины, руководимые Родионом Коркией, организовали первомайскую демонстрацию. Они несли красное знамя и транспаранты с надписью: «Долой самодержавие!». Собравшись около университета, демонстранты заявили свой протест жандармерии³³.

По документам, выданным руководителем революционного кружка Гергетом Целлера, Р. Коркия характеризуется как передовой студент-революционер, член кружка интернационалистов, руководитель нескольких студенческих кружков, активный участник антивоенных забастовок. После ареста Г. Целлера студенческой организацией интернационалистов стал руководить Р. Коркия.

Приведенные нами сведения о политических и культурных взаимоотношениях украинских и грузинских студентов нельзя считать исчерпывающими.

³⁰ Сведения получены от писателя Р. Коркия.

³¹ Украинская газета «Ранок», № 2563, 31.I.1915 г.

³² Газета «Комуністи», № 58 (11347), 10.III.1961, статья Анны

Чхеидзе.

³³ Там же.

Знакомство с архивными документами, хранящимися в столице Украины — Киеве, изучение материалов, опубликованных в украинской и грузинской прессе того периода, сведения, полученные от бывших студентов-грузин Харьковского университета, впоследствии известных ученых и деятелей культуры, позволили показать, хотя и неполно, дружбу и солидарность грузинских и украинских студентов со студентами других национальностей.

ЖОРЖОЛИАНИ Гулкан Амберковна. Научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии им. И. А. Джавахишвили АН СССР. Автор научных трудов в области грузино-русских

и грузино-украинских отношений. Исследует проблемы экономики, культуры, внешней и внутренней политики Восточной Грузии в средние века (30—50 гг. XVII века).

ХРОНИКА

СОЮЗ СЕРДЕЦ

ВЕДУЩИЕ издательства республики готовят к выпуску книги, посвященные 200-летию Георгиевского трактата.

Издательство «Хеловнеба» подготовило ряд книг, посвященных юбилейной дате. Одна из них — фотоальбом «Георгиевский трактат», в котором представлены кадры из документального фильма режиссера Ш. Гугунава. Составитель альбома Г. Барамидзе.

В сборник «Навеки с Россией» войдут три пьесы — «Герой Крцаниси» С. Шаншиашвили, «Путь грядущего» И. Мосашвили и «Царь Иракий» Л. Готуа. Все три произведения посвящены теме воссоединения Грузии с Россией.

Славному юбилею посвящается и издание поэмы великого грузинского поэта Николоза Бараташвили «Судьба Грузии». Она выйдет на грузинском и русском языках.

Красочный альбом «Военно-Грузинская дорога» посвящен архитектурным памятникам, инженерным сооружениям, живописным местам этой магистральной дружбы. Авторы книги — заслуженный архитектор Грузинской ССР профессор Н. Мгалоблишвили, архитектор Т. Махарашвили, заслуженный изобретатель республики Т. Шилакадзе. В книге много интересных сведений из истории и завтрашнего дня Военно-Грузинской дороги.

К 60-ЛЕТИЮ

КИНОСТУДИИ

«ГРУЗИЯ-ФИЛЬМ»

ЧЕЛОВЕК идет осторожно, но, стараясь не шуметь, весеннюю поросль деревного поля, будто боясь нечаянным движением нарушить его мудрую, вековую затаенность.

Устало поскрипывают цепи, раскачивая опаленный временем столб, и тонкий посвист горного ветра сливается с перезвоном металла. Человек замирает, будто прислушиваясь к шепоту ветра, к звукам, навеявшим что-то навсегда оставшееся в детстве...

— Ветвь лозы держи вот так... — учил отец. — И слушай землю. Она сама подскажет, где вода. Если острие лозы начнет подниматься кверху — значит, вода близко...

«Слушай землю»...

Смотрит сын на руки отца, а лоза в них словно живая — трепещет, тянется к солнцу, подсказывает: «Здесь вода, здесь! Я знаю... Я сама — живая клеточка земли и солнца!»

«Слушай землю»...

Когда-то судьба увела мальчика от этого поля, от этой земли. Но он не мог не вернуться...

Вернулся мужчиной, вернулся, чтоб вновь и вновь слушать ее, вновь и вновь находить воду для истощенных полей, находить там, где она нужна.

Гарри КУНЦЕВ

КОРНИ ДУХА

●
О черк
●

Сильные руки человека и трепещущая, ждущая их прикосновений лоза, пожалуй, один из самых романтичных символов, которыми так богат фильм Резо Чхеидзе «Твой сын, земля». Фильм о секретаре райкома, пришедшем по зову крови на землю предков.

Земля не обманет его. Именно здесь Георгий Торели одержит, быть может, самую главную свою победу, когда к этому полю придут долгожданные переселенцы, люди, поверившие в нового секретаря райкома, в его мечты, проведут первую борозду в семисотлетней целине, поднимут угасшую лозу, а столб, висящий на цепях, некогда извещавший своим гулом всех, что пришла пора пахать и сеять, вновь разбудит и всколыхнет души.

Не забыть мне обостренной тишины зрительного зала, в котором сидели делегаты XXVI съезда коммунистов Грузии, которые лучше, чем кто бы то ни было, знают цену таким победам. Тишина была наполнена физически ощутимым всеобщим волнением, нарастающим с каждым аккордом удивительно точной музыки фильма, слезами сочувствия и понимания внутреннего состояния Георгия Торели. И пол-конец тишина не выдержала — взорвалась аплодисментами! Не теми обязательными аплодисментами премьеры, а ответными аплодисментами настроившихся в унисон душ.

Да, труден путь Георгия Торели к победе, и когда она все-таки приходит, он не идет уверенной походкой победителя «на встречу ветрам», а устало опускается на землю, чтоб, подобно мифическому герою, прикоснувшись к ней, набраться новых животворных соков и сил и никогда не отрываться от нее ни сердцем, ни думами в трудной круговерти каждодневных дел.

В следующем же кадре — сцена с матерью. Георгий собирается на праздник Первой борозды, и мать, благословляя его, кивает на фотографию маленького Георгия: «Я тогда отпустила тебя, ты сделал первый самостоятельный шаг и... пошел и пошел... И с тех пор я всегда хотела, чтоб дорога твоя была дорогой чести и добра...»

Не случаен стык этих двух кадров, стык двух понятий — Земля и Мать, не случаен маленький, негромкий монолог матери о дороге чести и добра. Ведь тема родной Земли-Матери, тема чести и добра — суть творчества Резо Чхеидзе.

Если все фильмы режиссера просмотреть разом, один за другим, то сделанное им предстанет единым монолитом со многими направлениями, но опирающимися на один фундамент — высокую гражданственность их автора.

Фильмы Резо Чхеидзе, при всей своей богатой символике и подтекстах, понятны каждому.

Есть песни, запоминающиеся с лету, с первого прослушивания. Так и фильмы Чхеидзе запоминаются сразу, хотя каждый раз мелодия новая, поскольку главное в его работах — всегда ясная и близкая зрителям идея, заданная временем и прослеженная в своем развитии.

Кредо режиссера Резо Чхеидзе: «Зритель должен понимать то, что я хочу ему сказать...» Но это вовсе не означает, что мысли должны быть «упрощенными». «Простота и естественность — вовсе не синонимы жизненности», — писал Григорий Козинцев. Жизненность — это время, пропущенное через сердце художника. А палитра, с помощью которой расскажет об этом времени режиссер, зависит от поставленной сверхзадачи и одаренности автора. На любом этаже кинематографического «здания» Резо Чхеидзе всегда присутствуют и пафос, и романтика, и страсть, и активный гнев. Герои его не предлагают готовых маршрутов чести и добра, они ищут их вместе со зрителем, страдают, ошибаются, вместе борются со злом, и как бы ни был труден поединок — никогда не отступают. Это главное, что объединяет героев Резо Чхеидзе, — не отступать!

Мне повезло. Стены старой крепости, возле которой я вырос, часто привлекали к себе кинематографистов.

Еще не отыграли мы, мальчишки пятидесятых, в «Баши-Ачухи» — героя народных преданий и одноименного фильма, снятого в трех километрах от крепости в Шуамта, а уж вновь запыхали факелы у бойниц, заблестели копыя, зазвенели кольчуги и из царских ворот стройный конь аллюром вынес нового героя, вернее героиню, Майю Цхетели (из одноименного фильма режиссера Резо Чхеидзе), дух которой так же близок духу героев руставелевской поэмы, как близка к стенам крепости Икалтойская академия, в которой учился великий сын грузинского народа Шота Руставели.

А у другой стены, где сейчас ажурные ворота музея, когда-то стояла Отарова вдова, героиня одноименного фильма Михаила Чиаурели. Не один и не два урока я пропустил, чтоб насмотреться на трагическое лицо Верико Анджапаридзе — Отаровой вдовы!

Над этими воротами — старый висячий балкон. С него открывается вид на восьмисотлетний платан по имени «Чадари», под которым сиживали и Илья Чавчавадзе, автор «Отаровой вдовы», и Александр Сергеевич Пушкин...

Взгляд убегает от платана к виднеющейся на горизонте почке зеленых верхушек — это аллея кипарисов в цинамонном саду, под сенью которых зародилась удивительная любовь Александра Грибоедова.

А тут недалеко и до небольшого села Кисисхеви. Именно отсюда, с перекрестка, от сбегających с пологого холма виноградников, начался дальний, такой горький и такой победный путь Отца солдата... Здесь Резо Чхеидзе снял первые кадры своего фильма, не подозревая еще, что созданный им и талантом Серго Закариадзе герой вернется на кахетинскую землю в виде памятника и благодарные люди станут приносить сюда цветы и веточки виноградной лозы.

Широк обзор со стен старой крепости!.. Видна Алазань, а за нею — Алаверди... Здесь нашел героев своей первой картины Георгий Шенгелая.

Помните удивительную мозаику «Алавердобы» — мозаику человеческих лиц, костюмов, судеб, схваченных вроде на ходу, но с поразительной точностью, скованных липкими лапами унижающих предрассудков и обрядов... И гордый взбег шенгелаяевского героя на крышу храма, откуда он крикнул людям нужные слова.

С той крыши видно родное село Пиросмани, гениального Нико, который со своими картинами и раздумьями оживет в следующем фильме Шенгелая...

Старая крепость, ветви платана, крыша Алаверди, думы поэта, картины художника — вот они, корни духа...

Резо Чхеидзе своим творчеством неизменно сеет Добро. Действенное добро. Его герои не стесняются и не боятся быть добрыми.

Прикрывая ладонью от гусеницы танка стебелек виноградной лозы, Георгий Махарашвили не думал в тот момент о том, доживет ли сам он до Победы, выживет ли в бушующем пожаре войны. Для него в тот момент самым главным было, чтоб выжила лоза, наперекор всем злым силам на свете, выжила для тех, кто дойдет до Победы, для сына, которого он искал, для тех, кто останется жить, для сыновей его сына, для правнуков... Лоза в тот миг для простого крестьянина была эстафетой. Нет, Махарашвили не говорит в фильме таких громких слов, но все сказали глаза Серго Закариадзе, его задрожавшие от нежности пальцы, прикоснувшиеся к лозе.

Гражданственность, обостренная точность видения Резо Чхендзе особенно проявляется в том, что судьбы созданных им персонажей всегда имеют продолжение в реальной жизни.

Через семнадцать лет после съемок фильма на одной из земляных террас, этажами уходящих от водной глади Куры к самым вершинам месхетских холмов, Резо Чхендзе случайно встретит высокого, худощавого старика. Навалившись на лемех, старик правил белыми буйволицами. Ему восемьдесят лет, но руки все еще сильны, и черный след за лемехом прям и глубок. Познакомились. Месхетский крестьянин назвался Багратам Девносадзе.

На этом месте, как узнает потом Резо Чхендзе, в незапамятные времена цвели сады его прадеда. Теперь даже следа нет от этого сада: что-то враг пожег, что-то засуха съела. Остальное похорило время. И вот теперь Баграта решил возвратиться сюда. В деревне Кяде, возле Ахалцихе, у него дом, виноградник, хорошее хозяйство. А потянуло его все-таки сюда, к могиле деда и к корням его сада.

Не случайной была эта встреча. Умение находить человека, внутренне созвучного его замыслам и раздумьям на том или ином отрезке творческого пути, вообще характерно для Резо Чхендзе. Но пашущий на древней своей земле крестьянин явился как бы связующим звеном между тем, что уже было создано режиссером, и тем, что только зарождалось.

Война оторвала Баграта Девносадзе от родной земли. Без перерывов, без отпусков, убегая из госпиталей, подлечивая раны на ходу, шел он ее тягостными маршрутами до конца, теряя родных, теряя друзей. Только одного так и не смогла отнять война — любви к жизни!

Вернувшись после войны в родное село, задумал построить своими руками большой дом — чтобы просторно в нем было и внукам, и правнукам. Выбрал красивое место, стал рыть фундамент и вдруг нашел в земле спящие вековым сном корни лозы. Обратился к специалисту, тот посоветовал не пересаживать эти корни. Доброты сержанта Девносадзе хватило и на то, чтоб ради лозы поставить дом в другом месте. И лоза откликнулась на доброту человека — ожила! А через год росток вытянулся на целых три метра! И возник от ростка целый виноградник. Говорят, не боится этот виноград ни холода, ни ветра. Роздал Девносадзе ростки соседям, односельчанам, разошлась лоза корнями по месхетской земле, быть может, та самая лоза, которая грелась в ладонях Георгия Махарашвили...

Творчество Резо Чхеидзе — оптимистично. Хотя в конце своих фильмов он никогда не ставит точку: Георгий Махарашвили продолжает идти по дорогам войны; дед Лука (фильм «Саженцы») не довел саженцы до своего сада; много еще нерешенных проблем у секретаря райкома Торели, — но из зрительного зала мы выходим убежденные в их конечной победе, выходим заряженные оптимизмом, а жизнь рано или поздно подтверждает эту нашу веру.

Подтверждает, несмотря на серьезность и сложность тех волнующих сегодня конкретных проблем духовного совершенствования человека, которые поднимает Резо Чхеидзе. Разве не ответственностью за завтрашний день нашего поколения, да и будущего тоже, наполнены будни Георгия Торели? Разве можно забыть ту горечь, с которой он говорил на колхозном собрании о том, что «...на глазах у нашего поколения выродились и погибли ценные культуры винограда»? И все оттого, что ослабла связь молодого поколения с землей, без которой и земля, и люди становятся беднее, размениваются многие духовные ценности, мельчают принципы, и тогда типы, подобные дельцу Сетуридзе, могут позволить себе (в сцене охоты) безнаказанно и буквально в упор расстреливать беззащитную Землю!

Пройдет немного времени, и в унисон Георгию Торели произнесет свое слово прославленный чаевод республики, дважды Герой Социалистического Труда Тамара Купуня, в котором прозвучит та же боль за утраченную славу грузинского чая.

И если, как говорит поэт Джансуг Чарквиани, «...все победы созидать нам вместе, все урожаи вместе собирать», то и боль у нас общая.

Виноградная лоза, чайный куст, человек. Идет непрекращающаяся борьба за виноград, за чай, за хлеб насущный, за Человека.

В одной статье критик, отдав должное работе, проводимой с молодыми творческими кадрами на киностудии «Грузия-фильм», восторженно написал, что киностудия представляется ему «раем для молодых», и «у рая этого есть бог — директор киностудии Резо Чхеидзе...»

К молодежи у Чхеидзе отношение особое. Как и у молодежи к Чхеидзе. Название фильма, который он ей посвятил, — «Ну и молодежь!..» можно произносить двояко — с иронией и с уважением. Нет сомнения, что Резо Чхеидзе, создавая этот фильм, руко-

водствовался именно чувством уважения. Вся его деятельность, как на поприще директора киностудии, так и на поприще режиссера и педагога, неразрывно связана с молодыми — теми, кто только постучался в двери Кино, и с теми, у кого за спиной уже первая борозда и первый урожай. Резо Чхеидзе любит рисковать, особенно когда речь идет о молодом коллеге. В этом риске не слепое, благодушное доверие, а знание, взвешенное на весах опыта, интуиции, и прежде всего — любовь к молодому задору, к максимализму молодости. Сколько режиссеров, операторов, сценаристов обязаны ему своими дебютами!

Самым плодотворным местом проведения занятий со своими студентами Резо Чхеидзе считает съемочную площадку. И в какую бы дальнюю экспедицию он ни ехал, какой бы долгосрочной и «неуютной» ни была эта экспедиция, он неизменно берет с собой студентов.

«Трудовым семестром» назовут они лето съемок фильма «Твой сын, земля...» Оно было нелегким, напряженным, по-настоящему трудовым. За все лето — ни одного дня без съемок. Таков стиль работы Резо Чхеидзе. В работе он непреклонен. О его непреклонности на киностудии ходят легенды. Не каждый рискнет работать рядом с ним. Если ты не уверен в себе, в своей работоспособности, в своем желании отдаться съемкам без оглядки на время, на дождь, на жару, на долгую разлуку с семьей, если не уверен в своей готовности подменить товарища, чтобы ни одно звено сложной цепи, именуемой «съемочной группой», не ослабло, не отказало в какой-нибудь момент, то, действительно, не стоит начинать работу с Чхеидзе. Он может простить многое, но никогда не прощает лень и безалаберность. В свою очередь, он бескомпромиссно требователен к самому себе. Требовательность и неумная работоспособность Чхеидзе — детище рыцарской любви и поклонения своей профессии. Именно этому прежде всего он хочет научить своих студентов.

На съемочной площадке он всегда нетерпелив. Ему не терпится поскорее доехать до места съемки, он проявляет нетерпение, пока из машин выгружают аппаратуру, пока укрепляют на штативе камеру, пока одевают, загримировывают актеров. Частенько техники еще что-то подкручивают, поджимают какие-то гайки и упоры, а он уже принакает к глазку камеры и ведет ее вверх-вниз, выбирая ракурс.

Покинутую деревню, в которой «родился Георгий Торели», худсжники отыскили где-то в затерянных холмах за Вардзией. Съемки шли на самой высокой точке Месхети.

Жара в те дни стояла беспощадная. Не спасала ни высота холмов, ни прикрытия служебных машин. Вокруг — ни единого дерева, одна голая, как ладонь, степь. Администраторы укрепили у камеры огромный зонт, но залезть под него никто не спешил — боялись острого языка режиссера. Все прекрасно знали, что сам он на съемках не боится ни солнца, ни мороза. Съемки для него — не работа, в обычном понимании этого слова, а самые счастливые минуты жизни, которых он с нетерпением ждет все остальные годы. И они так стремительны, эти минуты, что не остается времени прятаться в тень...

По дороге со съемок Резо Чхеидзе почувствовал себя плохо. Приказ врачей был категоричен — месяц абсолютного покоя.

Через месяц осень уже начнет разводиться свои первые краски, поля отцветут. А по замыслу на экране должна быть буйная весна. Врачи внимательно выслушали режиссера, выслушали оператора и художников, переглянулись, подумали — и разрешили Резо Чхеидзе встать через две недели — но не раньше. И съемки продолжать спокойно, под наблюдением врача и без всяких волнений...

Улыбнувшись, он согласился, но после ухода врачей дал команду художникам срочно поставить на выбранном месте поля тот самый, подвешенный цепями, столб, который своим гулом известит всех, что снова пришла пора пахать и сеять.

— Завтра же все должно быть готово...—повторил Чхеидзе и, покосившись на дверь, в которую вышли врачи, добавил: — Послезавтра съемка. Время не ждет...

Съемка действительно состоялась. Под наблюдением врача, но не без волнений... Как же избежать их на съемке? А в жизни?

Судьбою нам предопределено жить в бурные и тревожные годы последних десятилетий двадцатого века.

«Свое веское слово в борьбе за мир, за взаимопонимание между людьми можем и должны сказать мы, художники... — пишет в статье депутат Верховного Совета страны Резо Чхеидзе. — Мы его говорим, и к нам прислушиваются. Мы ведем мирное наступление на войну в своих произведениях, утверждая в них примат добра, красоты и духовности в человеке, показывая противоположность насилия, антигуманную суть агрессии, социальные корни человеконенавистничества, расизма, зверское лицо фашизма. Мы ведем активную агитацию за мир образными средствами искусства, мы воспитываем поколения читателей, слушателей, зрителей на примерах высочайшего героизма и преданности Родине...»

И далее:

«Наша цель — возвеличить человека, доказать, что он достоин самого большого счастья, которое может ему дать МИР...»

Нет маленького мира, отдельного для русского, американца, грузина, поляка, вьетнамца, индейца, китайца, нет маленького мира для Европы, Азии, Африки... Есть один, общий, огромный МИР для всех.

Благородной миссией искусства всегда было и остается восстановление прерванных в боях духовных связей. С мыслью об этом и приступил к новой работе народный артист СССР Резо Чхеидзе. На этот раз героем его фильма стал Дон Кихот. Почему именно Дон Кихот? Может, потому, что рыцарь этот — его любимый герой с юных лет. Мечта сделать о нем фильм никогда не покидала режиссера.

Виктор Шкловский в своей книге «Энергия заблуждения» напоминает слова Достоевского — когда будет Страшный суд, человечество положит перед богом книгу Сервантеса и скажет: Это человек...

Рассказать с экрана о таком человеке — невероятно трудно и интересно. И может, именно это заставило Чхеидзе взяться за такую труд...

Съемки намечены и в Грузии, и в Испании.

Я уверен, что в этом фильме кроме человеческих персонажей тоже на первом плане будет Земля...

КУНЦЕВ Гарри Петрович. Род. в 1943 г. Окончил Ленинградский институт киноинженеров, работает звукооператором на киностудии «Грузия-фильм». Автор сценариев для мультфильмов, одноактных пьес, статей о кино, публиковавшихся в республиканской и все-союзной прессе.

ВОЛЖСКОЕ СЕЛО

К 200-ЛЕТИЮ ГЕОРГИЕВСКОГО ТРАКТАТА

В «СТА ВЕРСТАХ» от Горького аниз по Волге, на крутом высоком берегу раскинулось старинное волжское село Лысково — ныне город. Его крепкие разноцветные дома, разбежавшиеся по склонам, смотрят сверху на Волгу в обе ее раздольные стороны, на Заволжье в туманной розовой дымке и керженские леса, багровеющие на горизонте.

Когда-то, очень давно, на месте Лыскова стоял большой город волжских булгар—Сундовит. Остатки его укрепления еще до прошлого века сохранялись на Огнейей горе, «ныне никем по причине чрезвычайной крутизны не обитаемой... с которой открывается великолепнейший вид окрестного пространства».

Это был крупный центр хлебной торговли. «В Лыскове больше 1 000 домов, громадная пристань, где останавливаются пароходы и баржи с хлебом. Улицы в нем широкие, как в городе, во круг по холмикам больше сотни мельниц, тут же плавоваренные и винокуренные заводы, народ кишмя кишит на пристани, а во время хлебной продажи, когда народное скопление, — и по всему селу. Жителей в Лыскове больше 10000, по loudности оно не уступает иному губерньскому городу».

И вообще это было славное село. Путешественники пишут о нем в восторженных тонах: «Село Лысково... да кто же об нем не знает?», «Вот оно, знаменитое Лысково».

Волжские разбойники тоже были с его населением в особенно сердечных отношениях. Беглые постоянно находили здесь приют, а также все те, кто имел какие-либо счеты с властями.

Анонимный автор, скрывшийся в «Отечественных записках» под инициалами М. С., пишет в 1861 году:

«Еще ребенком будучи, сколько рассказов слышал я от нянюшек и слуг о Лыскове и его покойном владельце! Оно рисовалось в моем воображении каким-то вертепом; читал ли я в романе про карбонариев или русских разбойников, детская фантазия непременно переносила меня на берега Волги в Лысково. Удивительно, как это слухи о нем переносились на такое расстояние в Великолуцкий уезд».

Когда в Лыскове появились первые ватаги Разина, село приняло их с колокольным звоном и крестным ходом с иконами. Впереди шло духовенство и распевало молебен за здоровье Степана Тимофеевича.

Одним из наиболее известных волжских атаманов, товарищем знаменитого Кулаги, был Федор Васильев из Лыскова.

Бывал здесь и Ванька Каин, злодей и душегуб. Он «появляется на ярмарке в Макарьеве, хозяйничает в армянском ряду, переправляется к Лыскову и наконец появляется в Нижнем».

В Макарьеве он соединяется «с шайкой Михаила Зари и отправляется, насаливши знатному грузинскому князьку, в керженские леса».

Напротив, через Волгу, стоит знаменитый Макарьевский монастырь.

Когда подплываешь к Лыскову, он открывается как-то сразу, вдруг. Кажется, что стены и башни его из красного камня поднимаются прямо из недвижной воды. Луковки церковей, блестя золотом, плывут в синем воздухе, и весь он неожиданно предстает, как необыкновенное сказочное видение.

Он был основан в 1435 году нижегородцем Макарием, прославившимся иноческой и миссионерской деятельностью среди нерусского населения края. Разрушен татарами и вновь возобновлен в XVII веке. Но особенно известным он стал с 1624 года, когда у его стен возникла ежегодная международная ярмарка. Она просуществовала здесь почти 200 лет — до 1816 года, когда была переведена в Нижний Новгород. Это было крупнейшее торжище, на которое съезжались купцы из многих стран Восто-

ка, а также Англии, Дании, Швеции и других европейских государств.

Недостаток места возле монастыря и «зыблющиеся» пески вынуждали купцов значительную часть товаров складывать в Лыскове и затем по мере надобности перевозить их через Волгу. За аренду земли платили владельцу села.

«Казна теряла свои выгоды от того, что правый берег Волги, где складывались тяжеловесные товары и останавливались суда, принадлежал князю Грузинскому, который и пользовался с него громадным доходом», — писали «Нижегородские губернские ведомости».

С развитием и расширением ярмарки ее место стало совсем неудобно. Возникла мысль о переводе ее в Лысково, откуда более, чем с левого берега, свозились товары.

Но она была переведена к Нижнему, что, конечно, нанесло сильный удар по интересам лысковцев. Они даже считали, что ярмарка сгорела не без ведома нижегородских властей, находившихся в тайной вражде к князю Грузинскому.

Вообще же в Нижегородской губернии было несколько таких сел, большей частью помещичьих, которые и населением, и промышленностью были больше своих уездных городов. Таковы Павлово и Ворсма, Городец и Катунки, Лысково и Большое Мурашкино.

Но Лысково и как центр хлебной торговли, и из-за близости к ярмарке, половина которой располагалась на ее территории, было, конечно, в особенном положении. В нем самом был торг, в то время как другие должны были свозить к нему свои изделия.

В центре Лыскова, в Спасопреображенском соборе похоронены: князь Георгий Александрович Грузинский — правнук Ваханга VI, внук Бакара, сын Александра Бакаровича, наследника карталинского престола, пытавшегося отобрать его у Ираклия II; его жена — Варвара Николаевна; мать — Дарья Александровна, урожденная Меньшикова, внучка сподвижника Петра; сестра — тоже Дарья Александровна Трубецкая, мать декабриста князя С. П. Трубецкого; его сын Иван Георгиевич; Антон — сын царевича Афанасия, обер-коменданта Москвы, брата Ваханга VI; малолетние дети Вл. Трубецкого, родственника князей Грузинских.

Здесь жили также другие грузины, связанные с семьей Гру-

зинских. Четыре года своей жизни в Лыскове провел последний католикос Грузии Антоний II.

Лысково является одним из памятников русско-грузинских взаимоотношений XVIII и XIX веков.

В 1946 году старший научный сотрудник Института истории грузинской литературы Академии наук ГССР, впоследствии профессор Торнике Чкония обнаружил в музеях Горького и Лыскова реликвии, относящиеся к истории культуры Грузии.

Это были исполненные масляными красками портреты Вахтанга VI (единственное сохранившееся его изображение), Александра Бакаровича, последнего католикоса Грузии Антония II, бронзовый герб царей Грузии с могилы Антония в Горьком, а также гразюра Теймураза II работы Е. Виноградова и А. Грекова, изготовленная по подлиннику А. Антропова в Петербурге в 1761 году.

Нашлись также портреты самого Георгия Александровича Грузинского и его жены Варвары Николаевны Бахметевой и Анны Георгиевны Толстой, их дочери.

Среди находок профессора Чкония были старинные рукописи: «Триюдь постная», переписанная в 1782 году, и объемистый манускрипт в 1368 страниц—лечебник—предположительно XV века с пометами Вахтанга VI, а также евангелие XII века, генеалогия грузинских царей, составленная Вахтангом VI, краткая история Грузии («История грузинских владений»), еще другая генеалогия, составленная правнуком Вахтанга Георгием Грузинским для Нижегородского благородного собрания, и другие документы.

Все это Чкония увез в Грузию. Однако большая часть архива Г. А. Грузинского остается неразысканной, если вообще не погибла в минувшие времена.

У Г. А. Грузинского была богатая библиотека на русском, грузинском и европейских языках. После смерти его дочери Анны Георгиевны, графини Толстой, она досталась Стогову, побочному сыну князя, как и все имение в целом, а впоследствии частично перешла в библиотеки и музеи Нижнего и Лыскова, а частично осталась у потомков Стоговых и попала в чужие руки.

Князь Георгий Александрович прославился далеко за пределами губернии широким хлебосольством. Он жил в Лыскове «открыто, пышно, гостеприимно».

У пристани на Волге постоянно дежурило несколько троек. «Всякий, кто высаживался на этой пристани, обязан был, оставивши свой дальнейший путь, ехать в усадьбу князя, где всегда был готов великолепный ужин».

Дворец князя (проект Растрелли) был одним из красивейших сооружений своего времени. При нем был огромный старинный парк с мостиками, беседками и флигелями. Многочисленная дворня исполняла все прихоти князя и его гостей.

Нелегко описать его жизнь.

Он был очень богат. До окончательного переезда в Лысково в начале XIX века жил в подмосковном Всесвятском, где много строил, поддерживая его традиционную пышность. Там у него были и зимний дворец, и летний, искусственные острова, беседки, цыгане, гондолы и разные увеселения. Но потом через село провели Санкт-Петербургское шоссе, оно стало пыльным, шумным, и очутился в Лысково.

В Лыскове Георгий Александрович прожил более полувека. Здесь он женился, здесь родились его дети, здесь похоронил близких и умер сам.

Его усадьба была расположена на холме у храма Вознесения, им и возведенного. Вместе они представляли архитектурный ансамбль, сейчас реставрируемый. Пятиглавая церковь стояла в центре квадратного двора, все четыре угла которого были заняты однотипными невысокими башенными сооружениями, различными по назначению. В одной была колокольня, в другой — зимняя Георгиевская церковь, в третьей — духовное училище. Из этих угловых сооружений сохранились только два.

Он построил в Лыскове школу (училище), больницу, даже библиотеку, что по тем временам было явлением очень редким. Проезжающие восхищались: «Лысково, столица покойного князя Грузинского, много превосходит свой город Макарьев и числом жителей, и количеством церквей и каменных домов на мощных улицах; село, где есть библиотека для чтения, клуб, училище, аптека, доктор, больница, погребки, шампанское, магазин мод».

Это описание относится ко времени после 1852 года (год смерти Г. А. Грузинского), но все равно «библиотека для чтения», доктор, больница и аптека отмечаются как достойные удивления.

Управление богатым, многолюдным селом было делом не простым. К тому же напротив, в Макарьеве, у князя была большая суконная фабрика, на которой работало 500 человек; в соседнем Неганове — конный завод, в самом Лыскове — еще винокуренный. Говорили, что он продавал с него водку в обход казны.

Нрав у него был крутой и властный. Его боялись не только купцы на ярмарке, но и губернаторы. «Обладая связями при дво-

ре, он ни во что не ставил местные власти и руководствовался лишь единственным принципом — «я так хочу». В многочисленных отзывах о нем, по большей части раздраженных, то и дело мелькают выражения «удельный князь», «волжский царек». Родня его была обширна и включала, помимо Багратионов, Меньшиковых, Бахметевых, Трубецких, Татищевых, две ветви Голицыных, Толстых, Сен-При, Одоевских, Урусовых, Кэнсонов, Остерманов, Мещерских и многих других, то есть почти всю родовитую знать.

При зимнем доме князя находился и другой каменный дом, где жили дети — Анна Георгиевна и Иван Георгиевич.

В главном доме жили сам князь и его двоюродная бабушка княгиня Анна Афанасьевна Черкасская, дочь царевича Афанасия, брата Вахтанга VI.

«При нем разных людей 9, дневальных мальчиков 2. При ней два карлика, Петр и Аннушка, и старые женщины». Всего же дворни было до 500 душ.

Здесь же жили Григорий Карганашвили с тещей Дарьей Ивановной Ломидзе, грузин Егор Матвеев, Георгий Чабуков — лысковец, дворянин.

Князю служил отставной лекарь француз Лабом. Он был выслан в Нижний из Москвы в числе некоторых других французов за то, что признавал «нынешнее в их земле правление», то есть якобинцев, и отказывался отречься «от правил безбожных и возмутительных, в земле их ныне исповедуемых».

Приехав в 1687 году в Россию, царь Арчил получил во владение Лысковскую, Терюшевскую, Белгородскую волости, подмосковное Всесвятское и другие земли. После его смерти в 1713 году во владение ими вступила его дочь Дареджан, Дарья Арчиловна, как ее называли в России. Будучи бездетной, она завещала все свое имущество племянникам царевичам Бакару и Георгию. Лысково, Терюши, Курилово отошли Бакару, Катунки и другие земли — Георгию.

В Нижнем Арчил бывал не раз при поездках в Грузию и обратно.

Вот описание его первой встречи в Нижнем Новгороде:

«В ноябре месяце в Нижний Новгород прибыл царь Арчил с царицей, с детьми, для которых были присланы от государя с Москвы царские кареты и дворяне и дети боярские, копейшники, секретари. Встречали сотнями и земские и посадские люди всем городом».

О пребывании его в Лыскове точных указаний как будто бы нет, но вряд ли, проезжая мимо, он ни разу не завернул в столь

богатое свое имение. Трудно также допустить, чтобы Спасо-Преображенский собор в Лыскове, законченный строительством в 1713 году, то есть еще при жизни Арчила, не имел к нему никакого отношения. Не может быть, чтобы, уделяя так много внимания Донскому монастырю в Москве, жертвуя на него большие суммы, он совсем не занимался собором в Лыскове. Да и невозможно, чтобы собор строился вне участия владельца села.

В 1716 году здесь жили его жена Екатерина Давидовна, царица Имеретинская, и его дочь Дарья. С ними был служитель царицы князь Симон.

Следов пребывания здесь Вахтанга VI тоже не сохранилось, но Бакар тут бывал, в частности проезжая в Астрахань к губернатору Татищеву и при подавлении военной силой «Терюшевского бунта» в его владениях.

Большие и Малые Терюши были мордовские села. Вообще же в Нижегородской губернии жили также черемисы и чуваша.

При отъезде Бакара в Грузию имения его были отобраны в казну и затем, после его смерти и раздела, возвращены его детям и вдове Анне Георгиевне.

В Лыскове и волости с деревнями у них тогда было 1215 душ; в селе Терюшеве и деревне Малая Терюшево — 502; в селе Катунки — 1179 (считались только души мужского пола). Большие имения были также под Москвой и Коломной. И все же финансовые дела их были постоянно запутаны. Безрассудные траты, широкая жизнь, бесхозяйственность, организационные расходы на «предприятие», то есть возвращение трона, приводили к тому, что дому Багратионов грозило полное разорение.

В Прибавлении № 32 «Московских ведомостей» от 22 апреля 1763 года сообщалось:

«Покойный генерал-лейтенант и Кавалер грузинский царевич Бакар, жена его, вдовствующая княгиня Анна Георгиевна с сыном своим принцем гвардии Измайловского полка капитаном Александром Грузинским должны в Меновой банк 35 тысяч рублей под заклад недвижимого своего имения в Нижегородском уезде».

Александр Бакарович постоянно был осаждаем кредиторами. В 1765 году он подал Екатерине челобитную о рассмотрении предъявленных ему векселей, которые он выдавал, как он пишет, «по одному чистосердечию своему и простоте».

Ответ был дан Анне Георгиевне, матери Александра:

«Разобрание векселей ее величество за излишнее почитает»..

Помимо трат, и крепостные тоже часто отказывались платить оброки. В 1743—45 гг. в Терюшевской волости царевича Бакара произошло восстание, которое было с трудом подавлено военной силой.

После «отпуска» Александра Бакаровича в Грузию Лысково осталось за его детьми: двумя сыновьями и двумя дочерьми.

Они остались на попечении бабушки Анны Георгиевны Арагвис-Эристави, вдовы Бакара, жили в Москве, в Охотном ряду, в доме царя Арчила, бывшем доме Голицына, перешедшем к ним по наследству. Они знали грузинский язык, воспитывались в грузинской среде, их учителями были грузины, жившие в Москве. (Грузинский язык Георгий Александрович не забыл и к старости. Иеромонах Ф. Кикнадзе, причастный к заговору грузинской дворянской оппозиции 1832 года, писал ему, посылая материал для перевода — и, в частности, соболезнуя по поводу смерти сына — на грузинском.

Вскоре, однако, их вместе с их матерью Дарьей Александровной Меньшиковой по решению Екатерины отправили в Петербург. Императрица сама писала об этом главнокомандующему Москвы М. Н. Волконскому. Александр Бакарович, писала она, «не иначе как с благодарностью примет наше о детях его попечение, когда узнает, что мы их для собственной их пользы сюда привезти приказали». Анне Георгиевне же она велела разъяснить, что «мать более имеет права над своими детьми, чем нежели бабка».

У детей была еще тетка Елизавета Бакаровна, в замужестве Одоевская, жившая в Москве и умершая в 1768 году. Видно, дети брата имели к ней отношение, так как Екатерина запрашивала у графа Н. И. Панина «план опекунов малолетних князей Грузинских о zapлате их долгов», добавив, что «обстоятельства их ныне отягчаются по смерти тетки оных сирот».

По-видимому, мать мало занималась ими и со смертью Елизаветы Бакаровны положение их ухудшилось.

Александр Александрович умер довольно рано, не оставив потомства. Анна вышла за князя Б. Н. Голицына. Это была та самая Анна Голицына (1763—1842), которая славилась необычайной красотой и царила в петербургских салонах. В ее имении в селе Силы близ Юрьева-Польского скончался и первоначально был погребен князь П. И. Багратион. Дарья же Александровна вышла замуж за князя П. С. Трубецкого и умерла в 1796 году, оставив мужу пять малолетних детей, старший из которых полковник Сергей Петрович Трубецкой был одним из виднейших деятелей декабристского движения. Этому праправнуку Вахтанга VI было всего

лишь 6 лет, когда умерла его мать. Остальные его братья и сестра были еще меньше.

В службу Георгий вступил в Петербурге 1 января 1768 года в возрасте 6 лет подпрапорщиком в Санкт-Петербургский пехотный полк. Прапорщиком стал 1 января 1772 г., адъютантом — 28 мая того же года, подпоручиком — 1 января 1773 г. Ему было тогда всего лишь 11 лет, в то время как Гурамишвили, например, участвуя в стольких походах и войнах, так и остался поручиком, не добившись капитанского звания. Поручиком кн. Грузинский переведен 25 декабря 1776 года в Елизаветградский легкоконный полк с награждением чином капитана 16 мая 1778 года и еще через десять лет, в 1788 году, уволен в отставку майором.

В столь раннем начале службы не было ничего необычного. Дети из родовитых фамилий зачислялись прямо в гвардейские столичные полки и получали офицерские чины, продолжая играть дома в солдатики. На его карьеру не повлияло ни отсутствие отца, добивавшегося картлийского трона в Персии и Турции, ни довольно прохладное отношение Екатерины к их фамилии. Даже после выдачи отца Фатали-ханом и помещения его на жительство в Смоленск Георгий Александрович еще пять лет продолжал числиться на службе. Удивительно другое: его внезапное, без всякой видимой причины увольнение в отставку. Зная немного его необузданный характер, которым он весь пошел в отца, мы можем предполагать какое-то чрезвычайное происшествие, не связанное, надо думать, ни с какими политическими событиями. Но возможно также, что это его решение связано со смертью отца, который примерно около этого времени умер в Смоленске, и необходимостью заняться хозяйством.

Он был человеком образованным: знал французский, немецкий, итальянский, грузинский языки; историю, географию, математику, физику, фортификацию, артиллерию и архитектуру.

Деревни и села, которыми он владел, находились в Балахнинском, Макарьевском, Семеновском и Княгининском уездах Нижегородской губернии.

В 1790 году брат Георгия Александр был еще жив и вместе с ним владел Лысковым.

В Нижнем у Георгия Александровича было два дома, один из которых занимал два квартала. Он стоял в Грузинском переулке на пригорке, чуть отдалась от улицы. Дом был в один этаж, но

огромных размеров. Главный фасад украшен террасой, перед которой росли березы. Сад с тенистыми липами и множеством фруктовых деревьев в Грузинском переулке занимал в округности более версты. В 30-х годах XIX столетия, когда в доме жила его дочь графиня Толстая, сад был местом гуляния нижегородской публики. В нем была кондитерская; «в воксале его в праздники играла музыка и танцевало образованное сословие». При Георгии Александровиче этот дом был средоточием дворянской жизни: князь давал роскошные балы и обеды, устраивал увеселения.

В Нижегородском краеведческом сборнике рассказывается, что «Грузинский переулок появляется среди владений всецельного владельца Лыскова, потомка Вахтанга VI. Ему же принадлежала усадьба так называемых Грузинских казарм и Бугровского сада».

Бугровский сад — это остатки парка при доме князя. А Грузинские казармы? При первом его предводительстве — Георгий Александрович впервые был избран нижегородским губернским предводителем дворянства в 1795 году — было принято решение «о пожертвовании 42000 р. на постройку в Нижнем каменных казарм для воинских чинов», которые в дальнейшем и прозваны были Грузинскими.

Может быть, это «решение» как-то было связано с воцарением Павла, увлеченного, как известно, фрунтом и шагистикой.

Грузинский переулок начинался на Б. Покровке против Болотного переулка и оканчивался на Ошарской. Он получил свое название от дома и сада графини Толстой, принадлежавших прежде отцу ее князю Грузинскому. В этом переулке находилось приходское Ильинское училище.

Нынешний Грузинский переулок в Горьком напротив изумительного по красоте здания государственного банка с шатровым в русском стиле крыльцом архитектора Покровского — это бывший Болотный переулок.

На углу ул. Свердлова и Грузинского переулка помещалась редакция «Нижегородского листка», в котором в 1895—1901 гг. сотрудничал Горький.

В доме № 23 по Грузинскому переулку находился Горьковский ТЮЗ, а до этого был коммерческий клуб, в котором Горький не раз выступал с чтением своих произведений.

В родословной Георгия Александровича, представленной им для внесения в дворянскую книгу Нижегородской губернии, написано:

«Фамилия князей Грузинских происходит от владетельных Царей Грузинския земли, из коих первым царем от народа был избран в 6083 (575) году Гурам Иудеянин, ведущий род свой от ца-

ря Давида, от поколения Клеопы, по плоти родственника нашего первого Царя Иисуса Христа, от коего происходит он в 39 колене и был фамилии Багратионов, Царей в Грузии, от коего через 33 колена Царь Арчил Вахтангович в 1687 году выехал в Россию с сыном своим царевичем Александром, коим от Великого Государя Царя Петра Алексеевича пожалованы Нижегородской губернии дворцовые волости Терюшевская, Белогородская и Лысковская с принадлежащими к ним селами, деревнями и крестьянами в род их неподвижно и сие жалование утверждено Высочайшими грамотами 14 декабря 1704 года».

В столь сложном титуловании ничего необычного не было. Дворяне выхвалялись друг перед другом древностью своих родов и заслугами предков.

Например, у А. С. Крюкова, дворянина Нижегородской губернии, было записано:

«Предок сего рода Солохемор Мирославич выехал из Большой Орды во дни великого князя Олега Иоанновича Рязанского. По крещению назван Иоанном. Правнук его, прозванный Крюк, был боярином и дан ему город Ростислав».

Не менее родовитыми были Шереметевы, Трубецкие и Шаховские, а также другие княжеские роды губернии.

Поселившись в Лыскове и осмотревшись, князь принял участие в дворянских выборах и стал депутатом Макарьевского уезда 1 января 1792 года.

По-видимому, около этого времени он женился на Варваре Николаевне Бахметевой, брат которой Алексей Николаевич, став в дальнейшем нижегородским генерал-губернатором, сыграл довольно злую роль в его судьбе. В сложных отношениях он был и с мужем своей сестры, губернским предводителем дворянства князем П. С. Трубецким.

В 1795 году Георгий Александрович уже избран губернским предводителем дворянства. Это была влиятельная и крупная должность, стоявшая на страже интересов дворян, самого сильного тогда правящего сословия. Избирались предводители тайной баллотировкой сроком на три года.

Г. А. Грузинский был избран и на следующее трехлетие в 1798 году, но тут в Нижний прибыл Павел I. В результате последовало:

«Сего июня 1 дня пополудни в 7-м часу в присутствии Губернского Правления Вице-Губернатор князь Ухтомский объявил Высочайшее именное Его Императорского Величества повеление:

Борис АНДРОНИКАШВИЛИ. ВОЛЖСКОЕ СЕЛО.

Препоручаю вам объявить здешнему дворянству мою волю на то, чтобы на место князя Грузинского выбран был другой губернский предводитель. Пребываю к вам благосклонным. Павел».

Вице-губернатор в тот же день спешно собрал имевшихся под рукой дворян и объявил им — в котором часу, неизвестно — волю монарха.

«По прибытии господ дворян в Губернское правление им было зачитано повеление», после чего они в спешном порядке — все в тот же день — избрали другого предводителя, а именно Кишенского Егора Васильевича.

Какова была причина императорского гнева и столь стремительного отстранения князя от должности?

Этого мы не знаем. Во всяком случае оно было в стиле эпохи и никого не удивило. Министры, камергеры, командующие при Павле в один день с вершин власти свергались и отправлялись в ссылки или крепости. Достаточно было неудачного ответа или просто дурного настроения императора, чтобы попасть в опалу.

В 1801 году князь Грузинский был депутатом нижегородских дворян на коронации Александра I. Здесь он представил императору государственную реликвию Грузии — крест из виноградной лозы, связанный волосами св. Нины, провозвестницы христианства в Грузии, с которым она в V веке проповедовала и творила чудеса. Этот крест всегда хранился у грузинских царей и лишь только во время их отсутствия в государстве посылался на хранение в Мцхетский кафедральный собор. Это была уникальная реликвия Грузии, самое, может быть, ее драгоценное наследие.

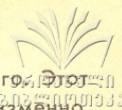
Во время нашествия турок в 1723 году, вследствие которого Вахтанг и покинул Грузию, крест был вывезен в Ананури, где спрятан в церкви, а затем грузинский митрополит Тимофей привез его Бакару и вручил ему на сохранение. Несмотря на многократные требования Ираклия II потомки Вахтанга не выдавали его.

И вот, когда Грузия в качестве одной из провинций была присоединена к России, правнук Вахтанга вручил крест Нины русскому царю. Александр I сделал великодушный жест: препроводил крест, национальную святыню, в Грузию.

В следующем году князь Грузинский стал нижегородским совестным судьей. 10 февраля 1802 года он по высочайшему рескрипту, очевидно, как пострадавший от немилости, был пожалован в действительные камергеры.

В это же время был выпущен из Выборгской крепости князь А. Амилахвари, сподвижник его отца, сидевший там с 1783 года.

Из Совестного суда Георгий Александрович уволился по прошению в 1804 году и в 1807 вновь избран губернским предво-

дителям дворянства, сменив на этом посту кн. Трубецкого. Этот пост он сохранял за собой на протяжении 21 года, неизменно, вновь и вновь переизбираясь на следующее трехлетие.

Интересное было время, и нравы для нас совершенно непостижимые.

В начале XIX века по причине непроезжих дорог это была глухая провинция. В Нижнем в 1820 году было всего 14000 жителей.

В окрестностях доживали свой век екатерининские вельможи, никак не вписывающиеся ни по образу жизни, ни по складу характера и ума в новый «просвещенный век».

«Екатерининский вельможа» — это было целое понятие. Богатые, властные, привыкшие к беспрекословному подчинению, в прошлом, как правило, вершители судеб, в настоящем они как бы отгораживались роскошью и прежними привычками от суетных забот современного мира. Они цеплялись за прошлое не потому даже, чтобы противопоставить его настоящему, но оттого скорее, что не могли жить иначе. Они были обломками бывшего величия.

Георгий Александрович по возрасту, богатству и знатности тоже был екатерининским вельможей, но он отличался от них — как и Шереметевы, вотчиной которых было село Павлово, центр слесарных и сталелитейных промыслов, местная Тула — тем, что не только тратил, но и приумножал свои богатства, предаваясь таким «низменным» занятиям, как торговля и выгодное помещение капитала, то есть был человеком и XIX века. Расширяя торговлю и производство, он являл собою уже новый переходный тип барина-промышленника. Уже не только барина, но еще и не только промышленника.

По ярмарке он ходил как хозяин. Купцы его боялись. Ему принадлежали мельницы, фабрики, земли. На все это требовалось множество рабочих рук. Поэтому он широко принимал у себя беглых, то есть крепостных, бежавших от помещиков, иногда даже его соседей. Крепостные бежали от истязаний, от невыносимых условий жизни, предпочитая вольную, хоть и подпольную жизнь ежедневному мучению. Он требовал от них лишь подтверждения, что они не совершали ни убийства, ни воровства.

Еще ходили слухи, будто бы снаряженные им «шайки» грабили караваны на Волге, отбирая товары у купцов-конкурентов. Позади княжеского дворца будто бы стоял большой ящик, в ко-

торый дворовые девушки-грешницы окрестных сел подбира-
сывали по ночам незаконных своих младенцев. Этих младенцев
он потом оптом записывал в свое владение.

При этом одни авторы называют его за все это деспотом
и даже рабовладельцем. Другие те же поступки характеризуют
как человеколюбие и филантропию. С определенностью можно
сказать лишь одно — все это было в духе времени, а сам Г. А.
Грузинский был сыном своего века.

Уездному исправнику Веселовскому, например, князь пода-
рил дорогую лошадь, но тут же приказал дворне отодрать его,
как какого-нибудь пса, за то, что он — вопреки пословице —
посмотрел коню в зубы.

Недовольные князем губернские власти вступились за посрам-
ленного исправника. Они настояли на суде, но провести его не
удалось: подкупив макарьевских, то есть уездных чиновников, князь
сам себе устроил пышные похороны и целых три года — 1798
—1801 годы — числился умершим. Только при воцарении Алексан-
дра он получил амнистию, да еще звание действительного камер-
гера.

«На посту предводителя дворянства он не уменьшил, а еще
увеличил привычку воевать с каждым и действовать в свою пользу».

На главной улице г. Горького, неподалеку от музея Свердлова,
напротив здания бывшего Благородного собрания стоит памятник
Якову Михайловичу. Он воздвигнут как раз на том месте, где бы-
ла расположена городская усадьба князей Трубецких.

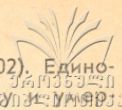
Князь Петр Сергеевич — действительный статский советник и
бригадир — был владельцем села Лапшихи, родового имения в 40
верстах от Нижнего. Трубецкие наряду с Салтыковыми, Шереме-
тевыми, Орловыми были потомственными дворянами Нижегород-
ской губернии и пользовались здесь всеобщим уважением. Многие
из Трубецких оставили заметный след и в истории России.

За Петра Сергеевича и вышла замуж сестра Георгия Алексан-
дровича Дарья.

В «Сказании о роде Трубецких» записано, что женат Петр
Сергеевич был два раза.

Первый — «на княжне Д. А. Грузинской, царского рода», вто-
рой — на нижегородской дворянке Марфе Петровне Кроминой.

От первого брака он имел 4 сына и дочь. Это были Сергей
Петрович, декабрист (1790—1860); Александр Петрович, полков-
ник-кавалергард, женатый на Луизе Валентиновне Роспишевской.
Он жил в 1792—1853 гг.; Петр Петрович, действительный статский
советник (1793—1840), женатый на Елизавете Николаевне Бахмете-

вой, умершей в 1825 году, и Павел Петрович (1795—1802). Единородная их сестра Анна Петровна родилась в 1793 году в Умаре в 1827, когда Сергей Петрович уже находился в ссылке.

Другая сестра братьев Трубецких (от второго брака Петра Сергеевича) вышла замуж за Сергея Павловича Потемкина, сына того самого П. С. Потемкина, который подписал от имени России Георгиевский трактат с Грузией.

Она же была потом посаженной матерью на свадьбе Александра Сергеевича Пушкина.

Когда Дарья Александровна умерла, по-видимому от родов, Петр Сергеевич, имея на руках пятерых малолетних детей, вступил во второй брак.

Детство и юность декабриста прошли в городском доме отца, в Нижнем. Воспитывал его гувернер англичанин Инезивуд, немецкому учил местный пастор, французскому — эмигрант, капитан королевских войск Стадлер, остальным предметам — учителя Главного народного училища.

В 17 лет Сергей Петрович поступил в гвардейский полк. К этому периоду относятся воспоминания известной графини Блудовой, жившей недалеко от Трубецких в Царском Селе, где стоял полк Трубецкого:

«Часто мы встречались тогда с Трубецкими. Это была семья красавцев и даровитых детей. Старшие сыновья были уже скорее молодые люди, нежели отроки, и мы подружались с Сергеем, насколько можно подружиться на балах и вечеринках, ибо мы не были въезжи друг к другу. Он был из тех остроумных, веселых и добрых малых, которые весь свой век остаются Мишей, или Сашей, или Колей. Он и остался Сережей до конца и был особенно несчастлив или неудачлив. В первой молодости он был необычайно красив, ловок, весел и блистателен как по наружности, так и по уму; и у него было теплое, доброе сердце и та юношеская беспечность, с каким-то ухарством, которая граничит с отвагой и потому, может быть, пленяет».

Графиня Блудова была светской женщиной. Для нее уклад жизни, при котором одни работали, а другие лишь получали удовольствия, был незыблем. Сквозь музыку «балов и вечеринок» до нее никак не доносились стоны подавленного страшным гнетом народа. Вот что она пишет дальше: «Он был сорвиголова, ему было море по колено и... кончил он жизнь беспорядочно, как провел ее; но он никогда не был ни злым, ни корыстолюбивым».

и не приучен был в детстве к той моральной выдержке, которая единственно может воспитать в человеке верность долгу и стойкость против искушений жизни. Жаль такой даровитой натуры, погибшей из-за ничего».

Из-за ничего! Знала бы графиня, что славу России той эпохи составят Пушкин и декабристы.

«Старшая сестра его умерла. Другие все живы, кажется, и сохранили замечательно долго свою красоту».

Хладнокровие Сергея Петровича в острые моменты, «ухарство, граничащее с отвагой» запомнились и его товарищам-офицерам. «В битве при Люцене, когда против гвардии был открыт смертельный огонь, князь, не обращая на него внимания, спокойно играл с товарищами, перебрасывая от одного к другому комки земли». «Шел в атаку впереди батальона, выделявая шпагой над головой разные артикулы».

При всем при том это был деятельный и очень скрытный организатор декабристского общества. В 1808 году он был назначен в Семеновский полк, где служили также братья Муравьевы-Апостол, Якушкин и другие будущие участники восстания.

В Отечественную войну отступал от Вильно до Москвы, участвовал в Бородинском сражении, затем в боях под Тарутиным, в Пруссии и Саксонии, под Кульмом. Под Лейпцигом ранен.

В 1819-20 годах находился в Париже, где увлекался химией, ходил на лекции крупных ученых «по нескольку раз». Сравнивая жизнь народов Западной Европы, пришел к выводу: «Состояние России таково, что неминуемо в одной должен последовать переворот». Основное зло видел в крепостничестве, его возмущают «всеобщие жалобы на лихоимство чиновников в губерниях».

Он был одним из трех создателей первоначального декабристского общества Союза Спасения (А. Муравьев, Н. Муравьев, С. Трубецкой). Затем в общество были привлечены братья Матвей и Сергей Муравьевы-Апостол и И. Якушкин, офицеры славного Семеновского полка, созданного Петром.

Занимал руководящее положение в обществе. Союз Благоденствия, преобразованный из Союза Спасения, отказался от первоначальной тактики «медленного действия на умы» и повернул к тактике военной революции. «Республиканские мысли стали брать верх над монархическими» (Пестель).

Союз Благоденствия делился на четыре секции. Трубецкой участвовал во всех них, одновременно самостоятельно работая над вопросом замены монархии республикой, с переносом столицы в Нижний Новгород.

Перед восстанием был избран диктатором. Манифест к русскому народу написан его рукой. Первый пункт в нем — «уничтожение бывшего правления». Он же узнал в Зимнем день и час присяги новому царю.

Приговорен к смертной казни с заменой вечной каторгой.

Брат Петр тоже подозревался в принадлежности к обществу. В «Записках» С. П. Трубецкой вспоминает:

«Левашов: Ваш брат, который служит в кавалергардском полку, член тайного общества?»

Я: Неправда.

Левашов: Г. Семенов воспитывал меньшого брата князя Трубецкого и принял его в тайное общество.

Я: Неправда. Брат мой, о котором говорит генерал Левашов, не принадлежал к тайному обществу. И ни один из моих братьев не знал о его существовании. Г. Семенов приезжал из Москвы с моею мачехой и жил с полгода у нее в доме, занимаясь с меньшим моим братом. Если бы г. Семенов и был тогда членом общества, то он все равно не мог бы принять моего брата, которому было не более 15 лет. Тогда г. Семенов не был членом общества, а после того он брата моего не видал».

Брат, о котором идет речь, Петр Петрович, член Союза Благоденствия, полковник артиллерии. Отошел от движения в 1821 году. О его членстве в тайном обществе говорил И. Бурцов. К следствию, однако, он не привлекался. «Высочайше повелено оставить без внимания». Позже Петр Петрович служил по таможенной части. Сергей Петрович был женат на графине Лаваль, дочери французского посла в Петербурге. Современники подчеркивают ее сердечность, человечность. Она была «олицетворенная доброта». Из жен декабристов Екатерина Ивановна первой поехала за мужем в ссылку.

Еще во время следствия сестра Трубецкого Елизавета Петровна Потемкина обратилась и Николаю с просьбой позволить брату ее, заключенному в Петропавловскую крепость, повидаться с супругой.

Она получила ответ. За гладкими строками этого письма, якобы любезного, проглядывают и привычка к лицемерию, и уверенность в собственной непогрешимости, столь присущая тупым и упрямым людям:

«Я весьма счастлив, графиня, что печальная услуга, которую я имел возможность вам оказать, доставит вам несколько минут

утешения. Желаю, чтоб вы убедились, как тяжело для меня быть вынужденным на такие меры, которые, при всей неизбежности их ввиду общего блага, погружают в отчаяние целые семейства, мне кажется, что я сам не менее их заслуживаю сожаления.

...Вы нуждаетесь в утешении, я это знаю... ваша покорность судьбе заставляет меня еще более уважать вас.

...Относительно испрашиваемого вами у меня свидания распоряжения сделаны; я назначил его в понедельник на Пасхе, то есть в день наиболее близкий к указанному вами мне времени».

Екатерина Ивановна получила свидание, поехала за Сергеем Петровичем в Сибирь, но и там могла его видеть только издали.

Из воспоминаний Полины Анненковой: «Заклоченных всегда окружали солдаты, так что жены могли их видеть только издали.

Князь Трубецкой срывал цветы на пути своем, делал букет и оставлял его на земле, а несчастная жена подходила поднять букет только тогда, когда солдаты не могли этого видеть».

В 1839 году Трубецкой вышел на поселение в село Оек Иркутской губернии. После амнистии ему разрешили поселиться в Киеве.

У него было три дочери и один сын, все рожденные в Сибири. Он похоронен в Москве у Архангельского собора Новодевичьего монастыря. Рядом покоятся его сын Иван Сергеевич и зять — Ребиндер Н. Р. — муж старшей его дочери Сашеньки. В нескольких шагах — могилы старых друзей М. И. Муравьева-Апостола и одного из первооснователей союза — А. Муравьева.

Отец Сергея Петровича всегда жил в Нижнем. Но отношения ближайших родственников не ладилась. Петр Сергеевич в 1803 году был избран губернским предводителем дворянства, в 1806 году вновь переизбран, но «по проискам князя Грузинского губернатор кассировал выборы и Трубецкой уступил предводительское кресло» Георгию Александровичу. Обиженный, он удалился в родовое имение.

Георгий Александрович с его своеволием и равнодушием к общественным интересам, конечно, был полной противоположностью тому, что являлось идеалом декабристов и вообще просвещенных людей того времени, отрицавших как казенный дух николаевской эпохи, так и просвещенное вранье екатерининских времен. Поэтому вряд ли верно предположение историка Н. Г. Тарсаидзе о возможном влиянии его на племянника. Мы не находим никаких следов их общения ни в сибирский период жизни Трубецкого, ни по возвращении его из ссылки. Родные племянник и дядя, по-видимому, не питали друг к другу симпатий или во всяком случае не были близки.

Нижегородская губерния дала пять декабристов. Причем все они, вопреки естественной логике, воспитывались в семьях, далеких от передовых и просвещенных идей.

Один из пяти казенных декабристов — Бестужев-Рюмин М. П. был из Горбатовского уезда. Отец его служил в Горбатове городничим. В своем фамильном селе Кудряшки он построил громадную оранжерею и башню-вышку, с которой в подзорную трубу целыми днями наблюдал дворовую жизнь соседних помещиков. Слезая с вышки, он увлеченно предавался вышиванию на пальцах.

Мать Анненкова, о которой мы уже рассказывали, была барыней-мучительницей своих людей. Угодить ей было невозможно. Бывают, видимо, люди, которые уже настолько находятся вне правил обычного мира, что их ничем невозможно пронять. Когда был убит на дуэли ее старший сын, она лишь сказала: «Ну что ж, другому больше достанется».

Оба ее сына, Иван и Григорий, были кутилами, бреттерами и ловеласами. Иван и сам убил на дуэли своего однополчанина и товарища Ланского. Этот факт и смерть брата очень серьезно на него повлияли.

Отец братьев-декабристов А. С. Крюков был вице-губернатором, а затем губернатором Нижегородской губернии. Рознь между родителями и детьми особенно видна на этой семье.

Отец — чиновник-карьерист пересидел двух губернаторов и потом сам стал им. Он карал и миловал совершенно равнодушно. В его гербе — как символ цепляния за власть — было два крюка, положенных крест-накрест на шпагу. Вступив на губернаторский пост «яко наг», он вскоре разбогател, брал взятки и через некоторое время уже имел 400 душ.

Его сыновья — Александр и Николай — служили на Украине. Старший, Николай, сблизился с Пестелем, вступил в Южное общество и стал одним из его идеологов. Именно ему Пестель вручил перед своим арестом важнейшие документы общества, в том числе «Русскую правду».

Братья Крюковы на допросах держались мужественно. Оба были приговорены к 15 годам каторги и пожизненной ссылке в Сибирь.

В 1825 году отец их вскрывал письма наблагонадежного Ф. Шаховского, усмирлял крестьянские восстания, давал директивы

карательному отряду, а дети его были ближайшими сотрудниками Пестеля.

Князь Ф. Шаховской, родственник театрала, жил в селе Ореховце Ардатовского уезда, где им была собрана огромная библиотека на французском, русском, английском, итальянском и латинском языках, которыми он владел в совершенстве. Он вел обширную переписку с учеными и мыслителями разных стран и считался одним из самых передовых людей 20-х годов XIX столетия. За горячие, страстные речи «в пользу свободы» его прозвали тигром. В Ореховце декабрист завел новые порядки, облегчающие участь крепостных, чем навлек на себя ненависть соседей.

Могли ли все эти полупомешанные Орловы и Головины, «прославленные подлостью», не ненавидеть деятелей, один из которых (декабрист А. М. Муравьев) сказал: «В России ложь — характерная особенность власть имущих: все лгут — от верховного суверена до самого последнего его подданного».

Наполеоновское нашествие как бы всколыхнуло дремлющие силы нижегородцев.

Из Москвы при приближении французов эвакуировались сюда Н. М. Карамзин, В. Л. Пушкин (оба нижегородские помещики), Н. Н. Бантыш-Каменский, А. Ф. Малиновский, Ю. А. Нелединский-Мелецкий, К. Ф. Батюшков, С. Н. Глинка.

Карамзин — у него был собственный дом на Тихоновской улице — продолжал работать над «Историей Государства Российского». Вдохновленный героическим прошлым народа, он говаривал, поглядывая из окна своей квартиры на Кремль: «Русские, каковы были в 1612 году, таковыми же будут и в 1812»... Малиновский начал писать биографию Пожарского. Батюшков и Пушкин сочиняли патриотические стихи.

Георгий Александрович как предводитель дворянства и вообще человек известный — к тому же он был избран начальником нижегородского ополчения, дела самого тогда важного — конечно, не мог не встречаться с ними. Кроме того, Карамзина, наверное, интересовали материалы архива князя, которые, как мы теперь знаем, у него были и не могли не привлечь внимания составителя истории России. Но точных данных об их встречах и знакомстве нет.

Чуть раньше в Нижний был выслан М. М. Сперанский «за подозрения в симпатиях к Наполеону». Барон М. Корф, одноклассник А. С. Пушкина, значительно позже написавший работу о Сперанском, ссылается в ней на князя Грузинского.

«Приехав зимою 1811 в Нижний, — рассказывает известный лысковский владелец князь Грузинский одному лицу, записавшему его рассказ для барона Корфа, — где обязанности по званию губернского предводителя требовали моего присутствия, я зашел однажды к нашему губернатору Руновскому и при входе в зал остолбенел, едва веря своим глазам: у окна, прислонясь к столу, стоял в глубоком раздумье и глядел на улицу, вероятно ничего не видя — Сперанский! Он не слышал, как я вошел; я подошел поближе — точно: он!».

Барон М. Корф пишет, что «Сперанский вел в Нижнем откровенные разговоры с князем Грузинским».

Этого, конечно, не могло бы быть, если бы они раньше коротко не знали друг друга. М. М. Сперанский был высшим сановником, близким к государю. Знакомство с ним много говорит о связях Георгия Александровича в столицах.

Сперанский в Нижнем — возможно, у князя Грузинского — познакомился с Карамзиным. Он также посетил Макарьевскую ярмарку и побывал у Георгия Александровича в Лыскове.

В Манифесте Александра I к народу от 6 июля 1812 года содержался призыв оказать сопротивление врагу: «Благородное Российское дворянство! Ты во все времена было спасителем Отечества!»

Манифест был получен в Нижнем «17 июля в 4 часа пополуночи». В тот же день к предводителю дворянства, действительному камергеру и кавалеру князю Грузинскому было послано из губернского правления отношение о сборе сил для отражения неприятеля.

Грузинский воспользовался тем, что большая часть дворян находилась в Макарьево на ярмарке, открывающейся всегда 15 июля, и устроил там собрание уездных предводителей и дворян, которые постановили:

«С благоговением внимая воззванию всемилостивейшего Государя Императора... за обязательное поставляем не только из подвластных себе людей составить новые силы, но и собственно собою жертвовать на пользу и защиту Государя и Отечества».

В начальники ополчения избран кн. Г. А. Грузинский, первым кандидатом при нем — генерал-майор Шереметев В. С.

Симбирская, Казанская, Вятская, Пензенская и Костромская губернии вместе с Нижегородской составили III округ, командуя-

шим которым был назначен генерал-лейтенант, сенатор и кавалер граф П. А. Толстой. Штаб округа находился в Нижнем, где сосредотачивались все дела по формированию новых частей. Немалое посредственное участие в нем принимали также корпусный командир генерал Муромцев, вице-губернатор Крюков и начальник штаба Муравьев.

Командующий III округом сенатор и кавалер граф П. А. Толстой был приятель и соратник П. И. Багратиона. Родился он в 1761 году, начал службу капралом в Преображенском полку. Участвовал в битве при Мацеовицах (когда был взят в плен Костюшко) и при штурме Праги. В реляции Суворова о пражском штурме написано: «Граф Толстой, командуя двумя батальонами, во главе колонны с первыми взшел на батарею и овладел ею, где и ранен». Императрица Екатерина II за отличие при Праге и Варшаве сама надела на него орден Георгия III степени. Ему было тогда 24 года.

Затем он был командиром Преображенского полка, где начал службу, и петербургским инспектором. В 1801 году командовал корпусом. Был при Аустерлице. Ездил со специальным посольством в Париж, участвовал во встрече в Тильзите. В походе во Францию 1813—14 гг. был дежурным генералом Александра I, его «оком». Должен был докладывать ему все откровенно, нелицеприятно.

Граф П. А. Толстой был женат на внучке царевича Георгия, сына Вахтанга VI, Марии, которая доводилась Георгию Александровичу троюродной сестрой.

Еще важнее то, что за сына графа П. А. Толстого и Марии позже вышла замуж дочь Георгия Александровича Анна Георгиевна. На них, на Анне Георгиевне и Александре Петровиче, которые были мужем и женой, будучи еще и четвероюродными братом и сестрой, замкнулись две близкие линии Багратионов — потомков родных братьев Бакара и Георгия. Граф и графиня Толстые известны еще тем, что в их доме, доме своих друзей, жил и умер Н. В. Гоголь. Это тот знаменитый дом на Суворовском бульваре в Москве, где Гоголь жил последние годы жизни, сжег вторую часть «Мертвых душ» и где стоит ему памятник. Граф и графиня Толстые, правнуки Бакара и Георгия, были теми людьми, которым Гоголь доверил свой покой в последние годы жизни.

Но в описываемое время, когда создавалось ополчение, они были еще подростками, родственниками или, как тогда говорили, «кузенами».

17 августа граф Толстой предписал кн. Грузинскому приступить к набору. Сразу же был открыт прием пожертвований.

Князь Грузинский купил на Макарьевской ярмарке 430 ружей (из них 30 штуцеров), егерских ружей — 31, ружейных стволов — 710, замков — 800, пистолетов — 504, сабель — 400, патрон-ташей — 119, сум — 248. Он же заподрядил село Павлово и Тулу переработать это оружие, сделать к стволам штыки и ложа. «Стоить будет все то оружие с принадлежностями 16643 р. 50 к».

«О каковом пожертвовании нижегородского дворянства честь имею сообщить Вам, Милостивому Государю моему», — извещает князь графа П. А. Толстого.

В архивах сохранились и другие бумаги и документы, свидетельствующие об энергичной деятельности предводителя дворянства по снаряжению ополчения. Среди прочего — распоряжение о единовременной помощи «недостаточным» дворянам, среди которых мы встречаем и фамилию губернского секретаря Кванчехадзева. Вспомоществование давалось из сумм, оставшихся от формирования в Ярославле и Владимире ополченских полков. Им воспользовались 28 человек из пяти полков. Как видим, не все дворяне имели достаточные средства на жизнь. Документы рассказывают о сборе лошадей и распределении их, о телегах и других необходимостях. Подробно расписана по уездам доля каждого. Округу были отпущены 10000 ружей, артиллерия, приписаны казачьи полки. Ополчение составляло целый корпус в 12440 человек.

8 октября пришел рескрипт об оставлении Москвы. Вскоре в Нижний из сожженной Москвы с сенатским архивом прибыл сенатор и генерал-лейтенант царевич Мириан. Он прожил на Б. Покровке больше года.

Ополчение сражалось под Дрезденом, участвовало во многих боях.

28 октября 1814 года оно именным указом было распущено с благодарностью «за ревность и усердие, оказанные ими во время службы, чтобы воины в недрах семейств наслаждались среди трудов и промыслов».

Георгий Александрович поехал восстанавливать Всесвятское, которое в нашествие постиг полный разор. Он с еще большей роскошью отстроил все побитое и сожженное неприятелем, а в парковом саду поставил статуи русских воинов в мундирах покрывших себя славой полков.

С Нижним и Лысковым связано имя еще одного члена грузинской царской фамилии, окончившего здесь свои дни.

В составе посольства Г. Чавчавадзе, направленного в Петербург уже после подписания Георгиевского трактата, было два сына Ираклия II: царевичи Мириан и Антоний. Мириан вступил в русскую службу, Антоний же, будучи уже монахом и иеродьяконом, в том же 1784 году был в придворной царскосельской церкви в присутствии императрицы и всего двора посвящен в сан архиерея с титулом Ниноцминдели. При этом Екатерина пожаловала ему драгоценную панагию, усыпанную крупными бриллиантами.

Ираклий II возвел его в сан митрополита Алавердели, а в 1789 году по возвращении из России он стал католикосом на место Антония I. Ему было тогда 26 лет.

10 марта 1801 года, то есть накануне своей смерти, император Павел, получив донесение, что вся Грузия приняла присягу на подданство России, в знак монаршего благоволения к католикосу Антонию II пожаловал ему белый клобук с серафимами и бриллиантовым крестом на переднике.

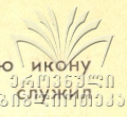
Император Александр I в день коронации наградил его орденом Александра Невского.

Более 20 лет управлял Антоний II грузинской церковью. В 1810 же году был вызван в Россию, где Александр назначил его членом Синода, богато одарил, наградил мантией со скрижалями, орденом Андрея Первозванного и ежегодным пансионом в 54000 рублей. То ли дороговизна петербургской жизни, где нужно было содержать большую свиту, то ли причины климатические вынудили его переехать из Петербурга.

Он выбрал Нижегородскую губернию, вероятно потому, что здесь жили его родственники: Георгий Александрович, с которым они были троюродные братья, вдова Левана Бакаровича со своим семейством и свойственник его по матери Н. А. Даддани. Все они были прихожанами Покровской церкви.

С Антонием приехали священнослужители, его родной племянник кн. Е. Д. Цицианов, управлявший его делами, а также его дворовые с семьями — все грузины.

Около четырех лет Антоний жил в Лыскове у Георгия Александровича, а затем весной 1824 г. переехал в Нижний, где занимал дом «наsupротив» Покровской церкви. В этой церкви грузинам был отведен Харлампиевский придел для отправления по воскресным и праздничным дням богослужения «на их языке».

Антоний II преподнес церкви старинную чудотворную икону св. Троицы, которая хранится в ней и по сию пору. Он иногда в кафедральном соборе и Крестовоздвиженском монастыре. Службу вел на грузинском языке, в то время как остальные священники и певчие — на русском.

На богослужении католикос обычно «по слабости ног» сидел. Он любил содержательный, степенный разговор. Хранил драгоценную для него коллекцию грузинских книг, оставшихся ему от Антония I.

Парадные выезды совершал в золотой карете, подаренной ему Александром I и принадлежавшей раньше императрице Елизавете. Карета была французская, запрягалась шестью лошадьми с шорами и страусовыми перьями на головах. Его выезды сопровождали толпы. Он много помогал бедным, а также грузинам, живущим в Нижнем. Перед смертью, не имея накоплений, просил, чтобы выдаваемое им его людям жалованье было обращено в пенсию, как это делалось в отношении других из штатов царевичей и царевен. Это было исполнено.

Все хлопоты по похоронам принял на себя Георгий Александрович. Погребен он был сначала в кафедральном соборе, но по прошествии 14 лет перенесен «собственными руками» кн. Грузинского под своды нового Преображенского собора, где и положен в алтаре Дмитриевского придела по правой стороне.

Этот собор существовал с 1350 года, но неоднократно перестраивался. Здесь усыпальница великих князей и Минина.

Католикос, то есть «вселенский», как именовались все восточные патриархи, кончил свою жизнь в 1828 году «вдали от всего, что было ему дорого и мило».

За гробом Антония шли рядом «в полной парадной форме» Георгий Александрович — предводитель дворянства с 1807 года, и генерал-губернатор А. Н. Бахметев, брат его покойной жены.

Но вот 19 декабря того же 1828 года «Правительствующий Сенат в указе Нижегородскому губернскому правлению» сообщил, что по повелению Николая против кн. Грузинского возбуждено дело «о проживающих в его имении безпаспортных и бродягах». Генерал-губернатор поручил «произвести расследование чиновнику особых его поручений статскому советнику Ермилову».

Расследование Ермилова было представлено в Сенат. Николай повелел, чтобы дело было решено «без очереди, так как оно

наводит стыд на лицо, занимающее важнейшее в губернском дворянстве место по доверию всего сословия». Сенат предписал князю Грузинскому немедленно явиться для объяснений по означенному делу, а пока что должность предводителя дворянства поручить кандидату на эту должность княгининскому уездному предводителю Шебуеву, «состоящему под баллами». Шебуев тут же вступил в должность.

С волнением и любопытством листаем «Записку по делу кн. Грузинского».

С 1825 года по февраль 1828 в Макарьевском уезде было поймано 433 «бродяги», из которых 352 в одном лишь Лыскове.

На вопрос о том, откуда они взялись, отвечали разное. Их ответы были «с истиной совершенно не сходны» и даже «не лепыми». Они путали губернии и уезды, в которых раньше будто бы жили, и имена своих помещиков.

Суд их всех, несмотря на явную ложь и противоречия, не наказал, за что генерал-губернатор велел макарьевского исправника Мезенцева «предать осуждению», а также и прочих членов земского суда. Он распорядился также произвести следствие о содержании князем Грузинским в селе Лыскове беглых людей.

Крестьянин Матвей Филатьев, проживая у помещика в Москве, претерпевал жестокие побои. Он бежал еще с другим человеком и явился в Нижний к князю Грузинскому, уже зная, что он принимает у себя чужих крепостных. Князь отправил их в Лысково, дав другие имена. При этом они получили по 10 рублей. В дальнейшем они были поставлены на должности, кто камердинера, кто певчего, и получали в год по 80 рублей.

В момент тревоги им велели выехать из села и не говорить, что они тут проживали. Но они рвались назад, так как у них в Лыскове оставались семьи и работа.

Другой беглый, определенный коновалом, получил от князя две лечебные книги «с присовокуплением, если чего не знает, чтоб там смотрел».

Камердинер Сергей Ферапонтов брил и одевал князя и имел в Лыскове свой дом. Беглыми были также лакеи Василий и Варсонофий и безымянный кучер. Филипп Васильев шил священникам ризы, Иван Катунский «жил при Георгиевской церкви», то есть присматривал за ней.

«Девка», которая «блудодействовала и прижила неизвестно от кого пять детей и теперь тоже считает себя беременной, живет с матерью без всяких письменных видов».

«Прачка Авдотья пришла сюда еще в малолетстве с отцом

арамом Виктором Андреевым и матерью. Мать умерла, а она, по-луарапка, живет».

Когда беглые женились, князь благословлял их образом. Беглые были обнаружены и на винокуренном заводе князя. И в самом доме его проживало пять человек в течение десяти лет.

На требование явиться в Сенат князь представил свидетельство о болезни. В оправдание он писал, что на всех этих беглых он хотел оформить купчую, но не мог сыскать владельцев, которые то умирали, а то «были неизвестны», и кроме того, будучи беспрерывно предводителем дворянства, он редко бывал в Лыскове и плохо знал тамошние дела.

В деле имеется также «Записка Бенкендорфа», этого вернейшего николаевского сатрапа. Он надеется, как пишет сам, в скором времени лишит князя Грузинского всех средств делать злоупотребления и беспорядки. Частным образом он, Бенкендорф, получил сведения, что генерал-губернатор Бахметев есть самый близкий родственник князя, а именно родной брат его жены. «Князь Грузинский с давних лет, как уверяют, позволяет себе всякого рода противозаконные и самовольные поступки в крайней степени. Он не только во множестве содержит беглых, но и записывает их в ревизские ведомости умерших крестьян. В порывах своего буйства он избил своими руками множество крестьян, купцов и даже дворян. Тащил их в приказную избу в Лыскове, где заковывал в кандалы, и простирали свою дерзость до того, что наказывал их батогами и другими телесными истязаниями... Производил незаконную продажу вина с своего завода и на баржах по реке Волге.

Выборы, как вообще уверяют, зависят совершенно от него. Он вводит в собрание и допускает к выборам всякого рода дворян, находящихся под судом и тому подобным. Боясь дерзости и буйства его, не решаются ему возражать.

Многих он вытесняет из собрания, устраивая оные из одних приверженцев своих, коих ежегодно угощает пиршеством. В день выборов многие из них являются в развращенном виде. Известные буйством, нетрезвостью и необыкновенной телесной силой отставные лейб-гусары Юрков и Житков готовы на всякую дерзость против того, кто осмелится противиться князю. И губернские чины боятся его, и он имеет возможность вмешиваться в дела, до него не касающиеся».

Служащий в Нижегородской казенной палате губернский сек-

Борис АНДРОНИКАШВИЛИ. ВОЛЖСКОЕ СЕЛО.

ретарь Моисеев показал, что он, «быв в селе Лыскове по должности», отведен был князем Грузинским в вотчинный его приказ и посажен «в цель с причинением ему побоев». В деле фигурирует также жалоба титулярного советника Янова о рукоприкладстве над ним. Капельмейстер венгерский подданный Собека тоже писал на князя Грузинского жалобу, что тот опоил его дурманом, от которого у него было головокружение и дрожание конечностей.

Он, видимо, действительно не умел обуздывать себя. На городской псарне у него было до 800 собак разных пород и «возрастов». Стоило ему только увидеть где-нибудь кровного пса, как он не успокаивался, пока не заполучал его. На этой почве и произошло роковое для него столкновение с канцлером Румянцевым, который явился в Нижний осматривать ярмарку и привез с собою зачем-то пару редких собак-водолазов. Георгий Александрович ухитрился выкрасть их. Разгневанный канцлер воспользовался предложением и возбудил против него дело о беглых, которые до этого жили в Лыскове десятилетиями.

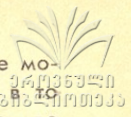
Георгий Александрович вторично и окончательно был отстранен от должности.

Его дочь вышла замуж и уехала куда-то в Италию. Жена и сын давно умерли. Остаток жизни он провел в одиночестве в Лыскове. Умер в глубокой старости. Под конец жизни страдал бессонницей и потому никогда не ложился спать. Его дворец всю ночь был освещен, как в самых парадных случаях, а он ходил из комнаты в комнату и изредка садился в кресло подремать. Вся дворня при этом и комнатная прислуга были на ногах. Кресло его было устроено на специальном помосте перед окном, из которого открывался обширный вид на двор усадьбы и на Волгу.

Скончался он от нервного удара, увидев в окно мужика, не снявшего шапку при проходе через двор.

В 20-х гг. его посетил Ф. Ф. Вигель, современник и знакомец Пушкина, автор интересных воспоминаний. Вот что он пишет в них о Георгии Александровиче:

«Царского происхождения, с полуденной кровью, с пылкими страстями, с крутым нравом, князь Грузинский точно княжил в богатом и обширном селении своем Лыскове, на берегу Волги, насупротив маленького города Макарьева. Все приезжие, покупатели и торгующие, находя в Лыскове гораздо более удобств и простора, нанимали тут квартиры во время ярмарки, и это время для Грузинского было самое блистательное и прибыльное в году, так что с каждым годом, казалось, сила его умножается. Переведение этого огромного торжища в Нижний Новгород нанесло первый, но решительный удар его могуществу. Я не нашел его столь

страшным. Видно, к проезжим был он милостивее; ибо я не могу нахвалиться его приемом, когда у него обедал. Он был в то время вдов: жена его, урожденная Бахметева, скончалась во цвете лет, замученная столь же частыми изъявлениями его бешеной любви, как и порывами его неукротимого гнева, и оставила ему сына и дочь. Сын, гвардии офицер, умер еще в молодости; а единственная прелестная тогда дочь его убежала общества и, вопреки обычаям других красавиц, столь же тщательно скрывала красоту свою, как те любят ее показывать».

После смерти Георгия Александровича Лысково досталось его дочери, а от нее по завещанию перешло к побочному сыну князя — Стогову. Но это уже были времена «оскудения дворянства» — конец XIX века. Лысково приходило в упадок.

В рассказе «Старые годы» П. И. Мельников-Печерский так описывает Лысково: «Величественный дворец, строенный в прошлом столетии по плану Растрелли, окруженный полуразвалившимися флигелями и службами, господствуя над Волгой, угрюмо смотрит на новую действительность, словно сокрушаясь, что минули старые годы.

Мы пошли в сад. Огромный, версты на полторы тянется он по венцу горы, а по утесам спускается до самой Волги. Прямые аллеи, обсаженные вековыми липами, не пропускающими света божьего, походили на какие-то подземные переходы. Местами, где стволы деревьев и молодых побегов срослись в сплошную почти массу, чуть не ощупью надо было пробираться по сырым грудам обвалившейся суши и листьев, которых лет восемь-десять не убирали в запущенном саду.

Кой-где уцелели каменные постаменты, на них стояли статуи. Куда после девались они, бог знает...

Смелой аркой был перекинут через овраг каменный мост... За мостом павильон... Давно свалились его двери, вышиблены из окон его рамы, ветер да зимние вьюги свободно гуляют по комнатам, где чего ни бывало в старые годы... В одной комнате уцелели фрески, и какие фрески! Недюжинный художник их работал. Вот Венера в объятьях Марса — хорошо сохранились свежие роскошные перси и руки богини красоты, досадная улыбка безобразного Вулкана. На другой стене нагая Леда страстно прижимает лебедя, на третьей свеженькая нимфа лениво отталкивает обхватившего ее сатира.

Между тем сотский привел одного из хранителей дворца. Сыростью и гнилью пахнуло, когда отворили двери. Из под-ног поднималась густая пыль, а ворвавшийся в растворенные двери поток свежего воздуха колыхал отставшие от стен и лохмотьями висевшие дорогие, редкостные когда-то шпалеры. Грустью и печалью веяло со стен запустелого жилища былой роскоши».

П. И. Мельников-Печерский еще видел на стенах портреты: самого Георгия Александровича — «открытое лицо с римским носом и выдающеюся вперед нижнею губою выражало спесь непомерную и крутую волю; Варвары Николаевны, супруги князя — «высокой статной женщины в желтом атласном помпадуре с черными кружевами. Лицо было прекрасно, в глазах много ума, но тихая затаенная грусть виднелась в них».

«Один портрет особенно поразил меня. В голубой робе на фижмах, с тонко и кокетливо перегнутой талией, стояла молодая женщина: прекрасная ее рука, плотно обтянутая длинной перчаткой, играла розою». Это была жена Ивана Георгиевича, умершая совсем молодой. Стосковавшись по мужу, она поехала за ним в полк, в дороге простудилась и померла. Он вышел в отставку и тоже вскоре умер от горя.

В настоящее время дворца уже не существует.

Лысково стало нарядным, красивым, современным городом, сохранившим вместе с тем в центре свои прежние приятные черты: раздолье и волнующую тишину широких улиц. В здании школы, построенном еще Георгием Александровичем, внедрявшим здесь образование в пику окрестным владельцам, звенят детские голоса. Возвышаются храмы, хранящие память о прошлом. Есть еще несколько зданий, которые помнят былое. Но в основном здесь другая жизнь, иные песни.

И лишь вид на матушку-Волгу, могучую реку, и Макарьев на том берегу остался неизменным.

АНДРОНИКАШВИЛИ Борис
Борисович. Род. в 1934 г. Член
Союза писателей и Союза кинематографистов СССР. Автор прозаических сборников «Август-

месяц», «Суббота, воскресенье»
«Красные кони», «Мандариновый
берег». Работает над материала-
ми, посвященными русско-грузин-
ским историческим связям.

Марк ЗЛАТКИН

НЕМНОГОЕ О НИХ...

ХУДОЖНИК-
ВОЛШЕБНИК

ДОМ народного художника Грузии Ладо Гудиашвили был всегда гостеприимно открыт. В окружении своих волшебных полотен хозяин радушно принимал у себя дру-

зей — земляков и гостей, приезжавших со всех концов страны и из-за рубежа, мечтавших соприкоснуться с таинствами его творческого мира, чтобы узнать душу народа, к которому они приехали. Здесь бывали и дотошные специалисты-искусствоведы, и ученые всех областей знаний, и деятели культуры, и мастера искусств, и студенты, еще только определяющие свой жизненный путь. Дом Ладо Гудиашвили был открыт и для нас, издательских работников, поскольку нам не однажды доводилось, отобрав рукопись, обсудив в коллективе вопросы ее иллюстрирования, обращаться к Владимиру Давидовичу с просьбой взять на себя этот труд.

Но едва успев сделать традиционное издательское предложение, только назвав рукопись, я видел по его лицу, по его добрым внимательным глазам, что он как бы уже видит контуры будущих своих иллюстраций к давно знакомым и любимым темам.

Прекрасны книжные иллюстрации Ладо Гудиашвили, которые сродни по духу его живописным полотнам, его миру фантазии, имеющему глубокие народные корни. В данном случае я имею в виду изданные нами книги с его иллюстрациями: грузинские «Волшебные сказки», «Сказания и легенды», к которым он дал удивительно меткие рисунки, собирательный, синтетический

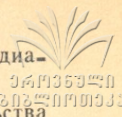
Главы из книги «Немногое о них...», подготовленной к печати.

образ Амирани в виде фронтисписа к исследовательскому труду М. Чиковани «Амираниани», «Мудрость вымысла» Сулхана-Сабана Орбелиани (портрет Орбелиани, иллюстрации, переплет, форзац и заставки — все принадлежит перу Гудиашвили), рыцарский роман Мосэ Хонели «Амиран-Дареджаниани» — героический эпос, представляющий собой сборник сказочно-фантастических эпизодов, повествований о героических, бесстрашных и благородных подвигах витязей.

Это произведение XII века — один из первых памятников грузинской светской литературы — открывало необозримое поле для творческой фантазии художника. Иллюстрировал Ладо Гудиашвили также произведение раннего средневековья — «Балавариани. Мудрость Балавара». Роман этот, как известно, построен преимущественно в форме диалога, изобилующего притчами, сентенциями, афоризмами и остроумными сюжетами. Это произведение привлекает внимание читателя и художника не наслоениями религиозно-догматических, схоластических рассуждений, а многочисленными сюжетными построениями. Именно так воспринял роман Ладо Гудиашвили. Как не вспомнить в связи с этим роспись его в церкви Кашуэти в Тбилиси. Выступая 14 марта 1958 года на творческом вечере Ладо Гудиашвили в Москве, Евгений Евтушенко прочел свое посвященное эпизоду с росписью церкви стихотворение и перед этим сказал: «Мне рассказали, что когда один из представителей духовенства посмотрел в церкви эти росписи, то он сказал: «Где же святые? Кругом одни грешники». Стихотворение Евтушенко много раз печаталось, но я все же напому его последние строки:

Богов людьми мы рисовали
и в людях
видели
богов!

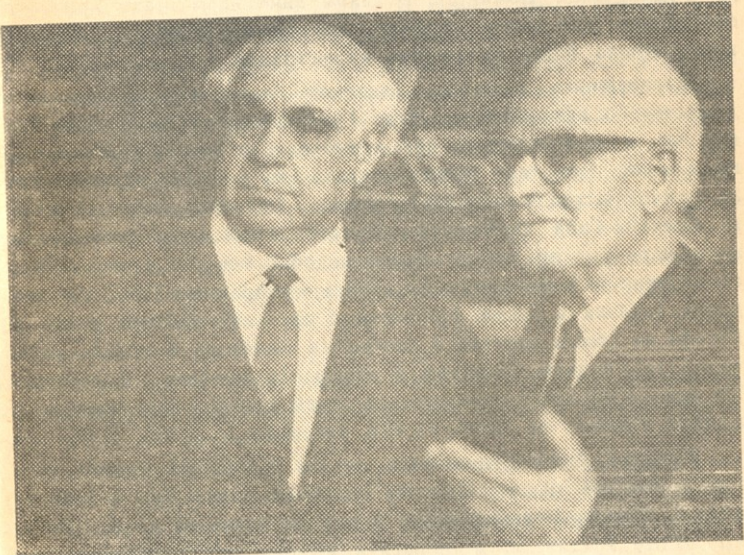
Надо ли говорить, каким творческим подвигом считали художники свое участие в иллюстрировании поэмы Шота Руставели «Витязь в барсовой шкуре». Ладо Гудиашвили иллюстрировал эту поэму в 1934 году. Позже ее иллюстрировали Тамара Абакелия, Уча Джапаридзе, Сергей Кобуладзе, Ираклий Тондзе, Леван Цуцкиридзе, Натела Янкошвили. В 1977-79 годах мы осуществили издание поэмы Руставели с иллюстрациями ряда художников, начиная с неизвестного автора миниатюр (XVI в.), Мамуки Тавакарашвили (XVII в.), а также знаменитого венгерского художника Михая Зичи. В числе грузинских советских художни-

ков, конечно же, в этом издании был представлен и Ладо Гудиа-
швили.

Последняя работа Владимира Давидовича для издательства
«Мерани» — иллюстрации к книге отдельных образцов грузинско-
го фольклора «Фиалки на горе» в русском переводе поэта Яна
Гольцмана.

Известный русский искусствовед А. А. Сидоров со всей убеж-
денностью заявил на уже упомянутом мною творческом вечере
Ладо Гудиашвили в Москве, что его творчество «является нашей
советской и мировой ценностью», что «у Гудиашвили народ-
ность по-настоящему уходит в далекую глубь народного искус-
ства Грузии». Далее Сидоров сказал: «Иллюстрации Ладо Гудиа-
швили просто звенят и поют, как поют и звенят грузинские пес-
ни...» Действительно, непрерывающаяся, волшебная по своей гиб-
кости и выразительности линия Ладо Гудиашвили могла выра-
зить самые тонкие переживания человеческой души, характеры
изображаемых персонажей.

Марк Златкин и Ладо Гудиашвили

В отзывах печати не раз отмечалась приверженность Гудиа-
швили старинным грузинским фрескам. Приводилась в пример его
работа «Улыбка фрески»: «...И вот глаза заиграли, на строгом

лице показалась улыбка, неожиданно живая красавица ^{глядит на} нас со стены храма лукавым, чувственным и умным ^{взглядом!}

Это чудодейственное «воскрешение» фресок прославляется во многих иллюстрациях к упомянутым нами выше изданиям.

Вместе с тем поражает диапазон творчества Гудиашвили. От средневековых сюжетов он переходил к темам современности («Сборщица чая», «Старое и новое»). Для выпущенного нами в 1970 году издания «Грузинские страницы Ленинианы», иллюстрированного работами художников Грузии, Ладо Гудиашвили сам выбрал из своих графических работ «Песню о Ленине».

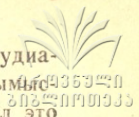
Пламенный советский патриот и гуманист Ладо Гудиашвили в годы Великой Отечественной войны кистью и пером с бичующим сарказмом клеймил звериный облик фашизма.

Творчеству Ладо Гудиашвили посвящены монографии и искусствоведческие работы советских и зарубежных авторов. В 1958 году к Декаде грузинского искусства и литературы в Москве наше издательство выпустило монографию М. Топурия о Ладо Гудиашвили. Помнится, с каким вниманием Ладо просмотрел отобранные для этого издания репродукции своих работ. В книгу вошло более пятидесяти иллюстраций.

Возвращаясь к нашим изданиям, иллюстрированным и художественно оформленным Ладо Гудиашвили на протяжении многих лет, я хочу отметить преемственность в его рисунках от книги к книге, что дает основание говорить о складывавшемся стиле романтически приподнятой графики. Подобно тому, как в книге Сулхана-Саба Орбелиани «Мудрость вымысла» просматриваются народные притчи и сказки, подобно тому, как перекликается картина тайного ухода Автандила из Аравии на поиски своего друга Тариэла в поэме Руставели с картиной тайного ухода Иодасафа из своего царства и поиски им Балавара в «Балавариани», точно так видишь сходство в отдельных мотивах иллюстраций. Но при определенно сложившемся своем оригинальном почерке художник никогда не повторялся в рисунках.

Графика Ладо Гудиашвили — это наглядный пример развития творческой мысли. Поэтому он отметил, что «стало уже традицией иллюстрирование одних и тех же эпизодов и образов поэмы» Шота Руставели, и пришел к выводу, что необходимо освободиться от этой традиции и создавать произведения на самые различные темы и ситуации классической поэмы.

¹ Сборник «Декада грузинского искусства и литературы в Москве. Март 1958», Тбилиси, 1960, стр. 293.

საქართველოს
რესპუბლიკის
ქვეყნური ბიბლიოთეკა

Я уже упомянул о художественном оформлении Ладо Гудиа-швили произведения Сулхана-Саба Орбелиани «Мудрость вымысла», но хочу напомнить, что еще в 1939 году он же оформил это произведение, выпущенное в старом переводе А. Цагарели под литературной редакцией Юрия Тынянова. Художник выполнил композиционный рисунок переплета, титульные страницы, заставку и концовку. И вот, спустя много лет, он по-новому развивает свой художественный замысел, связанный с этим произведением, обогащает его и к тому же создает синтетический портрет Сулхана-Саба Орбелиани, как бы вытекающий из творческого осмысления всего текста. Это еще один пример неустанного поиска.

Развитие одних и тех же образов особенно проявлялось в портретной живописи и графике Гудиашвили. В этом можно убедиться, рассматривая полотна, запечатлевшие образ Нико Пиросмани. От портрета к портрету художника, с которым судьба свела Ладо Гудиашвили, мы видим свободные вариации: Ладо изображает Нико Пиросмани то вместе с французским художником Анри Руссо, то на улице Парижа... И каждый раз в картину вписываются новые черты, даются новые ракурсы.

Хочется привести здесь один, правда, незначительный эпизод из истории сотрудничества Гудиашвили с нашим издательством.

Когда нами готовился к изданию юбилейный сборник к 80-летию Владимира Маяковского, составитель сборника литературовед Г. В. Бебутов обратился к В. Д. Гудиашвили с просьбой прокомментировать парижский фотоснимок 1922 года, где он изображен вместе с В. В. Маяковским.

Владимир Давидович с большой готовностью откликнулся и написал несколько страничек, которые вошли в сборник «Перед вами, Багдадские небеса».

В 1980 году не стало нашего Ладо. За год до этого была и моя последняя с ним встреча, когда мы смотрели его рисунки к книге «Фиалки на горе».

Прошли годы нашего общения в издательстве, на Декаде, на выставках и юбилейных встречах. У меня сохранился фотоснимок, на котором мы засняты на одной из книжных выставок в фойе конференц-зала грузинского филиала Института истории партии.

...И навсегда запечатлелся в моей памяти его облик, я бы сказал, облик высокой интеллигентности — его мягкая, едва слышная походка, его добрая, как бы извиняющаяся улыбка и ясные проникновенные глаза, которые видели чудесные сны и еще более прекрасную явь, глаза, зорко отличавшие добро от зла и умевшие славить добро и красоту.

ПОДВИГ ПОЭТА

«Н. ЗАБОЛОЦКИЙ совершил своего рода поэтический подвиг, сделал очень важное для потомства дело и еще более укрепил святую духовную дружбу между на-

шими народами». Эти слова написал о своем друге замечательный грузинский поэт Симон Чиковани.

А несколько позже, на расширенном заседании секретариата правления Союза писателей СССР, посвященном проблемам художественного перевода, состоявшемся в октябре 1960 года, эта же мысль прозвучала в выступлении Николая Чуковского. «Мне хочется непосредственно перейти к подвигу Заболоцкого, — сказал он. — Я так и говорю — к подвигу, потому что то, что он сделал, иначе, как подвигом, не назовешь».

✓ Выдающиеся заслуги Николая Алексеевича Заболоцкого перед советской культурой получили высокую правительственную оценку. В дни Декады грузинского искусства и литературы в Москве в 1958 году он был награжден орденом Трудового Красного Знамени. Я не случайно упомянул Декаду как праздник грузинского и всех братских народов страны, ибо Заболоцкий как поэт и переводчик, пожалуй, больше, чем кто-либо другой, содействовал своим творческим трудом успеху ее проведения.

Упоминанием этих общеизвестных фактов я хочу предварить мои воспоминания о Николае Алексеевиче, о его неутомимом и плодотворном сотрудничестве с нашим издательством.

Успех переводческой работы Заболоцкого в области грузинской поэзии был предопределен не только его высоким талантом, но и живейшим интересом к прошлому и настоящему Грузии, к литературе и искусству, к духовной жизни грузинского народа. В своем оригинальном творчестве он продолжал и развивал славные традиции великих русских классиков Пушкина, Лермонтова, как и они, поэтически вдохновлялся Кавказом. Еще в тридцатых годах, говоря о новом подъеме творчества Заболоцкого, Николай Тихонов справедливо заметил: «Разве Грузия не помогла ему в этом его новом подъеме? Разве грузинская тема не зазвучала в новом, классического образца стихе Заболоцкого?!». Эти слова по сути можно было отнести и к творчеству Пастернака и самого Тихонова.

Работа Николая Заболоцкого над переводами лучших образцов грузинской классической и современной поэзии протекала в тесном дружеском общении с видными представителями грузинской общественности, такими, как Тициан Табидзе, Симон Чи-

01.03.59
013-111033

ковани, Павле Ингороква, Виссарион Жгенти. Взявшись за по-
движнический труд — за перевод поэмы «Витязь в барсовой
шкуре», Заболоцкий пишет в июле 1936 года Тициану Табидзе:
«Необходимо подышать воздухом Грузии и почувствовать Руста-
вели на его родине». Тогда же он писал Симону Чиковани: «Мне
необходимо поработать в институте Руставели, чтобы почувство-
вать атмосферу, окружающую это имя, и узнать все то, что не-
обходимо для работы». И вот знакомство Заболоцкого с Грузией
и наше знакомство с ним состоялось. По возвращении из Грузии
в Ленинград Николай Алексеевич пишет Симону Чиковани: «Ко-
нечно, я никогда не забуду этого моего первого знакомства с
Грузией, и воспоминание об этом тифлисском месяце будет од-
ним из самых дорогих воспоминаний в моей жизни».

Симон Чиковани был как бы связующим звеном между За-
болоцким и издательством «Заря Востока» — мною, в то время
директором, и Виссарионом Жгенти, главным редактором это-
го издательства.

Первая творческая заявка Николая Заболоцкого нашему из-
дательству была подана опять-таки через Симона Чиковани, ко-
торому он писал в октябре 1946 года: «Нельзя ли через тебя
сделать предложение «Заре Востока» издать однотомник моих
переводов с грузинского? Я мог бы предложить книгу на 6000
строк». Предполагалось включить в сборник образцы народной
поэзии, стихи Григола Орбелиани и Важа Пшавела, фрагменты из
поэмы Руставели. Через четыре месяца Заболоцкий развивает в
письме Симону Чиковани свою мысль: «Я продолжаю увлекаться
мыслью о создании большой книги грузинских переводов». Пере-
воды его печатались в периодике, выходили отдельными книжка-
ми.

В декабре 1956 года я получил от Н. А. Заболоцкого такое
письмо:

«Уважаемый Марк Израилевич! С. И. Чиковани сообщил мне
с Ваших слов, что книга моих переводов продолжает существо-
вать в вашем издательском плане и утверждена. Ввиду того, что
в скором времени я в Тбилиси быть не предполагаю, посылаю вам
рукопись книги с С. Чиковани. Рукопись на 1105 листах следую-
щего содержания:

1. Руставели «Витязь» — 6600 строк, 2 издание (первое вый-
дет в Москве отдельной книгой).
2. Гурамишвили «Давитиани» — 6200 стр. — 5 издание.
3. Гр. Орбелиани — 1805 строк — 3 издание.
4. И. Чавчавадзе — 2446 строк — 4 издание.
5. А. Церетели — 154 строки — 2 издание.

6. В. Пшавела — 9500 строк, из них 7500 строк — 4 издание и 2000 строк — 2 издание.

Всего в книге около 27.000 строк. Было бы целесообразно издать ее в двух томах одного формата и в одной папке.

Прошу поставить меня в известность о предполагаемом ходе издания и сроках корректуры, которую я хотел бы читать лично.

Привет! Н. Заболоцкий».

А через день, уже в канун Нового года, Николай Алексеевич снова пишет мне о своей рукописи: «...Прошу Вас назначить редактором ее Симона Чиковани, который уже немало потрудился, работая со мною, и который хорошо знает все мои переводы.

Приветствую Вас и поздравляю с наступающим Новым годом. Ваш Заболоцкий».

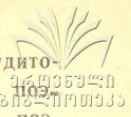
Наступал напряженный и ответственный для нас год подготовки к Декаде грузинского искусства и литературы в Москве. Предстояло выпустить в свет более ста книг, и среди них двухтомник переводов Николая Заболоцкого «Грузинская классическая поэзия» занимал одно из самых значительных мест.

В предисловии к своим переводам Н. Заболоцкий пишет, что его труд был бы невыполнимым без постоянной помощи грузинских писателей и литературоведов.

Георгий Леонидзе редактировал его перевод «Давитиани» Гурамишвили и считал, что это наиболее полный из существующих переводов. Леонидзе воздал должное и таланту переводчика: «Большому мастеру стиха Николаю Заболоцкому удалось передать вдохновенную силу лучших страниц Гурамишвили, сохранить всю свежесть и художественную силу творений великого грузинского поэта».

Перевод произведений Важа Пшавела редактировал Павле Ингороква. Особо отметил Заболоцкий в предисловии помощь, оказанную ему Симоном Чиковани: «Поэт Симон Чиковани в довоенное время познакомил меня с Грузией, ее историей и культурой и привлек мое внимание к ее литературе. Он редактировал мой перевод поэмы Руставели и в течение многих лет помогал мне своими советами и многочисленными указаниями».

Сорок писем Н. Заболоцкого к С. Чиковани хранятся в фондах Музея дружбы народов Академии наук Грузинской ССР и приведены в изданном музеем сборнике «Дружба». Эта переписка, возникшая в начале 1936 года, завершилась как раз накануне Декады грузинского искусства и литературы в Москве 1958 года.

Во время Декады мы все постоянно встречались в аудиториях на обсуждении переводов книг грузинских прозаиков, поэтов, драматургов, критиков. Первое заседание по вопросам поэзии, состоявшееся 26 марта 1958 года, открылось речью Н. А. Заболоцкого.

Он произносит имя Шота Руставели и говорит: «Пусть его тень присутствует здесь, на нашем заседании, и своим присутствием он поможет нам в нашей работе». Эти слова придали взволнованность, особый возвышенный настрой заседанию. В конце своего выступления Заболоцкий выдвинул задачу перед литературоведами и историками: «Нужно, — сказал он, — чтобы русский читатель, не знакомый с особенностями грузинской истории и культуры, воспринял поэму Руставели во всей возможной полноте».

Отзвучали декадные торжества, завершилось деловое обсуждение привезенных нами книг, наступила пора прощания и разъезда. Николай Алексеевич подарил мне изданный нами двухтомник его переводов грузинской классической поэзии, надписав: «На добрую память о грузинской Декаде 1958 года». А двумя днями раньше он написал мне на отдельном издании (Гослита) поэмы Шота Руставели: «На добрую память о нашей совместной многолетней и, надеюсь, небесполезной работе, с большим уважением Н. Заболоцкий».

Эти строки возвращают меня к воспоминаниям о годах, когда началось наше знакомство с Николаем Алексеевичем Заболоцким.

Наиболее характерным для того периода было формирование принципов переводческой работы. Только начинал накапливаться опыт в этой области Пастернаком, Тихоновым, Антокольским, Заболоцким и другими русскими советскими поэтами.

Любопытно, как описывает Заболоцкий постижение им оригинала переводимого стихотворения по «подстрочнику». Естественно, что подстрочный перевод мог дать ему представление только о содержании, и то иной раз сбивчиво, причем оставалось еще не познанным все остальное: музыкальность, красота образного мышления и словесное выражение мыслей и чувств поэта.

В своих «Заметках переводчика» Заболоцкий сравнивает подстрочник поэмы с развалинами Колизея, когда истинный облик постройки может воспроизвести только тот, кто знаком с историей Рима, его бытом, его обычаями, его искусством, развитием его архитектуры. И вот создавать такое умозрительное представление о поэме Шота Руставели Заболоцкий начал с изучения истории Грузии, ее многовековой литературы и искусства по существовав-

шим тогда переводам и музейным экспозициям. Он объездил Грузию, встречался с людьми, что было, пожалуй, самым главным. Насколько задушевно, творчески плодотворны были встречи, можно судить по прекрасной статье Симона Чиковани о Николае Заболоцком, в которой есть такие строки: «...Казалось, его рабочий стол стоял где-то неподалеку от моего окна, и я мог воочию наблюдать за вдохновенным трудом любимого друга, видеть, как переводит он лучшие творения грузинской классики и как проверяет на свой острый слух музыкальность взлетевших с этого стола звучных строк». Образная, поэтическая, но вполне реальная картина дружбы и духовного родства двух поэтов! А вот другой пример: прослушав стихотворение Тициана Табидзе в авторском чтении, в оригинале, Николай Заболоцкий уже составил представление о нем как о «прекрасной, трогательной вещи», потому что он уже был знаком с природой грузинского стиха, он уже знал самого поэта, дышал воздухом Грузии, он был очарован легендами, былью и сегодняшней новью края, ставшего ему родным. Все эти моменты и черты дружеского общения поэтов постепенно превращались, отливались в методы переводческой работы, когда автор читает свое произведение на родном языке, а переводчик, уже зная о содержании вещи, чутко вслушивается в музыку, ритмику стиха, затем они обсуждают подстрочник, проникаясь идеей произведения, фиксируя его характерные особенности, интонационные и эмоциональные черты. Именно это дало основание Симону Чиковани отметить, что «Заболоцкий не говорил по-грузински, но умел читать и отлично чувствовал музыкальное звучание грузинского стиха».

По словам Чиковани, Заболоцкий знал наизусть на грузинском языке целые строфы из Руставели, а также некоторые строки из «Давитиани» Гурамишвили. В этом я и сам убеждался, когда Николай Алексеевич заходил вместе со своими грузинскими друзьями в издательство и мы вели долгие беседы не только о делах, но и о поэзии вообще.

Еще при жизни Н. А. Заболоцкого в нашем издательстве начал составляться сборник его стихов о Грузии и переводов произведений грузинских советских поэтов. В составлении сборника Николай Алексеевич принимал непосредственное участие, но, увы, книга вышла в свет уже после его кончины. Называется книга: «На двух Арагвах пели соловьи». Названием ей послужила строка из первой строфы стихотворения «Ночь в Пасанаури»:

Сияла ночь, играя на пандури,
Луна плыла в убежище любви,

И снова мне в садах Пасанаури
На двух Арагвах пели соловьи.

Книгу редактировал Николай Борисович Томашевский. Первого августа 1973 года он писал мне из Гурзуфа: «Дорогой Марк Израилевич, сидя в гурзуфской латифундии, завершил я согласно нашей с Вами договоренности в Тбилиси просмотр рукописи Н. Заболоцкого «Стихи о Грузии и переводы из современных грузинских поэтов». Нечего и говорить, что чтение рукописи этого замечательного поэта доставило мне в очередной раз истинное удовольствие. Составлен сборник тщательно и с почти исчерпывающей полнотой. Думаю, что книга будет иметь заслуженный успех. В качестве редактора я позволил себе сделать лишь некоторые замечания, которые излагаю в своем редакторском заключении».

Далее Николай Борисович писал: «Единственно, на чем я настаиваю как редактор, — это на учете тех исправлений в тексте переводов, которые покойный Н. Заболоцкий вносил в печатные тексты помещаемых в данном сборнике переводов. В архиве семьи Заболоцкого имеются экземпляры прежних изданий переводов с его правкой, либо уточняющей текст, либо улучшающей русское поэтическое звучание. Надо самым тщательным образом учесть все эти замечания. Впрочем, обо всем этом Вы сможете прочесть в моем редакторском заключении».

Конечно же, все авторские уточнения были внесены в текст издаваемой книги. Эти уточнения показывают, с какой большой ответственностью относился Николай Алексеевич Заболоцкий к своему поэтическому труду, вновь и вновь просматривая выполненные им переводы.

Грузинский народ и благодарные читатели произведений и переводов Николая Заболоцкого из грузинской поэзии не забывают о подвиге поэта. Государственная премия имени Шота Руставели, которой были отмечены за большие заслуги перед грузинской литературой Николай Тихонов и Микола Бажан, была присуждена в 1974 году посмертно и Николаю Алексеевичу Заболоцкому.

Ур. 6/10

ТВОРЧЕСКИЙ ДИАЛОГ

В ТБИЛИСИ в Союзе писателей Грузии состоялась встреча с группой писателей и деятелей искусств Бельгии во главе с Жоржем Буйоном — редактором журнала «Дриада», большим знатоком грузинской прозы и поэзии, автором книг о Грузии, Казахстане и Узбекистане, вышедших в серии «Виза для СССР».

Гостей приветствовал председатель правления Союза писателей Грузии, лауреат Ленинской премии Нодар Думбадзе.

В своем выступлении он отметил тот факт, что в журнале «Дриада» помещены статьи о грузинской литературе, а в «Журналь де поэт» — подборка стихов молодых поэтов Б. Харанаули, В. Чиквадзе и Э. Татараидзе.

В ответном выступлении Ж. Буйон рассказал о наиболее важных течениях в современной бельгийской литературе, подчеркнул необходимость единения писателей всех стран.

Во время творческого диалога в Союзе писателей были обсуждены вопросы дальнейшего укрепления творческих контактов.

В беседе приняли участие секретари правления Союза

писателей Грузии Дж. Чарквиани, Т. Чиладзе, поэтесса Т. Авалиани, писатели Г. Буачидзе и С. Турнава, главные редакторы журналов «Литературная Грузия» и «Дила» Т. Буачидзе и Э. Нижарадзе и другие.

«НЕ ЗАРАСТЕТ НАРОДНАЯ ТРОПА»...

В ДВАДЦАТЬ второй раз состоялся традиционный праздник «Важаоба». С разных концов Грузии собрались почитатели таланта великого поэта Важа Пшавела во дворе его маленького дома в пшавском селе Чаргали.

Торжественный митинг открыл первый секретарь Душетского райкома партии Г. Кереселидзе. На митинге также выступили Герой Социалистического Труда поэт-академик И. Абашидзе, секретарь правления Союза писателей Грузии, член-корреспондент Академии наук республики Г. Цицишвили, главный редактор журнала «Дроша» Х. Берулава, народные сказители.

К празднику «Важаоба» была приурочена выставка работ народных умельцев, которые бережно хранят и приумножают богатые традиции народного творчества.

Главный редактор Т. П. БУАЧИДЗЕ.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

З. Г. АБЗИАНИДЗЕ, Р. Н. АСАЕВ, Х. Л. ГАГУА, А. Н. ГОГУА, Г. П. ДОЧАНАШВИЛИ, Э. В. ЕЛИГУЛАШВИЛИ, М. И. ЗЛАТКИН, Н. Г. КАРАШВИЛИ [ответственный секретарь], Э. Д. КВИТАИШВИЛИ, Г. Г. МАРГВЕЛАШВИЛИ, В. Г. МАЧАВАРИАНИ, О. Ф. НОДИЯ, Л. Ш. СТУРУА, Э. А. ФЕЙГИН, Г. В. ХАРАИДЗЕ [заместитель главного редактора], Г. Ш. ЦИЦИШВИЛИ.

ТЕЛЕФОНЫ:

Главный редактор — 93-65-15, заместитель главного редактора — 93-13-57, ответственный секретарь — 93-31-28, приемная — 99-06-59, отделы — 93-31-43 и 93-65-19.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК КП ГРУЗИИ

Тбилиси, ул. Ленина, 14

65 к

ИНДЕКС 76117

ՀԱՅԿԵՏԻ
ՅԵՐԵՎԱՆԻ

